

786
M 92^{ca}
65
801-84
12029-5

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО ПАМЯТНИКАМЪ.

(Выпускъ I.)

15 вкл

ЦЕРКОВЬ

СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА НА ЛИПНѢ,

БЛИЗЪ НОВГОРОДА.

ВОПРОСЪ

О

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ФОРМѢ ИКОНОСТАСОВЪ

ВЪ РУССКИХЪ ЦЕРКВАХЪ.

Георгія Филимонова.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

1859.

ВЪЗВРАЩАЮЩИЙСЯ

ПЕЧАТЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 17 дня 1858 года.

Ценсоръ *Н. Фоль Круае.*

2011142297

38969-0

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО ПАМЯТНИКАМЪ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ФОРМА
ИКОНОСТАСОВЪ

ВЪ

РУССКИХЪ ЦЕРКВАХЪ.

Основываясь на изученіи остатковъ древнихъ церквей, разбѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, археологическая наука уже можетъ приступить, въ настоящее время, если не къ рѣшенію, то, по крайней мѣрѣ, къ постановкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ изъ исторіи русскаго церковнаго зодчества. Вопросы эти, разъясняя факты исторической жизни памятниковъ, представляетъ собою еще и ту важность, что они тѣсно связаны съ современною потребностью возсозданія древнихъ формъ, съ этимъ стремленіемъ—усвоивать и передавать новымъ сооруженіямъ церковнаго зодчества древній характеръ, основанный на первоначальной потребности и освященный вѣковыми употребленіями. Древность подаетъ, въ этомъ случаѣ, руку современности, и археологія становится посредницею между древними и новыми зодчими. Она должна принять на себя это посредничество уже потому, что, имѣя подъ руками всѣ данныя, относительно древнихъ построекъ, она одна можетъ руководить современнаго зодчаго въ изученіи древняго стиля; кромѣ того, она можетъ указать ему на несообразности понятій, относительно новыхъ сооруженій, построенныхъ, по большинству мнѣній, въ древнемъ стилѣ, на самомъ же дѣлѣ,

въ какомъ-то искаженіи его; она одна, наконецъ, разоблачая подлогъ, можетъ снять незаслуженное, въ этомъ случаѣ, порицаніе древности. Въ самомъ дѣлѣ, сколько зданій, построенныхъ въ наше время, несправедливо присвоиваютъ себѣ названіе древняго стиля, зданій, стоящихъ часто ниже архитектурной критики и не имѣющихъ отъ древности ничего порядочнаго. Между тѣмъ, древность завѣщала намъ въ памятникахъ своихъ много прекрасныхъ идей, заслуживающихъ подражанія и въ наше время. Правда, что идеи эти нелегко разоблачаются за пристройками и передѣлками; но тутъ-то и нужна помощь археологіи, безъ которой, не говоря уже о подражаніи, почти невозможно добраться до первоначальной формы памятника. Путемъ же этой науки, объясняется, не только внѣшній процессъ измѣненій памятниковъ, ихъ случайное искаженіе пристройками и передѣлками, но и процессъ внутреннихъ измѣненій, именно, какимъ образомъ, та или другая архитектурная часть измѣнила свой первоначальный характеръ, въ зависимости отъ внутреннихъ, не всегда благоприятныхъ причинъ, и иногда во вредъ всему архитектурному строю.)

Чтобъ убѣдиться на дѣлѣ, стоить прослѣдить исторію какой либо отдѣльной части нашего церковнаго зодчества.

Одна изъ главнѣйшихъ между ними, конечно, алтарная преграда, или иконостасъ— эта необходимая архитектурная принадлежность Греко-Россійской Церкви. Посмотримъ, въ томъ ли видѣ она представляется глазамъ нашимъ, въ которомъ представлялась нѣкогда предкамъ.

Для уясненія себѣ мѣста иконостаса, съ древнѣйшихъ временъ, обратимся къ плану древнихъ церквей.

Представляя собою сходство съ планомъ греческихъ церквей, планъ русскихъ ¹⁾, состоитъ изъ четырехугольника, внутри котораго находятся обыкновенно четыре столба, иногда и болѣе. Столбы соединяются между собою и со стѣнами церкви посредствомъ римскихъ арокъ изъ полного центра. На четырехъ большихъ среднихъ аркахъ дѣлается обыкновенно куполь, или средняя большая глава церкви; когда же встрѣчаются боковые купола, то они утверждены на аркахъ, переходящихъ со столбовъ на стѣны. Восточная стѣна церкви образовывала обыкновенно три полукружія алтаря (absides).

Къ двумъ столбамъ, на которыхъ покоится восточная арка и которые служатъ, границею алтарю, обыкновенно прислоняется высокая деревянная преграда, отдѣляющая священнослужителей отъ молящихся и мѣсто священнодѣйствія отъ молитвеннаго. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ иконъ, поставленныхъ на деревянные перекладины, которыя служатъ основаніемъ верхнему ряду и перекрышею нижнему; съ лицевой стороны перекладины закрыты карнизомъ, а spazi или промежутки иконъ, полуколоннами. Три двери преграды соответствуютъ тремъ частямъ древняго

алтаря. Эта деревянная преграда, сверху до низу уставленная иконами, и потому называемая иконостасомъ (*ὁ ἱκονοστάσις*) возвышается, съ перваго взгляда, по мѣрѣ древности, обыкновенно ей приписываемой, все болѣе и болѣе, и, достигая, въ нѣкоторыхъ церквахъ, преимущественно же въ древнихъ соборахъ, почти вершины восточной арки, скрываетъ совершенно алтарь отъ глазъ молящихся. Въ архитектурномъ смыслѣ, она дѣлитъ внутренность церкви на двѣ, совершенно отдѣльныя части.

Встрѣчая подобнаго рода устройства иконостасовъ почти во всѣхъ древнихъ русскихъ церквахъ, конечно, трудно предположить, чтобы оно было первоначальное. Мы такъ привыкли, въ церкви, имѣть предъ глазами эту огромную деревянную преграду, украшенную, въ нѣсколько рядовъ, колоссальными иконами, что намъ не легко представить вмѣсто нея что либо другое. Между тѣмъ, сохранившіеся памятники древняго церковнаго зодчества ясно указываютъ на то, что современное устройство русскихъ иконостасовъ далеко первоначальное, что въ первые вѣка христіанства, въ Россіи, было другое устройство, которое болѣе соотвѣтствовало господствовавшимъ формамъ искусства византійскаго.

Лучшимъ доказательствомъ существованія иной, древнѣйшей формы иконостасовъ въ русскихъ церквахъ служатъ, безспорно, остатки древней фресковой росписи, встрѣчаемые на той сторонѣ двухъ алтарныхъ, основныхъ столбовъ, къ которой, въ настоящее время, плотно прислонены деревянные иконостасы. Происхожденіе этой законостасной стѣнописи можетъ быть уяснено единственно лишь отсутствіемъ деревянныхъ иконостасовъ. Иначе, какимъ образомъ и для какой цѣли зашла эта стѣнопись за иконостасы? Вопросы эти еще положительнѣе рѣшаются въ пользу господства стѣнописи на алтарныхъ столбахъ, смѣненной деревянными иконостасами, если мы прибѣгнемъ къ сравнительному изученію, и увидимъ тоже самое въ древнѣйшій періодъ на всемъ православномъ востокѣ, и даже на западѣ.

Но, къ сожалѣнію, когда первоначальная форма подверглась измѣненію, и предъ столбами, украшенными фресками, стали возноситься непроницаемыя преграды изъ иконъ, въ то время не думали о сохраненіи фресковъ, утратившихъ тогда свое значеніе; потому въ настоящее время, онѣ встрѣчаются такъ рѣдко, въ весьма немногихъ церквахъ, и то въ видѣ далеко, первоначальной сохранности, мѣстами же изгладились самые слѣды ихъ пребыванія, столбы, по древнему слою, покрылись новою штукатуркою, мѣстами же, древняя штукатурка, вмѣстѣ съ стѣнописью, пала безъ остатка подъ рукою молотка. Тѣмъ болѣе мы должны дорожить памятниками церковнаго зодчества, въ которыхъ еще уцѣлѣли, хотя въ немногихъ остаткахъ, древнія фрески за иконостасомъ, на алтарныхъ столбахъ. Они представляютъ собою

первый матеріалъ для рѣшенія вопроса о первоначальныхъ иконостасахъ въ церквахъ русскихъ.

Такъ случайно уцѣлѣли остатки цѣлой стѣнописи въ древнемъ Звенигородскомъ соборѣ, основаніе котораго приписывается 1090 году ²⁾. Здѣсь, позади деревяннаго иконостаса, на двухъ каменныхъ алтарныхъ столбахъ, стоящихъ по обѣ стороны царскихъ дверей, сохранились, аршина на два выше помоста церковнаго, слѣды нѣкоторыхъ изображеній, а именно: на правомъ столбѣ, если снять мѣстную икону Успенія Богородицы, то за нею и теперь еще представляются взорамъ нашимъ два святыхъ, одинъ, съ раскрытымъ и надписаннымъ свиткомъ въ лѣвой рукѣ, правая на груди, другой, направо отъ него въ вѣщѣ и царскомъ облаченіи. Точно также на лѣвомъ столбѣ, за иконой Св. Троицы, изображенъ молящійся старецъ, со сложенными на груди руками, направо отъ него, вѣроятно, ангель, въ высокой шапкѣ, похожей на фригійку, правою рукою указываетъ на небо, въ лѣвой держитъ свитокъ съ надписью. Обѣ надписи вмѣстѣ съ изображеніями пострадали отъ времени. Несмотря однакожь на то, что случай сохранилъ намъ эти части цѣлой стѣнописи далеко неудовлетворительно, все-таки нельзя не замѣтить, что стиль ихъ письма и прочность красокъ носятъ отпечатокъ византійскаго происхожденія ³⁾.

Слѣды подобной стѣнописи на столбахъ алтарныхъ, за иконостасомъ открыты и въ Рождественскомъ соборѣ Саввина монастыря ⁴⁾.

Но ни одна, изъ изслѣдованныхъ нами, доселѣ, древнѣйшихъ русскихъ церквей не представляетъ, въ подробностяхъ своей фресковой росписи, такого обилія сохранившихся указаній на первоначальное устройство каменныхъ иконостасовъ, какъ Новгородская церковь Св. Николая на Липнѣ, близъ озера Ильмена. Церковь эта еще такъ мало извѣстна, что мы считаемъ долгомъ распространиться о ней подробнѣе. Весьма рѣдко упоминали о ней изстари, а современные описатели древностей Новгородскихъ какъ бы забыли и въ настоящее время. Такъ въ сочиненіи Красова, о мѣстоположеніи древняго Новгорода, названіе Липенскаго монастыря употреблено только для обозначенія пространства древняго Новгорода ⁵⁾. Еще удивительнѣе, что древній монастырь этотъ не упоминается вовсе въ превосходномъ изслѣдованіи Неволіна о пятинахъ Новгородскихъ. Не говоримъ уже о путеводителяхъ и описаніяхъ святыни Новгородской, отъ которыхъ нельзя и требовать указаній на эту церковь, какъ отъ сочиненій, не имѣющихъ самостоятельнаго значенія, писанныхъ на случай и, большею частію, повторяющихъ уже прежде извѣстныя замѣчательности. Къ тому же, церковь эта, бывшая нѣкогда монастырскою, въ настоящее время предана совершенному запустѣнію, и только послѣ основательнаго обозрѣнія ея, могла представить собою любопытнѣйшій мате-

риаль для археологii. Самый доступъ къ ней весьма затруднителенъ, по причинѣ окружающихъ ее со всѣхъ сторонъ болотъ. Чтобы добраться до нея изъ ближайшаго Сквородскаго монастыря, къ которому она въ настоящее время приписана, надо ѣхать, часа три верхомъ, иногда въ водѣ по грудь лошади. Липенскiй монастырь находился отъ Новгорода къ ЮВ, верстахъ въ семи, при впадении рѣки Липы и притока ея Гнилицы въ озеро Ильмень. Въ росписи 1615 года значится онъ на Торговой сторонѣ около Новгорода ⁶⁾, а въ Исторiи Россiйской Иерархiи ⁷⁾, въ Обонежской пятинѣ. Приводя мѣсто изъ одной Новгородской рукописи Карамзинъ ⁸⁾ говоритъ о началѣ его, «что князь Мстиславъ, будучи въ тяжкомъ недугѣ, видѣлъ во снѣ Николая Чудотворца, велѣвшаго ему послать въ Кiевъ за его образомъ, который стоялъ въ Софiйской церкви, что бояринъ Мстиславовъ отправился туда озеромъ Ильменемъ, и что поваръ сего боярина, черная воду, увидѣлъ самую ту икону, за коею они ѣхали; что Мстиславъ выздоровѣвъ, поставилъ еѣ во храмѣ Св. Николая на княжескомъ дворѣ; что царь Иоаннъ Васильевичъ перевезъ оную въ Москву, въ церковь Благовѣщенiя на царскомъ дворѣ, гдѣ сiя икона чрезъ 25 лѣтъ сгорѣла во время пожара; что новгородскiй архiепископъ Климентъ въ 1292 году построилъ церковь Св. Николая на Липнѣ, въ семи поприцахъ отъ Новагорода, на берегу Ильменя, куда приплылъ изъ Кiева образъ сего угодника. »Въ третьей новгородской лѣтописи ⁹⁾ это упоминается подъ $\frac{6621}{1113}$ годомъ: «Образъ Николы чудотворца Мирлигiйскаго приплылъ изъ Кiева въ Великiй Новгородъ, дска круглая, ее взяли на Липнѣ, при епископѣ Иоаннѣ; и тою икону устроиша въ томъ превеликомъ храмѣ на Ярославлѣ дворищѣ, въ церкви». Вѣроятно, что это извѣстiе, записанное лѣтописью подъ 1113 годомъ послужило поводомъ къ предположенiю, что Липенскiй монастырь основанъ около этого времени, хотя въ лѣтописи нѣтъ прямого указанiя на то; построение же каменной церкви во имя Св. Николая, которая теперь представляется нашему изученiю, относится именно къ 1292 году, ибо подъ этимъ годомъ въ той же лѣтописи ¹⁰⁾ читаемъ: «заложилъ архiепископъ новгородскiй Климентъ церковь каменную Святаго Николы чудотворца, на Липнѣ въ монастырь, отъ Великаго Новаграда за 7 поприщъ, спустя послѣ приплытiя святаго образа 180-лѣтъ». Легко можетъ быть, впрочемъ, что до построения каменной церкви, въ этомъ монастырѣ существовала деревянная; тѣмъ болѣе, что на существованiе здѣсь монастыря намекаетъ лѣтопись, говоря о сооруженiи каменной церкви *въ монастырь*. Такого же рода намекъ находится въ надписи на иконѣ Св. Николая, приготовленной *въ Липенскiй монастырь* ¹¹⁾. Не богата фактами дальнѣйшая исторiя монастыря.

Въ 1528 году онъ упоминается въ числѣ другихъ новгородскихъ монастырей,

въ которыхъ архіепископъ Макаріи устроилъ общины. Въ 1513 году Липенскаго монастыря игумену Роману пожалована была великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ несудная грамота, подтвержденная въ 1606 году игумену Евфимію Лже-Дмитріемъ ¹²⁾. Послѣ шведскаго разоренія, грамотою царя Михаила Ѳеодоровича въ 1639 году приказано было строить монастырь на счетъ архіерейскаго дома. Кромѣ того, въ Исторіи Россійской Іерархіи упоминается еще двѣ жалованныя грамоты царя Алексея Михайловича, въ 1674 и 1675 годахъ строителю того монастыря Іосифу и грамота царя Ѳеодора Алексѣевича, въ 1677 году строителю Филарету. Грамотою царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, въ 1687 году монастырь этотъ приписанъ къ архіерейскому дому, хотя по другимъ извѣстіямъ онъ уже въ 1616 году былъ отъ него въ зависимости. Изъ этихъ грамотъ ¹³⁾ видно, что въ Липенскомъ монастырѣ были попеременно и игумены и строители. Кромѣ упомянутыхъ въ нихъ игуменовъ Романа и Евфимія и строителей, изъ которыхъ Іосифъ былъ іеромонахъ, а Филаретъ іеродіаконъ, въ надписѣ на иконѣ, бывшей некогда праздничною въ этой церкви, встрѣчается имя Антонія ¹³⁾ игумена въ 1556 году, а въ монастырскомъ синодикѣ сохранились имена Липенскаго монастыря игуменовъ ¹⁴⁾ Филарета, Іакова, строителей іеромонаховъ Гавріила и Варлаама, монаха Принея Бѣляева, Паисія Хмѣлецкаго. Въ 1763 году мы встрѣчаемъ опять игумена Корнилія.

Весьма любопытный синодикъ ¹⁵⁾ Липенскаго монастыря перенесенъ вмѣстѣ съ другими остатками въ Сквородскій монастырь. Писанъ онъ, какъ видно, во вторую половину XVII вѣка, полууставомъ, переходящимъ въ скоропись. На оборотѣ седьмого листа, въ кругѣ, раскрашенномъ соковыми красками, есть подпись киноварью: «Сей синодикъ построилъ николаевской Липенской монастырь того же монастыря строитель іеродіаконъ Филаретъ Козловской. по своихъ родителей и по себѣ вѣчный поминъ келейными денгами». На 65 страницѣ, послѣ поминанія патриарховъ Питирима и Іоасафа слѣдуетъ позднѣйшая приписка Никона и слѣд.; а на 69 послѣ именъ царей Василія, Михаила и Алексея, такая же приписка Ѳеодора; отсюда видно, что онъ построенъ въ первые годы царствованія Ѳеодора Алексѣевича, что вполне согласно съ упомянутой монастырской грамотой 1677 года, на имя строителя Филарета. Наконецъ, между родами вкладчиковъ, мы встрѣчаемъ имя писавшаго Синодикъ; имя это принадлежитъ исторической личности: «родъ Николаевского Дьяка с Дворищъ Іоанна Корнильева Шушерина писалъ сей Синодикъ». Въ этомъ синодикѣ весьма много любопытныхъ извѣстій, какъ для исторіи этой обители, такъ и для древностей вообще. Здѣсь между прочимъ упоминается родъ иконописца, Дружины, Андреева сына, Вознесенскаго дьячка Прусской улицы.

Свѣдѣнія о церквахъ Липенскаго монастыря мы находимъ въ росписи Новгородскихъ монастырей и церквей, составленной послѣ шведскаго разоренія, въ 1615 году. «Монастырь Липенской, а въ немъ храмъ Никола Чудотворецъ; придѣлъ священный Климентъ; въ трапезѣ Преподобный Сергій; все каменные ¹⁶⁾». Въ 1763 году, кромѣ сохранившейся донныя каменной церкви Св. Николая, была еще каменная же во имя Св. Троицы съ придѣломъ Св. Сергія Радонежскаго, возобновленная въ 1755 году; кромѣ того, колокольная деревянная съ 5 колоколами, настоятельскія келіи каменные въ два этажа съ погребями, длиною на 11, а шириною на 7 саженьяхъ, ограда на 177 саженьяхъ и прочее строеніе деревянное. Въ послѣдствіи все это употреблено на возобновленіе Сквородскаго монастыря трапезы еще въ 1784, церковь Троицкая въ 1799. До учрежденія Штатовъ, т. е. до 1764 года, къ Липенскому монастырю было приписано 294 души, изъ нихъ 225 принадлежали архіерейскому дому, пахатной земли 450 десятинъ и сѣнаго покосу на 2,070 копенъ. Къ нему же въ началѣ XVII вѣка былъ приписанъ Троицкій Коломацкій монастырь, стоявшій въ двухъ верстахъ отъ него. Въмѣстѣ съ учрежденіемъ Штатовъ, предоставленный собственнымъ, весьма скуднымъ средствамъ, онъ скоро впалъ въ крайность и упраздненъ, а съ 1798 г. приписанъ къ Сквородскому монастырю ¹⁷⁾.

Въ настоящее время отъ Липенскаго монастыря сохранилась одна только ветхая церковь во имя Святителя Николая. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ она представлялась изученію въ лучшемъ видѣ. Двери и окна защищали внутренность ея отъ поврежденій, теперь же снятыя двери и разбитыя окна отдаютъ еѣ въ полный произволъ непогодъ и корыстному челоуѣку. Свободно набивающій дождь и сильная сырость смыли большую часть драгоценныхъ фресковъ; стѣны во многихъ мѣстахъ дали значительныя трещины, наконецъ, обрушилась цѣлая часть пола въ югозападномъ углѣ верхней церкви. Легко можетъ быть, что это было дѣломъ рукъ искателей кладовъ. Они вскопали почти всю землю въ нижней церкви, на мѣстѣ бывшаго алтаря, и подъ восточную стѣну подвели ямы. Они приходятъ, по увѣреніямъ обрестныхъ жителей, изъ дальнихъ мѣстъ, съ подробными свѣдѣніями, гдѣ именно зарыты сокровища и безпрепятственно принимаются за корыстную работу. Странно, однакожь, что мѣсто это можетъ служить цѣлью поисковъ сокровищъ, когда нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій о прошедшемъ богатствѣ этого монастыря. Храмъ монастырскій, по видимому, никогда не славился особымъ благосостояніемъ. Это отсутствіе избытка, съ другой стороны, послужило, вѣроятно, къ сбереженію древностей въ этомъ памятникѣ. Находясь въ сторонѣ, и, не имѣя средствъ къ поновленію, онъ сохранилъ чрезъ то много драгоценныхъ матеріаловъ для изученія русской старины; тогда какъ другія церкви, далеко превосходящія

его и древностью и лучшимъ мастерствомъ, но имѣвшія больше средствъ къ поновленіямъ, давнымъ—давно изгладили свой первоначальный характеръ и утратили лучшую свою драгоценность, византійскія фрески. Но если древность истребляется поновленіями, то тѣмъ не менѣе гибнетъ она отъ небреженія, и храмъ этотъ, на которомъ пять столѣтій положили уже печать свою, быть можетъ, скоро покончитъ свое существованіе, если не подадутъ руки помощи къ его сохраненію.

Мѣсто, окружающее Липенскую церковь, представляетъ видъ пустынный. Оно не заселено, по причинѣ болотъ и луговъ, заливаемыхъ половодьемъ, во время котораго, одинокій храмъ, какъ бы на островѣ, среди всей окрестности, покрытой разливомъ Ильменя, возвышается на небольшомъ холмѣ. Кругомъ церкви вѣрными признаками древней дѣятельности человѣка остались лишь насыпные курганы, да груды щебня. Несмотря на отсутствіе дверей и оконъ, въ церкви совершается два раза въ годъ служеніе, которое отправляетъ іеромонахъ изъ Сковородскаго монастыря; вѣроятно, для того, кромѣ полного древняго иконостаса, въ ней находится нѣсколько иконъ по стѣнамъ и въ алтарѣ, нѣсколько древнихъ подвѣщниковъ и старья облаченія. Лучшій путь къ ней отъ Новгорода по Волхову, мимо Юрѣва монастыря и Рождественскаго скита.

Церковь Св. Николая сооружена была въ два яруса. Если мы исключимъ ¹⁸⁾ вновь пристроенную паперть съ колокольней, то планъ представляетъ квадратъ, въ средину котораго вставленъ равноконечный греческій крестъ, образуемый четырьмя поддерживающими куполь столбами, къ В. алтарь выступаетъ полукружіемъ. Крыша потерпѣла измѣненія. Оканчиваясь прежде четырьмя фронтонами, она теперь четырехскатная. Вслѣдствіе того же послѣдовало измѣненіе въ самой формѣ стѣнъ, которыя въ настоящее время имѣютъ видъ квадратовъ, тогда какъ прежде въ верхней части оканчивались конусомъ. Вообще стѣны представляютъ здѣсь рядъ грубыхъ, разновременныхъ передѣлокъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ обнажены отъ штукатурки, видны различные способы ихъ кладки, гдѣ первоначальная кладка изъ большихъ камней известковаго свойства, гдѣ древніе квадратные кирпичи, кое—гдѣ даже проглядываютъ задѣлки изъ новыхъ кирпичей. Узкія древнія окна большею частію заложены, вмѣсто ихъ прорублены широкія, безъ особой симметріи, самый свѣтъ внутри церкви чрезъ это, конечно, измѣнился. Древнее освѣщеніе сверху, посредствомъ весьма узкихъ оконъ барабана уничтожено: всѣ они до послѣдняго заложены. Въ сѣверной стѣнѣ ¹⁹⁾ верхней церкви, какъ видно, было пять оконъ, изъ нихъ осталось только одно, въ верхней части прежняго фронтона, взамѣнъ четырехъ другихъ существовавшихъ нѣкогда ниже его, въ одинъ рядъ, пробито, въ настоящее время два новыхъ — одно посреди стѣны, для освѣщенія верхней церкви, другое внизу, на мѣстѣ древней задѣланной двери; въ южной стѣнѣ ²⁰⁾,

представлявшей, въ древности, безъ сомнѣнія, одинъ боковой фасадъ съ сѣверной, пробито пять оконъ всѣ различной величины, одно, верхнее, древнее узкое, полузакрытое спускомъ крыши, два впадѣ, въ верхней церкви, два въ нижней, одно изъ послѣднихъ полузаложенное въ ризницѣ, другое на мѣстѣ древней входной уничтоженной двери. Въ западной стѣнѣ той же церкви было также пять оконъ, но въ иномъ размѣщеніи: а именно, одно въ верхнемъ углу прежняго фронтона, оно и теперь еще не заложено; ниже его, по сторонамъ, помѣщались четыре окна; по два въ одну линію; они всѣ заложены. Главный входъ въ нижнюю церковь съ этой стороны существуетъ и въ настоящее время, хотя и онъ пострадалъ отъ руки времени и передѣлокъ. Въ восточной стѣнѣ ²¹⁾ узкое верхнее окно сохранилось вполне, хотя, конечно, безъ древней рамы, два же другихъ окна по обѣ стороны алтарнаго выступа теперь заложены и вмѣсто ихъ пробиты небольшія оконныя отверстія, различныя по объему и формѣ, по двѣ съ каждой стороны, въ самомъ алтарномъ выступѣ сдѣланы вновь два окна, верхнее большее, нижнее меньшее, оба четырехугольныя. Вообще древнія окна заложены, а позднѣйшія пробиты, судя по несоразмѣрности ихъ, въ разныя времена, по мѣрѣ надобности. Все это вмѣстѣ способствовало искаженію архитектурныхъ формъ древняго памятника. Слѣды заложенныхъ оконъ доказываютъ ясно, что окна въ эпоху первоначальнаго сооруженія храма, будучи расположены по законамъ симметріи, служили къ освѣщенію такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ освѣщали средину церкви, а другіи, боковыя ея части.

Со стороны алтаря уцѣлѣли весьма любопытные остатки наружной стѣнной росписи. Между полукруглымъ выступомъ его и боковыми пилястрами по обѣ стороны изображены фресками Богоматерь и Спаситель, оба пояенные въ большомъ размѣрѣ ²²⁾. Судя по сохранившимся, около этихъ изображеній, деревяннымъ брусьямъ, можно предположить, что они были закрыты отъ непогоды навѣсами, которые давно уже исчезли, оставляя намъ свободу удивляться прочности красокъ, столь долго выносившихъ дождь и всѣ перемѣны погоды. Обычай украшать храмы снаружи стѣнописью относится къ глубокой древности христіанской. Церкви Греціи, Грузіи и нѣкоторыя изъ русскихъ сохранили прекрасные образцы въ этомъ родѣ.

Будучи сооружена въ два яруса, церковь эта вмѣщала въ себѣ два престола. Доказательствомъ тому, что въ нижнемъ ярусѣ, въ древнее время помѣщалась тоже церковь, можетъ служить во-первыхъ уже и то, что онъ имѣетъ совершенно одинаковое расположеніе съ верхнимъ ярусомъ, расположеніе, вполне соответствующее церкви, съ дѣленіемъ алтаря на три части, среднюю для престола, лѣвою для жертвенника и правую для ризницы. До сихъ поръ еще можно указать здѣсь

мѣсто, принадлежавшее престолу; хотя искатели кладовъ совершенно разрыли его. Въ жертвенникѣ сохранился каменный столъ для приготовления таинствъ и углубленія, для храненія святыхъ принадлежностей, съ другой стороны, въ діаконикѣ или ризницѣ такія же углубленія служили нѣкогда для храненія церковныхъ книгъ и утвари. Кромѣ того, въ юго-западномъ углу того же нижняго яруса и преимущественно на западной стѣнѣ сохранились слѣды фресокъ²³), безспорно, остатокъ цѣлой стѣнописи, украшавшей всю нижнюю церковь. Въ этомъ углу сохранились кой-какія фрески, вѣроятно потому, что здѣсь помѣщалась большая ризница; ибо промежутки между столбами и стѣнами, какъ и теперь видно, были заложены. Мы не нашли стѣнописи въ другихъ мѣстахъ этой церкви, потому, что, по упраздненіи здѣсь престола, церковь служила для другихъ цѣлей. Легко можетъ быть, что здѣсь былъ какой-нибудь подвалъ или кладовая, какъ часто можно встрѣтить въ подцерковьяхъ Новгородскихъ церквей съ упраздненными престолами. Наконецъ изъ росписи Новгородскихъ церквей мы знаемъ, что при главномъ храмѣ Николая чудотворца былъ придѣлъ Климента. Вѣроятно, это та самая церковь въ нижнемъ ярусѣ, освященная, быть можетъ, вмѣстѣ съ верхнею, во имя ангела Архіепископа Климента, при которомъ сооруженъ былъ храмъ.

Если верхняя церковь только въ недавнее время брошена на произволь, то нижняя, по видимому, давно уже испытываетъ его, въ чемъ легко убѣдиться, войдя внутрь церкви. Главный входъ въ нижнюю церковь, былъ, по древнему обычаю, съ запада; онъ существуетъ и нынѣ, хотя не въ первоначальномъ видѣ, но мѣстами заложень, мѣстами распространень. Кромѣ того, судя по очевиднымъ закладкамъ, произведеннымъ посредствомъ новаго кирпича, въ сѣверной и южной стѣнѣ были тоже двери, какъ нерѣдко встрѣчается въ древнихъ церквахъ даже и съ такими малыми размѣрами; извѣстно, что, въ настоящее время, вмѣсто дверей прорублены здѣсь окна. Своды этой тѣсной и мрачной церкви, покоясь на массивныхъ столбахъ, поддерживаютъ верхнюю церковь; они также пострадали. Недавно еще въ юго-западномъ углу завалился потолокъ, и образовалъ отверстіе въ полу верхней церкви. Полъ въ нижней церкви не существуетъ. Судя по остаткамъ, онъ былъ выложенъ изъ кирпича квадратной формы. Вѣроятно, матеріаломъ его воспользовались для иной цѣли. Войдя внутрь обѣихъ церквей нельзя не удивиться обилію нишъ и углубленій, сдѣланныхъ въ различныхъ стѣнахъ, и это отличительная черта церквей древности, особенно новгородской. Въ нижней церкви, кромѣ главныхъ углубленій, сдѣланныхъ въ восточныхъ оконечностяхъ сѣверной и южной стѣны, для храненія святыхъ принадлежностей, ризницы и жертвенника, проложена еще глубокая ниша въ западной стѣнѣ, въ томъ юго-западномъ углу,

гдѣ существовала, по нашему предположенію, большая ризница. Здѣсь, вѣроятно, сохранялась церковная казна. Мѣсто это недавно еще служило цѣлю алчныхъ поисковъ искателей кладовъ, и потому представляетъ видъ разрушенія. Въ верхней церкви надъ малой западной аркой выбраны два углубленія, вѣроятно, для облегченія свода. Одно изъ нихъ меньше, другое больше, оба полукруглыя, съ сохранившимися остатками византійскихъ украшеній стѣнописи. вмѣсто древнихъ алтарныхъ оконъ, въ настоящее время существуютъ также ниши съ полукруглымъ отверстіемъ. Кроме того, въ сѣверо-и-юго-западныхъ углахъ этой верхней церкви выложены въ стѣнахъ каменные скамьи. Въ верхней же церкви находились и хоры на западной стѣнѣ, онѣ были изъ дерева и потому со временемъ уничтожились. Въ двухъ аркахъ надъ сѣвornoю и западною алтарною дверью, за иконостасомъ сохранились какъ-то случайно два отверстія, на подобіе вдѣланныхъ въ стѣну кувшиновъ; вѣроятно, голосники.

Сохранившійся иконостасъ верхней церкви въ четыре главныхъ яруса, изъ которыхъ два верхніе, представляющіе апостоловъ въ ростъ и надъ ними поясныхъ пророковъ древняго Новгородскаго письма, хотя по видимому иконы сіи писаны не ранѣе XVI вѣка, и сильно пострадали отъ сырости и дурной новой олифы. Кроме того надъ верхнимъ ярусомъ иконостаса еще пять гербовъ представляютъ страсти Господни, выше ихъ недревнія рѣзные, иконныя фигуры Спасителя на крестѣ между двумя предстоящими. Два нижнихъ яруса также недревни. Здѣсь въ числѣ мѣстныхъ иконъ болѣе другихъ замѣчательна Николая чудотворца, колоссальная, съ житіемъ угодника, по полямъ, хорошаго новгородскаго письма XVI вѣка. Эта икона, вѣроятно, смѣнила собою древнѣйшую историческую икону того же угодника, находящуюся въ настоящее время въ Сквородскомъ монастырѣ. Но о ней мы будемъ имѣть случай говорить въ послѣдствіи. Иконостасъ плотно прилегасть къ алтарнымъ столбамъ, на которыхъ сохранились любопытнѣйшіе остатки древней стѣнописи. Чтобы разобрать ихъ подробно, для того необходимо выбрать всѣ иконы изъ иконостаса и снять массивныя перекладки, на которыхъ онѣ поставлены.

Стѣнопись вообще во всей церкви Св. Николая сильно пострадала отъ сырости, оказавшей, особенно недавно, со времени уничтоженія дверей и оконныхъ рамъ свое разрушительное вліяніе. Кроме того она повреждена передѣлками, искаженіемъ древнихъ дверей и оконъ и пробитіемъ новыхъ. Вслѣдствіе образовавшейся во многихъ мѣстахъ течи, краски, столь долго и упорно хранившіяся, отдѣлились наконецъ отъ изображеній и загрязнили собою мѣстами стѣны церкви. Новая штукатурка и побѣлки довершили гибель многихъ любопытныхъ остатковъ. Не

смотря на все это, еще осталось кой-что и на долю изучения. Сличивъ различные остатки фресокъ, нельзя не убѣдиться, что онѣ исполнены не одною рукою и быть можетъ не въ одно время. Столь онѣ разнохарактерны въ рисунокѣ. Самыя краски сохранились не одинаково. Однѣ, какъ мы видѣли, должны были податься, другія же до сихъ поръ невредимы.

Содержаніе стѣнописи разобрать весьма трудно, во многихъ мѣстахъ почти невозможно. Во всей росписи едва ли встрѣтится одинъ рисунокъ, сохранившійся вполне. Отъ многихъ остались однѣ лишь части, другихъ не сохранилось вовсе, за то уцѣлѣли ихъ надписи, свидѣтельствующія о томъ, что тамъ или здѣсь были извѣстныя изображенія, которыя давно уже исчезли. Были конечно и такіе рисунки, отъ которыхъ не осталось и указаній. Не смотря на всю недостаточность этой стѣнописи, мы долгомъ считаемъ перечислить подробно сохранившіяся ея части.

Археологическая важность ихъ для исторіи стѣнописи вообще и преимущественно вопроса стѣнописи первоначальныхъ алтарныхъ преградъ не подлежитъ сомнѣнію. Легко можетъ случиться, что гдѣ-нибудь въ другомъ углу Россіи отыщется со временемъ другая, подобная этой, церковь, съ одинаковою росписью; тогда сохранившееся въ одной, будетъ служить дополненіемъ не сохранившемуся въ другой, въ общемъ же составитъ нѣчто цѣлое. Мы въ правѣ ожидать этого по причинѣ однохарактерности искусства церковнаго въ его архаическую пору развитія. Кромѣ того, византійскаго характера церквей съ сохранившеюся вполне стѣнописью такъ мало, не только въ Россіи, но даже во всемъ христіанскомъ мірѣ, что нельзя не дорожить самыми незначительными остатками кое-гдѣ встрѣчающейся стѣнописи. Всѣ они требуютъ обнародованія.

Стѣнописи въ церкви Св. Николая, также какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ церквахъ древнѣйшаго періода, носятъ яркіе слѣды подражанія византійской. Это замѣтно и въ способѣ размѣщенія фресокъ и въ ихъ характерѣ. Встрѣчающіяся надъ изображеніями святыхъ надписи идутъ обыкновенно вертикально, по бокамъ, отъ головы къ плечу; славянскія буквы нерѣдко перебиваются греческими. Вмѣсто слова свѣтой обыкновенно употребляется греческая формула (a) гѣос. Откосы оконъ расписаны византійскими орнаментами ²⁴).

Средина купола по древнѣйшему обычаю, удержавшемуся въ стѣнописи русскихъ церквей весьма долго, занята колоссальнымъ изображеніемъ благословляющаго Спасителя, или, говоря языкомъ подлинниковъ, Господа Вседержителя (*παντοκράτορ*). Въ трибунахъ купола, между восьмью огнями, архангелы и пророки. Всѣ эти фрески въ главѣ церкви, въ настоящее время, снизу различить весьма трудно, потому что мракъ наполняетъ все верхнее пространство съ тѣхъ поръ, какъ

заложены здѣсь огна. Кромѣ того изображенія, какъ видно, покрыты густыми слоями пыли и сильно пострадали отъ трещинъ въ сводѣ купола и отъ сырости. На четырехъ противоположныхъ парусахъ, образуемыхъ большими арками, помѣщены четыре евангелиста, въ обычномъ порядкѣ. Между ними, на замкахъ большихъ арокъ, также какъ и на замкахъ малыхъ арокъ, травныя украшенія. Какъ-разъ подъ замками большихъ арокъ, въ вершинѣ каждой дуги, находимъ въ отдѣльныхъ кругахъ изображеніе деисуса, расположенное такимъ образомъ, что подъ главной восточной или алтарной аркой помѣщенъ Спаситель, отъ него налѣво подъ сѣверной Богоматерь, направо подъ южной Іоаннъ Предтеча, прямо противъ Спасителя, подъ западной аркой, архангелъ. Отъ каждой изъ этихъ фигуръ по дугамъ большихъ арокъ спускаются внизъ по два пророка, опирающихся пятами въ карнизы или импосты, ниже ихъ, за карнизами, по столбамъ слѣдуютъ святые воины, которые нѣкогда украшали собою столбы со всѣхъ сторонъ въ четыре ряда, въ настоящее же время сохранились весьма немногіе, прочіе исчезли вмѣстѣ съ древнею штукатуркою.

На сѣверной стѣнѣ ²⁵⁾ средней части церкви, возлѣ иконостаса, изображенія расположены сверху внизъ въ четыре ряда, два верхнихъ подраздѣлены древнимъ окномъ вдоль еще на двѣ части, такъ что здѣсь уже находимъ четыре отдѣльныхъ изображенія. Налѣво распятіе Господне съ предстоящими, направо снятіе со креста; подъ распятіемъ изображенъ любимый сюжетъ древнѣйшей стѣнописи, въ настоящее время рѣдко употребляемый, бесѣда Спасителя съ Самарянкою у колодца. Сюжетъ этотъ, какъ извѣстно, весьма знаменателенъ, по своему указанію на мѣсто молитвы. Направо подъ снятіемъ со креста встрѣчаемъ положеніе во гробъ Спасителя. Ниже, за чертою, слѣдуетъ рядъ святителей, состоящій изъ пяти фигуръ, въ ростъ; между ними, какъ патронъ храма, Св. Николай, съ Евангелиемъ въ лѣвой рукѣ, правую благословляетъ, прочіе Святители съ свитками. Въ нижнемъ четвертомъ ряду изображеніе совершенно испорчено новою штукатуркою, уцѣлѣли здѣсь только двѣ фигуры и то не вполне, одна изъ нихъ полуобнажена. Не былъ ли представленъ здѣсь эпизодъ изъ житія и чудесъ Св. Николая чудотворца. Извѣстно, что въ системѣ изображеній древней стѣнописи обыкновенно это мѣсто принадлежитъ храмовымъ праздникамъ.

Противоположная южная сторона, направо отъ иконостаса, пострадала еще болѣе. Съ большимъ трудомъ только можно догадаться, какого содержанія были здѣсь изображенія, представлявшія, по видимому, праздники и чудеса Господни. Прежнія раздѣленія этой части стѣнописи вмѣстѣ съ подраздѣленіемъ ихъ исчезли.

Лучше сохранилась часть стѣнописи на западной стѣнѣ церкви, надъ входною дверью. Не смотря на плохое освѣщеніе, по причинѣ уничтоженія здѣсь оконъ, еще можно разобрать, вверху, въ аркѣ, Спасителя среди учениковъ творящаго чудо исцѣленія; въ двухъ кругахъ между древнимъ окномъ святыя, у одного обѣ руки воздѣты, правую благословляетъ, другой святой совершаетъ знаменіе креста, а въ лѣвой держитъ закрытый свитокъ. Ниже ихъ между двумя окнами изображено Знаменіе Богородицы, между всѣми фресками отличающееся превосходствомъ исполнения и благородствомъ стили; по сторонамъ, между окнами сѣвернымъ и южнымъ простѣнками помѣщены по два архангела съ серафимами вверху. Отъ самыхъ же простѣнковъ, образуемыхъ тутъ малыми арками къ Знаменію приближается рядъ Апостоловъ, выше ихъ рядъ святыхъ. Надъ малою южною аркою изображены праздники въ рубрикахъ, которые разобрать весьма трудно, они расположены были, по видимому, въ три ряда. Вверху можно видѣть Введеніе во храмъ Богородицы.

Изъ числа изображеній въ большой западной аркѣ и по столбамъ ея, кромѣ вышеуказаннаго пояснаго архангела изъ деисуса въ вершинѣ дуги и двухъ пророковъ по ея спускамъ, на столбахъ можно указать святыхъ великомучениковъ Георгія и Димитрія Селунскаго. Оба представлены въ ростъ, первый съ копьемъ и шлемомъ.

Въ противоположной главной восточной аркѣ, надъ царскими воротами, въ вершинѣ дуги, какъ извѣстно, изображено главное лицо изъ деисуса, Спаситель. Типъ его, Спасъ Эммануиль или Предвѣчный Младенецъ. Подобно другимъ лицамъ деисуса онъ поясной, въ кругѣ, главою обращенъ къ иконостасу. Отъ него по дугѣ къ алтарнымъ столбамъ изображены стоящіе святыя: царь и царица; на самыхъ столбахъ видны слѣды нѣкоторыхъ изображеній святыхъ, сохранившаяся между ними надпись указываетъ праотца Авраама.

Стѣнопись въ алтарѣ пострадала не менѣе чѣмъ въ прочихъ частяхъ церкви. Кромѣ трещинъ въ разныхъ мѣстахъ восточной алтарной стѣны, продѣлка окна въ горнемъ мѣстѣ, равно какъ и новая штукатурка были нѣкогда и здѣсь главными причинами ея уничтоженія. Но, съ другой стороны и здѣсь остались слѣды кое-какихъ изображеній. Такъ на восточной стѣнѣ, за большою надпрестольною аркою сохранилось изображеніе Сошествія Святаго Духа на Апостоловъ. Древнее окно вверху дѣлитъ сидящихъ апостоловъ на двѣ части. Ниже, подъ чертою слѣдуетъ Преображеніе Господне. Спускаясь еще ниже, въ маломъ восточномъ сводѣ или горнемъ мѣстѣ изображено Знаменіе Богородицы между святыми. Въ вершинѣ дуги этого малаго свода помѣщается въ кругѣ поясной Спаситель, отъ котораго по дугѣ въ обѣ стороны два Евангелиста. Другое изображеніе Спасителя, и также пояснаго

и въ кругѣ, но съ другимъ типомъ, находится въ вершинѣ дуги большой надпрестольной арки, надъ изображеніемъ Сошествія Св. Духа. Спаситель представленъ здѣсь благословляющимъ, съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ; отъ него по обѣ стороны дуги стоятъ два архангела, въ большой ростъ. Нѣсколько фресокъ сохранилось ниже, надъ дверными отверстиями, ведущими изъ главной части алтаря въ его боковыя части; такъ надъ проходомъ въ жертвенникъ или сѣверное отдѣленіе алтаря сверху внизъ слѣдуютъ изображенія: Введеніе во храмъ Богородицы, ниже два святыхъ, съ стертыми надписями, еще ниже надъ самою дверью безребренники Косьма и Даміанъ. Надъ проходомъ въ діаконику или ризницу, вверху Срѣтеніе Господне, ниже, снова два святыхъ безъ надписи, еще ниже, надъ дверью, Крещеніе Господне. Въ самомъ жертвенникѣ и ризницѣ изображенія разобрать трудно, по причинѣ заложенныхъ оконъ, изъ главнаго же алтаря свѣтъ доходитъ весьма слабый, также какъ и изъ середины церкви, чрезъ сѣверныя и южныя двери. Сколько можно разобрать, въ жертвенникѣ, въ сводѣ было изображено Знаменіе Богородицы между двумя архангелами и принадлежащими святыми, въ ризницѣ на томъ же мѣстѣ три колоссальныхъ фигуры святыхъ, и два по спускамъ въ нишахъ, по дугѣ арки византійскія травныя украшенія.

Намъ остается разсмотрѣть важнѣйшія для нашего вопроса части стѣнописи, служившія, въ первоначальную эпоху сооруженія этой церкви, украшеніемъ алтарной преграды, замѣненной въ послѣдствіи иконостасомъ.

Стѣнопись эта помѣщена какъ по сую сторону восточныхъ алтарныхъ столбовъ, такъ и на восточномъ продолженіи поясовъ большой сѣверной и южной арки, къ малымъ аркамъ, ведущимъ изъ церкви въ боковыя отдѣленія алтаря. Мы уже видѣли, что въ вершинѣ дуги сѣверной арки изображена Богородица, въ кругѣ, съ полувоздѣтыми дланями, поясная, какъ и прочіе члены деисуса; знаемъ, что отъ нея спускаясь по обѣ стороны дуги стоятъ два пророка. На противоположной большой южной аркѣ, съ вершины пояса, гдѣ изображено третье лице деисуса, Іоаннъ Предтеча, по обѣ стороны дуги спускаются также два пророка, къ алтарному столбу Даніиль, къ другому Михей. Въ параллель съ ними, по второму поясу южной арки и на западномъ продолженіи ея, едва замѣтны рубрики подробностей отъ изображеній Воскресенія Христова и другихъ праздниковъ и чудесъ Господнихъ. Тутъ же, надъ малой западной аркой, едва можно различить слѣды какой-то гробницы или престола, возлѣ котораго стоятъ святые въ вѣнцахъ въ кругѣ главы и простой народъ безъ вѣнцовъ.

По восточному продолженію ²⁶⁾ южной арки, надъ малою аркою, образующею южную дверь, вверху видны остатки изображеній деисуса. Сохранились вполонину-

сидящій на престолѣ Спаситель и налѣво стоящая Богородица. Впрочемъ, весьма трудно опредѣлять по частямъ сюжетъ изображенія, такъ здѣсь кромѣ деисуса могло быть и другое подобное тому какое-либо начертаніе, напримѣръ, предста Царица; недостающая фигура съ правой стороны Спасителя могла быть не Іоанна Предтечи, а Іоанна Богослова. Ниже этого было изображено Воскресеніе Христово, разобранное нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ; въ настоящее время за огромной перекладиной иконостаса его не видно и потому на рисункѣ не показано. Еще ниже, надъ самою аркою, остались слѣды изображеній какого-то чуда, совершаемаго Богородицею. На тѣхъ же мѣстахъ восточнаго продолженія большой сѣверной арки къ сѣверной алтарной двери отъ древнихъ изображеній, въ настоящее время обезображенныхъ трещиною, вверху сохранились двѣ фигуры святыхъ; ниже ихъ изображенія заслонены перекладиной иконостаса. Здѣсь были разобраны нами нѣсколько лѣтъ назадъ, два святыхъ, идущихъ справа къ двери, выше ихъ слѣва стоящій Спаситель, отъ него направо покрытая пеленами фигура, стоящая предъ каменною дверью. Изображеніе это, представляющее, вѣроятно, Воскресеніе Лазаря, отнесено нами во время осмотра, къ самымъ неудачнымъ: оно отличалось рѣзкостью и неправильностью рисунка, особенно усы и клинообразныя бороды, носили сходство съ рѣзкими изображеніями, встрѣчаемыми иногда въ нашихъ древнихъ рукописяхъ. Вѣнцы вокругъ главы святыхъ сдѣланы одними коймами. Ниже надъ сѣвornoю дверью изображена Софія Премудрость Божія.

На самыхъ алтарныхъ столбахъ, подъ извѣстными уже намъ изображеніями пророковъ и подъ карнизами помѣщены на каждомъ по святому вошну: на лѣвомъ столбѣ Святой Θεодоръ, на правомъ, по видимому, Святой Меркурій. Оба по исполненію не относятся къ удачнымъ, покрыты какимъ-то красноватымъ тономъ. Въ рисункѣ не показаны потому, что находясь въ одной линіи съ упомянутыми воскресеніями, они заслонены вмѣстѣ съ ними перекладиною. Ниже этихъ изображеній, на главномъ планѣ посреди столбовъ алтарныхъ, сохранилось, и къ счастью, довольно цѣлостно, любопытнѣйшее для нашего вопроса изображеніе, которое, какъ увидимъ въ послѣдствіи, составляло необходимую принадлежность преграды алтарной въ церкви русской древнѣйшаго періода. Это изображеніе Благовѣщенія Богородицы ²⁷⁾, расположенное такимъ образомъ, что на правомъ столбѣ помѣщена Богородица, обращенная въ лѣвую сторону, къ благовѣствующему Архангелу Гавріилу, который находится на лѣвомъ столбѣ и обращенъ вправо къ Богородице; въ лѣвой рукѣ его жезлъ, правую благословляетъ. Ниже Благовѣщенія по обимъ столбамъ сохранилось по шестокрылому серафиму.

Эти фрески на алтарныхъ столбахъ, равно какъ и тѣ, что помѣщены на восточныхъ спускахъ главной сѣверной и южной арки, въ настоящее время, плотно заслонены колоссальнымъ иконостасомъ, который верхнею своею частію достигаетъ вершины восточнаго свода, правую же и лѣвою стороною примыкаетъ къ сѣверной и южной стѣнѣ; такъ что незнакомому вполне съ исторією архитектурныхъ формъ русскихъ иконостасовъ и неподозрѣвающему существованія фресокъ за иконостасами, трудно замѣтить здѣсь стѣнопись, а добраться до ней въ настоящее время стоитъ еще большихъ трудовъ, нежели сколько ихъ было приложено, чтобы закрыть эту стѣнопись въ періодъ измѣненія первоначальной формы преграды алтарной.

Между тѣмъ эта законостасная стѣнопись, весьма обильная соответствующими святости мѣста сюжетами, была употреблена въ свое время для украшенія алтарной преграды и въ настоящее время служить почти единственнымъ рудательствомъ измѣненія формы алтарной преграды въ церквахъ русскихъ. Она, почти исключительно, съ помощью только сравнительнаго изученія этой преграды въ древне-христіанскихъ памятникахъ способствуетъ къ возсозданію первообраза русскихъ иконостасовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что во время сооруженія церкви Свят. Николая на Липнѣ деревяннаго иконостаса не существовало, что фрески въ этотъ періодъ алтарной преграды замѣняли собою иконы на деревѣ, и стѣнопись была равносильна собственной иконописи, получившей право первенства, конечно, съ появленіемъ новой формы иконостасовъ. Указаній на господство стѣнописи въ древнѣйшій періодъ сохранилось, какъ увидимъ въ послѣдствіи, во многихъ памятникахъ древне-христіанскаго зодчества; въ церквахъ русскихъ замѣненіе иконъ посредствомъ фресокъ, встрѣчаемъ преимущественно въ древней стѣнописи за иконостасами. Слѣды подобнаго рода стѣнописи встрѣчаются кое-гдѣ за иконостасами и въ другихъ русскихъ церквахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ церквахъ древнѣйшаго періода заслоненные въ настоящее время иконостасами столбы и стѣны были совершенно открыты и украшены фресками. Кромѣ сохранившихся на то указаній въ памятникахъ, самый характеръ церковнаго искусства въ Россіи, характеръ архаизма, строго соблюдавшій одинъ обще-принятый неизмѣнный образецъ, одно извѣстное, опредѣленное уставами, освященное стариною и древними образцами устройство, говоритъ въ пользу одной общей архитектурной формы алтарной преграды во всѣхъ русскихъ церквахъ опредѣленнаго періода.

Но, какова была первоначальная форма русскихъ иконостасовъ и въ какую пору она подверглась измѣненію? Эти вопросы не такъ легко разрѣшить въ наше время. До насъ не дошла ни одна русская церковь съ полнымъ первоначальнымъ устрой-

ствомъ иконостаса и не могла дойти на основаніи тѣхъ же законовъ архаизма, вслѣдствіе которыхъ искусство церковное носить печать однохарактерности. Обратимся снова къ памятникамъ, въ которыхъ сохранились, по крайней мѣрѣ, указанія на существовавшее устройство, то есть, къ тѣмъ церквамъ, въ которыхъ еще встрѣчается фресковая заиконостасная роспись. Церкви эти предлагаютъ собою первый матеріалъ для рѣшенія вызванныхъ нами вопросовъ. Прежде всего въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на время постановленія иконостасовъ вытѣснившихъ собою древнѣйшее, первоначальное устройство. Время это можетъ быть опредѣлено, хотя приблизительно, стилемъ иконописи, какъ проявленіемъ характера искусства извѣстной эпохи. И такъ, чтобы узнать, когда явились высокіе сплошные многоярусные иконостасы, надобно внимательно изучить стиль ихъ иконописи, путемъ этого изученія должно опредѣлиться время написанія иконъ, послѣ чего не трудно опредѣлить съ достовѣрностью время постановленія самыхъ иконостасовъ. Конечно и въ этомъ случаѣ встрѣчаются большія затрудненія со стороны видоизмѣненій, которыя претерпѣли иконостасы древнихъ церквей; но, за неимѣніемъ другихъ, болѣе положительныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса, мы не можемъ отказаться и отъ этой единственной мѣры. Постараемся только пользоваться ею съ осторожностью. До сихъ поръ намъ положительно не случалось встрѣтить, ни въ памятникахъ, ни въ указаніяхъ, ни одного иконостаса, который бы, по стилю иконописи, переступалъ за границы XIV вѣка. Письмо иконостасныхъ образовъ въ церкви, подлежащей нашему изученію, Николая на Липнѣ, не восходитъ ранѣе XVI вѣка, и то только два верхнихъ яруса мы безошибочно можемъ отнести къ этому періоду, въ большей же части другихъ древнихъ церквей образа, составляющіе собственно иконостасъ, относятся, по стилю иконописи, къ XVI и XVII вѣкамъ. Руководясь этими выводами, мы считаемъ себя въ правѣ придвинуть начало сплошныхъ деревянныхъ иконостасовъ къ концу XIV и началу XV вѣка; тѣмъ болѣе, что сооруженія нѣкоторыхъ церквей, въ которыхъ сохранились указанія первоначальнаго устройства иконостасовъ, относятся къ этому времени, какъ и увидимъ въ послѣдствіи. Съ другой стороны, мы не можемъ допустить, чтобы удержаніе первоначальнаго вида иконостасовъ или алтарной преграды было позже XV вѣка, во-первыхъ уже потому, что въ памятникахъ послѣдующаго періода не встрѣчается указаній первоначальнаго устройства этихъ преградъ; кромѣ того, въ лѣтописяхъ уже въ концѣ XIV вѣка попадаются намеки на существованіе иконостасовъ новой формы, съ отдѣльными ярусами образовъ. Такъ нековскій лѣтописецъ подѣ ⁶⁹⁰⁴/₁₃₉₆ годамъ упоминаетъ верхнее тябло иконостаса ²⁸): «бысть знаменіе въ

церкви Святаго Бориса и Глѣба, двѣ иконы: Святая Троица и Богородица снисхола съ верхняго тябла и легоша на востокъ образомъ». Первая псковская лѣтопись представляетъ любопытный вариантъ этого извѣстія, а именно здѣсь сказано, что только «икона Святая Троица съшла изъ-подъ верхнего тябла на землю», а «Воплощеніе Святыя Богородицы» (не изъ праздничнаго ли тябла?) прямо «съ своего мѣста на землю». Это извѣстіе весьма важно для нашего вопроса уже потому, что оно принадлежитъ едва ли не къ первымъ извѣстіямъ изъ лѣтописей, въ которыхъ указывается нѣсколько иконъ въ иконостасѣ. Что же до слова *тябло*, то справедливость требуетъ замѣтить, что слово это въ древнѣйшихъ указаніяхъ нерѣдко употребляется и не въ смыслѣ отдѣльнаго яруса иконостаса, а иногда и въ смыслѣ антаблемента, съ которымъ легко можетъ быть одного происхожденія. Такъ, напримѣръ, употреблено оно въ этомъ смыслѣ лѣтописцемъ новгородскимъ ²⁰⁾ при описаніи алтарной преграды Софіи Константинопольской, въ которой не было вовсе ярусовъ иконостаса, подобныхъ нашимъ.

Если же въ началѣ XV вѣка произошло окончательное измѣненіе формы иконостасовъ, то оно не могло имѣть значенія случайнаго и ограничиться только нѣкоторыми мѣстностями. Напротивъ того, оно должно было непременно имѣть значеніе повсемѣстное, общее для всехъ русскихъ церквей. Въ древнихъ церквахъ алтарная преграда первоначальной формы должна была измѣниться въ форму новыхъ иконостасовъ, во вновь сооружаемыхъ постройкахъ стали строить иконостасы по новымъ образцамъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ архаическую пору своего развитія искусство церковное не терпитъ случайностей и отступленій; но однажды принятое за образецъ формы, дѣлается общимъ достояніемъ всехъ памятниковъ извѣстной эпохи. На томъ же основаніи ни въ одной церкви русской не удержалась первоначальная форма алтарной преграды, но вездѣ встрѣчается одна общая, современная форма иконостасовъ, не смотря на то, что нѣкоторыя древнія церкви сохранили за новыми иконостасами древнія фрески.

Что же послужило прямымъ поводомъ къ измѣненію первоначальной формы преграды алтарной въ то время? Трудно рѣшить и этотъ вопросъ, въ настоящее время. Письменные источники не оставили намъ никакихъ прямыхъ на то указаній. Лѣтописи, упоминая нерѣдко весьма подробно о какихъ-нибудь передѣлкахъ и перестройкахъ, вовсе умалчиваютъ объ этомъ общемъ весьма важномъ измѣненіи архитектурной формы внутренности церквей. Они, по видимому, даже не замѣтили этого измѣненія, хотя оно свершилось предъ ихъ глазами. Явленіе не совсемъ понятное въ архаическую пору развитія искусства. Это умолчаніе лѣтописей еще можно было бы уяснить отчасти постепенностью измѣненія древняго типа на

новый тѣмъ, что введеніе новаго рода иконостасовъ случилось не разомъ, но, что оно заготовлялось временемъ постепенно, но въ такомъ случаѣ мы могли бы ожидать умолчанія лишь отъ источниковъ XVI и XVII вѣка, во время которыхъ форма новая получила окончательное развитіе и устройство, но, ни какъ ни отъ извѣстій XV вѣка, въ глазахъ которыхъ почти одновременно существовать могла и древняя и новая форма. Въ новыхъ сооружеціяхъ легко могла усвоиться новая форма, заготовленная уже временемъ, въ старыхъ же церквахъ она должна была прежде изгладить древнюю первоначальную форму и потомъ уже занять ея мѣсто; здѣсь стѣнопись должна была разомъ уступить мѣсто собственной иконописи и фрески иконамъ на деревѣ. Замѣчательно, что даже русскіе путешественники, отличавшіеся своею наблюдательностію и описавшіе подробно посѣщенные ими страны, видѣли памятники византійскаго зодчества въ ихъ неизмѣненномъ, первоначальномъ видѣ въ то время, какъ въ русскихъ церквахъ было введено новое устройство иконостасовъ, по видимому, не замѣтили ихъ характеристическаго отличія и той рѣзкой грани, которая легла между коніями и ихъ оригиналами.

Посланный въ 1650 году русскимъ правительствомъ въ Грузію Толочановъ внимательно осматривалъ достопамятности этой страны; онъ видѣлъ тамъ церкви, въ которыхъ сохранились алтарныя преграды, совершенно отличныя отъ нашихъ иконостасовъ того времени, и положительно не упоминаетъ объ этомъ, хотя мы въ правѣ ожидать, что различіе въ устройствѣ тѣхъ и другихъ не могло скрыться отъ его наблюдательности. Описывая подробно грузинскія церкви съ украшавшею ихъ святынею, онъ обращаетъ, между прочимъ, вниманіе, даже на отличіе, которое нашелъ въ обрядахъ служенія нашего и грузинскаго, не забываетъ, наконецъ, сообщить, что «затворныхъ царскихъ дверей ³⁰⁾, ни въ которой церкви у нихъ не живетъ», что вмѣсто ихъ промежутокъ, назначенный для дверей, завѣшивается во время служенія «запоною презрядною». Извѣстно изъ исторіи алтарныхъ украшеній, что еще въ первыхъ христіанскихъ церквахъ завѣсы нерѣдко замѣняли собою царскія двери. Грузинскія церкви, какъ видно, сохранили устройство это еще въ XVII вѣкѣ, на диво русскому послу. Толочановъ нигдѣ прямо не описываетъ преграды алтарной, но исчисляя стоявшія около нея иконы, онъ употребляетъ выраженіе *у стѣны алтарныя* ³¹⁾, разумѣя безспорно, подъ этими словами самую каменную преграду, отдѣляющую алтарь отъ церкви. Но этимъ и ограничиваются всѣ его указанія на прегражденія алтаря. Преграда алтарная упоминается еще новгородскою лѣтописью ³²⁾ по поводу драгоцѣннаго описанія разорѣнія знаменитой Софій Константинопольской въ 1204 году. Церкви съ древнѣйшимъ устройствомъ этой преграды встрѣчались, конечно, русскіе путешественники и въ другихъ

странахъ, гдѣ процвѣтало византійское искусство, и куда только заходили сѣмена христіанства первыхъ десяти столѣтій; но, не смотря на все ихъ рѣзкое отличіе въ способѣ прегражденія алтаря сравнительно съ церквами русскими, посланники и паломники, сколько извѣстно, изъ статейныхъ списковъ и благочестивыхъ хожденій, ни гдѣ не упоминаютъ объ этомъ. Чтоже касается до самыхъ древнихъ русскихъ церквей, то мы уже знаемъ, что ни одна изъ нихъ не могла сохранить и дѣйствительно не сохранила первоначальнаго иконостаса, позднѣйшіе вытѣснили ихъ повсюду. Только лишь кой-какіе признаки въ остаткахъ фресокъ за иконостасами даютъ намъ слабую, хотя и весьма вѣрную возможность призвать къ осуществленію первоначальную форму иконостасовъ русскихъ. Въ чемъ же собственно состояла эта форма, и, какимъ образомъ, она подверглась измѣненію? До сихъ поръ мы достовѣрно можемъ сказать лишь то, что въ составъ преграды входили два основныхъ алтарныхъ столба, украшенныхъ фресками вмѣстѣ съ примыкавшими къ нимъ слѣва и права арками сѣверной и южной двери. Что же находилось въ ихъ промежуткахъ? Пустымъ оставаться онъ не могъ потому, что для того онъ все-таки значителенъ. Съ другой стороны деревянный, современный намъ иконостасъ помѣщаться между столбами не могъ по ограниченности для того пространства. Для разъясненія намъ на помощь являются прежде всего кой-какіе остатки кирпичной стѣны, отысканные случайно въ означенныхъ промежуткахъ, при перестройкахъ древнихъ нашихъ церквей.

Такъ въ московскомъ Чудовѣ монастырѣ, въ церкви Св. Михаила при послѣднемъ ея возобновленіи нашли кирпичную стѣнку, образовавшую отверстіе для царскихъ и боковыхъ дверей алтаря; на ней еще видны были слѣды изображеній стѣнописи. Подобно тому, кирпичная же стѣна, только большаго размѣра была замѣчена въ Кремлевской церкви Св. Іоанна Богослова въ Ростовѣ и въ другихъ церквахъ. Съ помощью этихъ данныхъ, при сравнительномъ изученіи древнѣйшихъ церквей Греціи и Грузіи, мы попробуемъ въ послѣдствіи хотя отчасти уяснить себѣ первоначальную форму алтарной преграды въ церквахъ русскихъ, состоящую изъ невысокой стѣнки между столбами алтарными, съ стѣнописью вмѣсто образовъ на деревѣ.

Но и здѣсь встрѣтятся затрудненія со стороны вопросовъ о царскихъ дверяхъ и мѣстныхъ иконахъ. Составляютъ ли онѣ исконную принадлежность древнѣйшихъ русскихъ иконостасовъ или нѣтъ? Судя по характеру рисунка, по рѣзбѣ и встрѣчающимся на царскихъ дверяхъ миниатурамъ, нѣкоторыя изъ нихъ должно отнести, по крайней мѣрѣ, къ XIV вѣку. Что же до иконъ мѣстныхъ или праздничныхъ, то нѣкоторыя изъ нихъ доходятъ до первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи. Здѣсь не мѣсто распространяться ни о томъ, ни о другомъ, скажемъ только, что на осно-

ваніи положительныхъ данныхъ, царскія двери входили въ составъ древнѣйшей преграды алтарной даже до русскаго періода, хотя форма ихъ, безъ сомнѣнія, также претерпѣвала видоизмѣненія; иконы же, какъ извѣстно, вывозились изъ Греціи и готовились у насъ для церквей, также съ распространеніемъ христіанства въ Россіи, хотя очевидно количество ихъ значительно умножилось съ XV и особенно въ XVI вѣкѣ. При построеніи церквей лѣтописи постоянно указываютъ на украшенія ихъ иконами, писанными на деревѣ. Къ сожалѣнію, нѣтъ прямыхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ онѣ помѣщались въ древнѣйшую пору. Если допустить существованіе царскихъ дверей, что необходимо, тогда останется два промежутка отъ нихъ до столбовъ, которые могли быть заняты необходимыми, по видимому, принадлежностями иконостаса иконами Спасителя и Богоматери. Съ другой стороны нельзя опустить изъ вида того, что, не смотря на весьма ограниченное мѣсто, принадлежащее древнимъ царскимъ дверямъ, самый промежутокъ отъ нихъ до столбовъ весьма незначителенъ. Въ обширнѣйшихъ изъ древнихъ соборовъ русскихъ все пространство между двумя алтарными столбами, не исключая и занимаемаго дверьми, всего отъ семи аршинъ до трехъ сажень, вообще же относительная величина его полторы, много двѣ сажени. Такъ изъ числа кievскихъ церквей въ одномъ только Златоверхомъ Михайловскомъ соборѣ (1108 г.) доходитъ это пространство до десяти аршинъ, въ Софійскомъ же (1037) оно равняется тремъ саженямъ, въ разобранной Прининской церкви было восемь аршинъ, въ Михайловскомъ Выдубецкомъ (1088) семь аршинъ. Въ Софійскомъ новгородскомъ (1052) тоже, въ Дмитровскомъ соборѣ во Владимірѣ двѣ сажени, также какъ и въ здѣшнемъ монастырскомъ соборѣ Рождества Богородицы. Въ церквахъ небольшихъ, промежутокъ этотъ еще незначительнѣе. Въ церкви Св. Николая, близъ Новгорода, на Липнѣ, оно всего четыре аршина. Безъ сомнѣнія, что были, и теперь еще существуютъ, церкви, гдѣ промежутокъ этотъ еще незначительнѣе. Вообще величина его, весьма естественно, равняется діаметру трибуна церкви. Гдѣ же могли помѣщаться на такомъ узкомъ пространствѣ колоссальныя мѣстныя иконы? На алтарныхъ столбахъ помѣщаться онѣ не могли уже потому, что столбы эти съ лицевой стороны сверху до низу покрывались стѣнописью. Въ остающемся промежуткѣ, за вычетомъ мѣста, необходимаго для царскихъ дверей, въ малыхъ церквахъ, едва могли помѣщаться двѣ упомянутыхъ иконы Спасителя и Богоматери, которыя могли стоять по обѣ стороны царскихъ дверей. Гдѣ же находилась икона праздничная? Мы не можемъ пройти молчаніемъ о сдѣланномъ нами, при изслѣдованіи новгородскихъ церквей, замѣчаніи, что въ системѣ стѣнописныхъ изображеній икона храмоваго праздника занимаетъ постоянно мѣсто на сѣверной стѣнѣ, вверху, возлѣ иконостаса. Приве-

демъ для примѣра сохранившуюся роспись въ новгородской церкви Успенія Богородицы въ селѣ Волоотовѣ, гдѣ на сѣверной стѣнѣ, въ четвертомъ ряду изображена подробная икона Успенія; тамъ же въ селѣ Ковалевѣ, въ церкви Преображенія икона Преображенія, а въ новгородской церкви Св. Θεодора написанъ Великомученикъ Θεодоръ, въ изслѣдуемой нами, въ настоящее время, церкви Св. Николая, на Липнѣ; Св. Николай чудотворецъ между святителями и кромѣ того, по видимому, эпизодъ изъ жизни или чудесъ его.

Не смотря на то, было бы слишкомъ опрометчиво вывести отсюда, что въ древнихъ церквахъ съ первоначальнымъ устройствомъ иконостасовъ не было мѣстныхъ и праздничныхъ иконъ, кромѣ тѣхъ, что изображались стѣннымъ нисѣмомъ. Не говоря уже объ указаніяхъ лѣтописей, ясно противовѣчащихъ этому, до насъ дошли самые памятники, писанныя на декахъ иконы тѣхъ святыхъ или праздниковъ, въ честь которыхъ воздвигнуты были церкви. Судя по характеру ихъ письма и нерѣдко по самымъ, находящимся на нихъ надписямъ, нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ древнѣйшей эпохѣ сооружения церквей. Такова, на примѣръ, колоссальная поясная икона Св. Николая чудотворца, бывшая нѣкогда праздничною въ церкви Св. Николая на Липнѣ. Въ настоящее время она находится въ новгородскомъ Сквородскомъ монастырѣ, но первоначально, на основаніи историческихъ данныхъ она была написана и поставлена, какъ праздничная, въ только что построенную церковь Св. Николая на Липнѣ. Въ новгородской лѣтописи ³³), подъ $\frac{6802}{1294}$ годомъ, слѣдовательно, всего въ третій годъ сооруженія церкви, читаемъ: «При князѣ Андрѣѣ Александровичѣ, при архіепископѣ Климентѣ Великого Новгорода и Пскова, и при посадницѣ Андрѣѣ Климонтовичѣ, написана бысть икона великаго чудотворца Николая въ Липенской монастырь повелѣніемъ и стяжаніемъ раба Божія Николы Васильевича въ честь и славу Николаю великому чудотворцу; и въ лѣто $\frac{7064}{1336}$ при державѣ великаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Россіи самодержца и при архіепископѣ Пиминѣ Великого Новгорода и Пскова, повелѣніемъ и стяжаніемъ Николскаго игумена Антонія, обновленъ бысть сїи образъ великаго чудотворца Николы, Липенскаго монастыря». Извѣстіе это, по видимому, заимствовано изъ одного источника съ надписью на иконѣ, но послѣдняя представляетъ, кромѣ того, любопытное дополненіе, слѣдующее за именемъ вкладчика Николы Васильевича: «Святому Николѣ въ честь и славу отъ вѣка и до вѣка, а писалъ грѣшный Алекса Петровъ сынъ». Легко можетъ быть, что событіе это внесено въ лѣтопись изъ надписи на иконѣ. Вставочный характеръ его видѣнъ уже изъ того, что подъ событіемъ 6802 года, находится будущее

событіе 7064. Въ лѣтописяхъ встрѣчаются указанія и на другія иконы, писанныя какъ праздничныя въ различныя церкви древности; дошли и самыя иконы, принадлежащія къ этому разряду. Разумѣемъ здѣсь тѣ, которыя, неся еще яркіе слѣды византійскаго происхожденія подходятъ по размѣру къ праздничнымъ. Въ Новгородѣ сохранилось ихъ болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ внутри Россіи. Но, чтобы говорить о нихъ что-либо положительное, для того необходимо знать ихъ исторію, откуда и въ какое время появились онѣ, потому что почти всѣ онѣ давно уже потеряли свое первоначальное мѣсто въ иконостасѣ, большая часть даже перенесена въ другія церкви, преимущественно соборныя. Невозможность опредѣлить мѣсто ихъ первоначальнаго нахождения еще болѣе затрудняетъ вопросъ первоначальной формы русскихъ иконостасовъ.

При такой ограниченности матеріаловъ для рѣшенія существеннаго вопроса о древнѣйшемъ рисункѣ иконостаса въ церквахъ русскихъ, необходимо прибѣгнуть къ исторіи алтарныхъ украшеній до русскаго періода, уяснить себѣ, по возможности, цѣль и значеніе алтарной преграды, первоначальную ея форму въ зависимости отъ этого значенія, далѣе взглянуть на устройство древней алтарной преграды въ церквахъ греческихъ и по возможности изучить, сравнительно, тотъ періодъ ея устройства, въ который воздвигнуты были древнѣйшія русскія церкви, которыя, какъ извѣстно, строились прямо съ греческихъ образцовъ, и нерѣдко греческими же зодчими. Это сравнительное изученіе было бы, конечно, самое полезное, но и здѣсь, къ сожалѣнію, насъ встрѣчаютъ почти непреодолимыя препятствія, какъ со стороны малочисленности вполнѣ сохранившихся древнихъ церквей Греціи, такъ и со стороны ихъ малоизвѣстности. Изученіе сохранившихся церквей Грузіи и древне-италіанскихъ базиликъ должны пополнить своимъ матеріаломъ эти недостатки.

Въ то время, какъ христіанское искусство достигло правъ гражданства и вмѣстѣ съ тѣмъ получило средства свободнаго развитія, выбравшись изъ катакомбъ, куда укрылось оно въ первые вѣка своего существованія, и, недовольствуясь уже болѣе занятыми имъ на время, на первый случай языческими базиликама, оно принялось выработать новыя, самобытныя, архитектурныя формы, основанныя на собственныхъ, религіозныхъ потребностяхъ. Въ это время, то есть, уже въ IV вѣкѣ нашей эры, мы встрѣчаемъ между различными, существенными принадлежностями христіанскаго храма преграду алтарную, отдѣляющую священно-служителей отъ молящихся и мѣсто священнодѣйствія отъ мѣста молитвеннаго. Это отдѣленіе алтаря, естественнымъ образомъ, первоначально имѣло цѣлью лишь оградить священно-

служителей отъ толпы народа, начавшаго затруднять, съ распространіемъ христіанской общины своею многочисленностію самое служеніе. Далѣе, припоминая святая святыхъ, отдѣльную часть ветхозавѣтнаго храма, оно возымѣло значеніе новое, именно, отдѣлить, сдѣлать неприступнымъ для непосвященныхъ священнѣйшее мѣсто храма. Наконецъ, огражденія алтаря отъ самыхъ взоровъ молящихся, потребовало совершеніе въ немъ великихъ и страшныхъ таинствъ; но въ послѣднемъ случаѣ, такъ, какъ таинства эти совершались только въ извѣстныя и опредѣленныя минуты служенія, то и довольствовались, одною завѣсою, задерживавшеюся въ то время; прочее же время алтарь представлялся во всемъ своемъ благолѣпіи взорамъ молящихся. Все это очевидно, какъ изъ первоначальныхъ извѣстій о прегражденіи алтаря, такъ и изъ самаго устройства древнѣйшихъ преградъ. Евсевій Памфилъ въ приведенномъ имъ, въ своей церковной исторіи похвальномъ словѣ Епископу Павлину при освященіи церкви въ Тирѣ, описывая эту церковь, сооруженную, какъ извѣстно, въ первую четверть IV столѣтія, говоритъ между прочимъ о строителѣ: «чтобы святилище не для всѣхъ было доступно, онъ оградилъ его сѣтми изъ дерева, украшенными тончайшей и искуснѣйшей работой, приводившей въ изумленіе зрителей». Для нашего изученія весьма важно это извѣстіе, какъ первое, въ которомъ находимъ прямое указаніе на цѣль огражденія алтаря. Сѣтчатая преграда его служитъ защитой отъ входа, но не препятствуетъ проникать зрѣнію. Не менѣе любопытно свѣдѣніе, сообщаемое жизнеописателемъ Св. Василия Великаго о томъ, какой поводъ послужилъ въ то же время основаніемъ къ прегражденію алтаря: изъ Четивхъ Миней узнаемъ мы, что Св. Василий замѣтилъ однажды на литургіи, во время совершенія таинствъ, что державшій репиды дьяконъ перемигивался съ стоявшею у алтаря женщиною; подвергнувъ наказанію виновнаго, во избѣжаніе впредь подобнаго соблазна Святитель отдѣлилъ мірянъ преградю алтарною: «отъ того убо времени Св. Василий повелѣ быти въ церкви предъ алтаремъ завѣсамъ и преградѣ женъ ради, да не кая дерзнетъ приикнути во алтарь во время божественныя службы, дерзнувша же, да изженется отъ церкви и святаго причащенія да отлучится». И здѣсь цѣль преграды алтарной препятствовать входу, отъ взоровъ же скрываетъ алтарь завѣса, задерживаемая во время совершенія таинствъ. Та же цѣль преграды алтарной указывается и въ толкованіяхъ на литургію Св. Софроніемъ, Патріархомъ Іерусалимскимъ, въ VII вѣкѣ, и, за нимъ Германомъ Константинопольскимъ въ VIII. «Мѣдныя, алтарныя рѣшотки», говорятъ они, «ставятъ для того, чтобы кто не проникъ чрезъ нихъ какъ-нибудь случайно, кромѣ того, онѣ показываютъ снаружи мѣсто молитвы, назначенное для народа, внутри же свя-

тая святыхъ, мѣсто доступное однимъ лишь священникамъ». Теофанъ Кирамійскій, упоминая въ проповѣдяхъ своихъ великолѣпную алтарную преграду въ церкви Св. Петра во дворцѣ, построенной Василиемъ Македоняниномъ, объясняетъ назначеніе ея слѣдующими словами: «мѣсто таинственнаго жертвоприношенія отдѣлено для священниковъ мраморной преградой съ тою цѣлю, чтобы они могли здѣсь отдохнуть, пребыть безмятежно и усладить взоръ свой, этажъ преграды», продолжаетъ онъ, «препятствуетъ входу, чтобы кто незнающій, или непосвященный, не вздумалъ проникнуть въ недоступное мѣсто». Писатели, упоминающіе о прегражденіи алтаря перѣдко придаютъ ему символическое значеніе. Въ общемъ смыслѣ преграда алтарю служитъ такую же защитою, какъ грудная клѣтка для грудныхъ внутренностей, отсюда выраженіе *τὰ στήθεα, θύρακες* *restoralia*; въ частяхъ же, верхнее украшеніе преграды, антаблементъ *ἰσοσμίτης*, по ученію Софронія, Германа, образующій крестъ, припоминаетъ собою распятого на крестѣ Спасителя; рѣшетка же изъ брусевъ или колоны—рѣшетку Гроба Господня. Симеонъ Θεσσαλονικскій, въ XIV вѣкѣ, приравниваетъ соединеніе частей антаблемента, состоящихъ изъ архитрава, фриза и корнiza, союзу любви и соединенію святыхъ со Христомъ и Ангелами. Другія болѣе мистическія сравненія отцовъ церкви клонятся къ уподобленію преграды алтарной, границѣ двухъ міровъ: видимаго и невидимаго, божественнаго и человѣческаго. Такъ еще Григорій Назіанзинъ въ своемъ стихотвореніи къ епископамъ, говоря объ алтарной преградѣ, указываетъ на рѣшетки, раздѣляющія два міра: міръ постоянный и міръ преходящій, предѣлъ между божественными и однодневными тварями. Подобно тому и Симеонъ Θεσσαλονικскій, въ сочиненіи о храмѣ, говоря о прегражденіи алтаря объясняетъ, что рѣшетки или застолнія, означаютъ разницу чувственныхъ отъ умныхъ. Но даже эти символическія значенія, границы двухъ противоположныхъ міровъ, преграды невидимаго міра и проч. несколько не противорѣчатъ существовавшему въ то время понятію, относительно цѣли прегражденія алтаря. При недоступности своей для входа мірянъ, алтарь остается доступнымъ зрѣнію. Самое выраженіе рѣшетокъ и застолній, указываютъ на то, что преграды были сквозныя, открытыя. Мистическому же сравненію границы двухъ міровъ, могла служить даже болѣе легкая преграда, а именно одна перекладина *ὑπερτίρα, trabes*, раздѣлявшая вверху алтарь отъ нефа. Отцы церкви, объяснявшіе съ такою подробностію значеніе каждой части христіанскаго храма, конечно, потому только молчали о высокихъ сплошныхъ преградахъ, отдѣляющихъ алтарь и закрывающихъ его въ наше время отъ глазъ молящихся, что ничего подобнаго въ ихъ время не существовало. Для нашего вопроса весьма важно это умолчаніе, тѣмъ болѣе, что оно продолжается даже въ XIV вѣкѣ, и

Симеонъ Тессалоникскій, при описаніи алтарныхъ преградъ, употребляетъ тѣ же самыя термины, которые встрѣчаемъ у древнѣйшихъ писателей, и онъ не знаетъ, по видимому, плотной, непрозрачной преграды современныхъ иконостасовъ.

Все это служитъ речательствомъ, что древній алтарь въ архитектурномъ смыслѣ не составляетъ исключительнаго цѣлаго, или отрѣшенной, замкнутой части; напротивъ, при неприступности своей для входа мірянъ, онъ вполне открытъ ихъ созерцанію; сквозная же преграда его служила для этой цѣли, т. е. ограждая алтарь отъ толпы непосвященныхъ, нисколько не препятствуетъ молящимся взирать на благолѣпное его украшеніе; въ этомъ случаѣ она скорѣе открывала алтарь во всемъ неприступномъ его величій, нежели закрывала его отъ взоровъ народа, вообще же, какъ видно, она имѣла тоже значеніе внизу алтаря, какъ извѣстная перекладина *trabes*, вверху ея; т. е. отдѣленіе священно-служителя отъ молящихся, алтаря отъ нефа. Самый обычай подымать алтарь на нѣсколько ступеней выше помоста церковнаго и украшать его всею роскошью иконовиси и мозаики, свидѣтельствуется въ пользу древности открытыхъ алтарей; наконецъ съ мыслію объ открытіи алтаря вполне согласна и изъ нея прямо истекаетъ первоначальная форма алтарной преграды. Въ первыхъ памятникахъ, о которыхъ упоминаютъ церковныя писатели, эта преграда является совершенно сквозною, представляющею алтарь вполне открытымъ. Она состоитъ изъ одной только невысокой рѣшетки съ промежутками, завѣшиваемыми, вмѣсто сплошныхъ створчатыхъ дверей одними завѣсами. Подобнаго рода рѣшетчатыхъ, алтарныхъ преградъ не сохранилось до нашего времени, потому что матеріалъ ихъ представлялъ или мало прочности, какъ дерево, или былъ употребляемъ для другихъ болѣе корыстныхъ цѣлей, какъ мѣдь, серебро. Самыя свѣдѣнія о нихъ сообщаемыя весьма недостаточны, какъ слѣдуетъ ожидать отъ характера извѣстій современныхъ писателей, которые не имѣли въ виду ихъ описывать археологически, а только упоминали о нихъ при случаѣ для поясненія ихъ назначенія, или въ доказательство богатства храма; они ограничиваются болѣею частію указаніемъ на общую форму, опредѣляя ее словами: рѣшетки, сѣти, плетень, частоколъ; упоминая при этомъ о матеріалѣ, изъ котораго сооружены преграды. У Евсевія, какъ мы видѣли, упоминаются преграды въ видѣ сѣтей изъ дерева, у другихъ металлическихъ, какъ то: у Софронія, Германа, Льва Остійскаго, Павла Силентіарія. Каменные преграды встрѣчаются весьма часто, у Льва Остійскаго, у Анастасія и Кипріяна. Конечно, не легко возсоздать рисунокъ этихъ первоначальныхъ, рѣшетчатыхъ алтарныхъ преградъ, и въ этомъ случаѣ нельзя обойтись безъ сравнительнаго изученія ихъ съ каменными алтарными преградами, существовавшими на ряду съ первыми, одновременно. Извѣстно, что и

тѣ и другія были слишкомъ низки, чтобы закрыть собою алтарь сколько нибудь; онѣ состояли вообще изъ стѣнки или рѣшетчатой металлической, или деревянной, или сплошной каменной, также весьма низкой, не превышающей полокотной высоты. Последняго устройства алтарная преграда до сихъ поръ представляется изученію въ древнѣйшихъ базиликахъ. Если 12 колонъ, упоминаемыхъ Евсевіемъ въ (III книгѣ 38 главы) жизни Константина, при описаніи великолѣпной базилики, сооруженной императоромъ надъ гробомъ Господнимъ въ 335 году, служили преградой алтарю; то мы можемъ смотрѣть на это описаніе, какъ на полнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ отъ IV вѣка. «Противъ этихъ воротъ, говоритъ здѣсь Евсевій, стоитъ главный предметъ всего полукруга (алтарь) восходящій до самой высоты базилики. Онъ, по числу 12-ти Апостоловъ Спасителя, увѣнчанъ 12-ю колоннами, которыхъ вершины украшены великими вылитыми изъ серебра вазами — прекраснымъ приношеніемъ Богу отъ самаго царя». Преграда этой древнѣйшей базилики, какъ видно, состояла изъ однихъ лишь колонокъ; стояли онѣ прямо на базахъ, не на стѣнкѣ полокотной высоты, какъ теперь встрѣчается въ алтарныхъ преградахъ базиликъ; между колоннами не упомянуто также мраморныхъ квадратовъ, что также въ свою очередь иногда составляетъ принадлежность преграды въ базиликахъ; не было, какъ видно, самаго антаблемента: ибо вазы стояли прямо на капителяхъ.

Изъ числа писателей, упоминающихъ о рѣшетчатыхъ алтарныхъ преградахъ, едва ли не одинъ Константинъ Порфирогенетъ указываетъ непосредственно на то, что между рѣшетками были колонны, а вверху ихъ перекладина.

Въ X вѣкѣ, по прежнему, каменная алтарная преграда пользуется античною архитектурною формою, но все же не закрывающею, напротивъ, открывающею алтарь: въ простѣйшихъ образцахъ этой формы представляются двѣ мраморныхъ колонны малаго діаметра, къ корнису которыхъ привѣшиваются завѣсы; между колоннами, открытое мѣсто междустолпій, въ болѣе изящныхъ образцахъ появляются великолѣпныя колоннады съ антаблементомъ. Форма эта, какъ увѣряютъ, обязана своимъ происхожденіемъ тому, что предъалтарная перекладина (*trabes, ὑπερθύρα*) въ обширнѣйшихъ базиликахъ съ поперечными нефами положена, для поддержанія ея на столбы. Извѣстно, что въ античномъ мірѣ Грековъ, гдѣ каждая архитектурная часть возникала изъ первобытной потребности, имѣла глубокой смыслъ и изящную форму, колоннада выражала собою также идею открытія, какъ стѣна, закрытія ²⁴).

Не смотря, однакожь, на это устройство открытыхъ алтарей и въ первоначальныя времена, иногда во время служенія требовалось, чтобъ алтарь закрывался

отъ взоровъ, завѣса вполне удовлетворяла этой необходимости. Употребленіе завѣсы, по видимому, древнѣе самыхъ преградъ алтарныхъ. Онѣ упоминаются въ первые вѣка христіанской литургіи. Но даже въ послѣдствіи, въ тѣхъ церквахъ, гдѣ по какимъ-либо мѣстнымъ условіямъ не было преграды или она была слишкомъ незначительна, никогда не забывали завѣсы. Слѣдовательно завѣсы составляли существенную часть алтарныхъ украшеній. Для обозначенія среды алтарной, церковные писатели нерѣдко употребляютъ выраженіе: *внутри священныя завѣсы*. Онѣ упоминаются въ литургіи Св. Іакова. Извѣстны слова Іоанна Златоуста, который въ своихъ Бесѣдахъ на посланіе къ Евреямъ ³⁵⁾ говоритъ: «когда видишь отъемлемыя завѣсы во вратахъ алтаря висящія, тогда помышляй, что разверзаются горнія небеса и исходятъ ангелы». Завѣсы алтарныя, по ученію отцевъ церкви, имѣли значеніе, влѣдствіе котораго именовались *горнею дверью*, *внутри сущою*, въ противоположность царскимъ вратамъ, именовавшимся *долгими*, и внѣшними дверями; этимъ объясняется, почему не всегда въ одно и тоже время служенія отворяются двери алтаря и отдергиваются алтарныя завѣсы. Кромѣ сихъ алтарныхъ завѣсы, находившихся непосредственно за царскими вратами, были въ древнѣйшую эпоху построения христіанскихъ храмовъ и другія завѣсы, которыя замѣняли собою двери въ различныхъ частяхъ храма. Павлинъ упоминаетъ довольно часто такого рода завѣсы. Употребляясь нерѣдко вмѣсто висящихъ, сплошныхъ дверей, завѣсы замѣняли собою употребленіе царскихъ дверей и боковыхъ алтарныхъ. Это до сихъ поръ еще замѣтно, на большей части сохранившихся алтарныхъ преградъ, состоящихъ изъ каменной стѣнки полокотной высоты съ возвышающимися на оныхъ колоннами или и безъ оныхъ. Обыкновенно въ средней части этой стѣнки и въ двухъ противоположныхъ боковыхъ частяхъ, оставляются пустые промежутки, которые завѣшивались, когда того требовало время, завѣсами. Послѣдніе утверждались на двухъ желѣзныхъ шестахъ, вставленныхъ въ стѣнку, съ поперечной перекладиной, на которой, посредствомъ колецъ, ходили въ обѣ стороны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда на стѣнѣ стояли колонки, завѣсы обыкновенно привѣшивали на одной перекладинѣ между колонками, безъ посредства желѣзныхъ шестовъ. Завѣсы въ царскихъ дверяхъ древнѣйшихъ базиликъ съ полокотною преградою достигали только вершины дверей, а не спускались въ уровень съ ними подобно современнымъ завѣсамъ, вѣроятно, влѣдствіе того, онѣ и получили наименованіе горнихъ или верхнихъ дверей. Завѣсы церковныя были не изъ одного куска матеріи и потому не отдергивались въ одну сторону, но, состоя изъ двухъ половинъ, онѣ открывались, при надобности, въ обѣ стороны, потому и назывались греческими писателями *ἀμφιθύρα* ³⁶⁾. Подобно тому отдергивались завѣсы въ базиликахъ съ

поперечными нефами съ тою только разницею, что будучи утверждены наглухо въ вершинѣ восточной арки, онѣ спадали оттуда драпировкой. Другое названіе для обозначенія завѣсъ алтарныхъ было *καταπέτασμα*. У западныхъ писателей назывались онѣ еще *velum alexandrinum, cortina* ³⁷⁾, вѣроятно потому, что были вытканы. Завѣсы эти, называвшіяся у насъ иногда запонами, въ среднемъ алтарномъ отверстіи, или царскихъ дверяхъ замѣняли нерѣдко собою деревянные двери. Но и въ томъ случаѣ, когда въ преградѣ алтарной не существовало дверей, а были одни лишь отверстія съ завѣсой, послѣднее называлось катапетасмой и бѣматурой, по словамъ Теофана Продіакона. Слѣды существованія такого рода завѣсъ, замѣнявшихъ собою мѣстами царскія двери, сохранились во многихъ древнихъ церквахъ Греціи, Грузіи, и въ италіанскихъ базиликахъ. Кромѣ того, онѣ довольно часто упоминаются писателями церкви. По временамъ на нихъ были вытканы священные изображенія, между ними встрѣчаются символическія начертанія двѣнадцати фазановъ, креста, празниковъ, Благовѣщенія Богородицы, Рождества Христова; эпизоды изъ земной жизни Спасителя, бесѣда съ Самарянкою и проч. Упоминаемая Евагріемъ ³⁸⁾ гунническая завѣса, подаренная Антиохійской церкви персидскимъ царемъ Хозроемъ, была украшена золотомъ. По словамъ Анастасія, Папа Григорій IV принесть въ даръ завѣсу съ двѣнадцатью фазанами, въ 825 году въ церковь Св. Георгія въ Велавро, гдѣ до сихъ поръ видны слѣды ея пребыванія въ остаткахъ фризовъ, другую огромную съ изображеніемъ по срединѣ Благовѣщенія и Рождества Христова въ базилику Св. Павла, что за римскою стѣною. Въ книжныхъ миниатюрахъ встрѣчаются указанія на подобныя завѣсы, какъ равно и въ мозаикахъ, въ Равенской церкви Св. Аполлинарія, въ Виолеемской и др. Бесѣда Спасителя съ Самарянкою изображена на завѣсѣ церкви Св. Димитрія въ Смирнѣ.

Въ Россіи до сихъ поръ еще не открыто, или по крайней мѣрѣ, не приведено въ извѣстность, ни одной церкви съ какими-либо признаками замѣненія створчатыхъ царскихъ дверей одною завѣсою. Мы разумѣемъ здѣсь собственно русскія церкви. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы подобнаго рода завѣсы, замѣнявшія собою употребленіе царскихъ дверей, существовали только до русскаго періода. Еще труднѣе предположить, что до христіанства въ Россіи не существовало вовсе въ христіанскомъ мірѣ царскихъ дверей, подобныхъ нашимъ. Завѣсы замѣняли собою царскія двери, какъ въ древнѣйшій періодъ, такъ и въ позднѣйшій, но это вынуждалось, безъ сомнѣнія, какими-либо мѣстными условіями, недостаткомъ матеріала, помѣщенія и проч. Это до сихъ поръ еще видно въ остаткахъ древнихъ грузинскихъ церквей. Что же до вопроса о существованіи царскихъ дверей въ древнѣйшихъ христіанскихъ памятникахъ, то по всѣмъ признакамъ мы должны

рѣшить его положительно. Царскія двери стали существовать со времени первоначальнаго устройства алтарной преграды. Нѣтъ сомнѣнія, что форма ихъ измѣнялась въ продолженіи обширнаго періода христіанской исторіи, и измѣнялась подъ вліяніемъ времени и различныхъ видоизмѣненій въ составѣ самой преграды алтарной, но сущность ихъ сохранилась съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанской церкви, съ первыхъ временъ установленія алтарныхъ принадлежностей.

Въ Софій Константинопольской, по словамъ безымяннаго ея описателя ³⁹⁾, кромѣ вытканной завѣсы въ среднемъ алтарномъ отверстіи были и царскія серебряныя двери съ золотою насѣчкой. «Алтарную преграду и колонны, все обложилъ императоръ, *вмѣстѣ съ дверями* серебромъ: и все то серебро позолочено». Объ этихъ царскихъ дверяхъ упоминаетъ митрополитъ Пименъ въ концѣ XIV вѣка въ путешествіи своемъ въ Константинополь ⁴⁰⁾. Подобныя царскія двери видѣлъ извѣстный путешественникъ Клавижо въ Константинопольской церкви Св. Іоанна (*Eu εβδόμου*). Во многихъ Италіанскихъ базиликахъ сохранились царскія двери посреди мраморной полокотной алтарной преграды. Замѣчательно, что вышиною своею онѣ не превосходятъ этой преграды. Эта небольшая вышина ихъ, какъ видно, была отличительною чертою царскихъ дверей древнѣйшаго періода. Въ самыхъ русскихъ церквахъ, онѣ, съ удаленіемъ въ древность, становятся все ниже, такъ что форма ихъ въ древнѣйшихъ церквахъ возбуждаетъ недоумѣніе, какимъ образомъ, при высокомъ ростѣ входили въ нихъ священно-служители? Основная форма ихъ состояла уже во время первоначальныхъ преградъ русскихъ церквей изъ двухъ половинокъ, сведенныхъ къверху дугою, половинки эти или створы привѣшивались справа и лѣва къ столбцамъ, на которыхъ покоилась легкая арка, называвшаяся кивотомъ. Форма эта сохранялась долгое время, въ русскихъ иконостасахъ. Легко можетъ быть, что въ первыхъ памятникахъ, вмѣсто деревянныхъ столбцовъ, по бокамъ царскихъ дверей, стояли каменные колонки, возвышавшіяся на упомянутой полокотной кирпичной стѣнкѣ. На это указываютъ, отчасти, найденныя Академикомъ Солнцевымъ, во время послѣдняго возобновленія Кіево-Софійскаго собора, подъ помостомъ его двѣ мраморныхъ небольшого діаметра колонки. Древнѣйшія изъ царскихъ дверей церквей русскихъ украшены были, судя по остаткамъ, рѣзбою на липѣ, тончайшей работы; византійскіе орнаменты, преимущественно травные, представляютъ здѣсь довольно красивый, затѣливый рисунокъ; на нѣкоторыхъ дверяхъ, кромѣ того встрѣчается металлическая накладка или мѣдная сѣтчатая риза, въ воспоминаніе первоначальныхъ алтарныхъ преградъ. Двери эти отличались своею легкостію, онѣ были почти сквозныя. Даже въ базиликахъ, съ мраморною преградою, отдѣлявшею алтарь отъ церкви и съ такими же мас-

сивными дверями, допускались въ дверяхъ сквозныя украшенія, для переговоровъ священно служителей чрезъ посредство ихъ съ клиромъ. Вѣроятно, на тѣхъ же основаніяхъ современныя царскія двери устроиваются съ рѣшетчатыми или сквозными украшеніями. Основная форма до того вкоренилась, что отъ нея не могутъ отстать перѣдко инстинктивно, безъ разумной причины, по видимому, не имѣя даже въ виду подражанія древности.

Церковныя писатели указываютъ на то, что съ древнѣйшихъ временъ царскія двери украшаются иконами. Первоначально онѣ были весьма небольшія и не заслоняли собою всѣхъ сквозныхъ промежутковъ рѣзныхъ травныхъ украшеній. Судя по рисункамъ нѣкоторыхъ царскихъ дверей въ древнихъ русскихъ церквахъ, онѣ украшались вмѣстѣ съ двумя столбцами, къ которымъ привѣшивались, съ лежащей на столбцахъ аркой слѣдующими изображеніями. На главномъ планѣ, въ кивотѣ или аркѣ, въ двухъ отдѣльныхъ гербахъ Спаситель передаетъ ученикамъ своимъ таинство причащенія подъ обоими видами, съ одной стороны подъ видомъ хлѣба, съ другой подъ видомъ вина въ сосудѣ. Посреди, въ особомъ гербѣ, Святая Троица въ символическомъ образѣ трехъ странниковъ, посѣтившихъ Авраама. Ниже, на самыхъ дверяхъ, Благовѣщеніе съ Богородицею, на правой створѣ дверей и Архангелъ Гавріиль на лѣвой, еще ниже, четыре евангелиста по два на каждой половинкѣ дверей; наконецъ на столбцахъ избранные апостолы, святители и первомученики. Всѣ эти, конечно, миниатюрныя изображенія встрѣчаются на царскихъ дверяхъ XIV и XV вѣка и отчасти вошли въ составъ рисунка царскихъ дверей нашего времени. Измѣненія встрѣчались, по видимому, весьма рѣдко и ограничивались большею частію изображеніями въ кивотѣ, гдѣ иногда прибавлялось изображеніе мѣстнаго праздника, праотцевъ, иногда, страстей Господнихъ. До насъ дошло въ отрывкахъ Вознесенской лѣтописи любопытное указаніе на измѣненіе формы царскихъ дверей въ XVI вѣкѣ. По ограниченности источниковъ подобнаго рода, мы должны дорожить подобными указаніями. Великій блюститель церковнаго наряда, новгородскій архіепископъ Макарій, перестроилъ древнія царскія двери Софійскаго собора. «Повелѣ боголюбивый архіепископъ владыка Макарій устроити царскія двери въ святую Софію, понеже прежніи двери отъ много лѣтъ обетшались, нѣкоторыя лѣпоты не имуще; пресвященный же архіепископъ повелѣ устроити двери сугубѣ первыхъ въ высоту и ширину. Преже бо наченъ отъ божественныхъ иконъ писанія на кивотѣ, еже надъ дверми, и на самыхъ дверяхъ, и на столпцѣхъ, числомъ иконнаго поклоненія святыхъ яко 66; такоже повелѣ хитрецемъ древнее угодное различнымъ начертаніемъ устроити съ мудрыми подзоры и украшати златомъ и серебромъ листовнымъ еже есть сусань. Иконо-

писцы же и хитрецы устроиша по велѣнію царскія двери велми чудно видѣти и всея лѣпоты исполнены; и крестъ честный на версѣ дверей постави отъ камня хрустала велми чудно устроение, и повелѣ царскія двери поставити въ соборнѣй церкви во святѣй Софїи, и запону устроилъ отъ различныхъ тафтѣ, велми лѣпо видѣти» (41). Измѣненіе, какъ видно, относится во-первыхъ къ распространенію въ объемѣ древнихъ дверей, во-вторыхъ къ увеличенію числа святыхъ изображеній, въ-третьихъ къ вѣшнему украшенію ихъ рѣзбою и позолотой. Мы не имѣемъ права смотрѣть на эту передѣлку, какъ на простой капризъ Макарія. Такое воззрѣніе, приличное нашему времени, вовсе не соответствуетъ характеру древняго періода, когда всякое измѣненіе формы, всякая перестройка казалась нововведеніемъ, и самое обыкновенное, по нашимъ понятіямъ, нововведеніе вызывало оппозицію со стороны старины, а если допускалось что-либо новое, то оно условливалось и вызывалось временемъ и распространеніемъ новыхъ воззрѣній. Судить иначе, значитъ переносить наши, почти безразличныя понятія въ древній періодъ строгой любви къ старинѣ и ея заветнымъ преданіямъ. Видно, что новыя понятія о церковномъ нарядѣ, вслѣдствіе распространенія роскоши и быть можетъ увеличившагося столкновенія съ иноземнымъ вліяніемъ вызвали перемѣну тѣсныхъ и узкихъ древнихъ царскихъ дверей на новыя высокія и просторныя.

Большая часть царскихъ дверей въ церквахъ русскихъ уже изгладила свой первобытный характеръ, вѣроятно, послѣдовало это одновременно съ измѣненіемъ формы алтарной преграды. Древнія двери, будучи вытѣснены новѣйшими, находятся еще гдѣ-нибудь на палатахъ церковныхъ или колокольныхъ и перѣдко, приводя въ изумленіе любознательнаго изыскателя древностей красотою рѣзбы своей и прекрасными образцами миниатюрной живописи, служатъ укоромъ въ грубости уничтожившихъ ихъ нововводителей.

Мы видѣли уже, что ни легкія завѣсы алтарныя, только на время закрывавшіяся, не препятствовали открытому виду на алтарь вообще, ни низкія царскія двери съ рѣзными своими сѣтчатыми украшеніями, также на время закрывавшіяся, посмотримъ теперь, не закрывали ли алтаря прочія существенныя его принадлежности, именно святыя изображенія на преградѣ алтарной? Не могли ли эти первоначальные источники иконостасной иконописи препятствовать собою открытому виду на алтарь въ древнѣйшую пору? Изъ сохранившихся памятниковъ и указаній писателей намъ извѣстно, что въ первоначальныхъ преградахъ алтарныхъ дѣйствительно были уже изображенія; но онѣ помѣщались или слишкомъ высоко или слишкомъ низко, такъ, что не закрывали собою середины преграды. Будучи исполнены скульптурою или фресками, они занимали мѣсто или вверху, въ антаблементѣ,

или внизу въ полокотной стѣнѣ, на каменныхъ плитахъ, между нижними частями колоннъ, которыхъ среднія отверстія или междутолпія были всегда открыты.

Описывая великолѣпную алтарную преграду Софіи Константинопольской, современникъ построения ея Павелъ Силентіарій указываетъ въ антаблементѣ колоннады на изображенія: Спасителя, ангеловъ, пророковъ, апостоловъ, Богоматери, креста Господня и монограммъ Юстиніана и Θεодоры. На томъ же мѣстѣ, объясняя значеніе частей храма, Симеонъ Θεссалоникскій упоминаетъ Спасителя, Богоматерь, Иоанна Крестителя, ангеловъ, апостоловъ и другихъ святыхъ. Еще въ наше время на многихъ преградахъ алтарей грузинскихъ церквей можно видѣть этотъ древній способъ размѣщенія святыхъ изображеній. Изображенія эти находятся надъ капителями колоннъ, между арками, образуемыми этими колоннами. Одинъ изъ любопытѣйшихъ образцовъ подобнаго рода преграды алтарной представляетъ церковь VIII вѣка въ Старой Шуамѣ. Въ той же церкви на мраморныхъ плитахъ алтарной преграды встрѣчаемъ другой способъ помѣщенія святыхъ изображеній. Среднее же пространство совершенно открыто, такъ, что служеніе и украшеніе алтаря можно было видѣть насквозь. Въ церкви Св. Марка въ Венеціи, на которую многіе смотрятъ, какъ на копію Софіи Константинопольской и которая строена дѣйствительно съ византійскихъ образцовъ, до сихъ поръ на антаблементѣ сохранился цѣлый рядъ статуй апостоловъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ алтарная преграда состояла или изъ однихъ стѣнокъ полокотной высоты или изъ плитъ съ одними колоннами безъ арокъ, съ однимъ только корнизомъ, тамъ изображенія помѣщались на самыхъ плитахъ. Сюда относятся преграды Тепекерманской крипты въ Крыму ²²⁾, церкви въ Кацхѣ на Кавказѣ ²³⁾, въ которыхъ церквей Грузіи, и отчасти италіянскихъ базиликъ.

Въ послѣдствіи, когда изящная форма преграды алтарной, состоявшая изъ мраморныхъ колоннадъ, измѣнилась въ болѣе простую изъ массивныхъ алтарныхъ столбовъ, тогда столбы эти переняли на себя фрески и украшались ими сверху до низу. Промежутки же отъ столбовъ до царскихъ дверей оставались все еще, по прежнему, открытыми. Это продолжалось довольно долгое время, такъ что невольно приходитъ на мысль, что въ первоначальныхъ русскихъ иконостасахъ не было вовсе иконъ на деревѣ. Гдѣ же стояли иконы, привезенныя изъ Греціи въ первую пору принятія христіанства Россіи, гдѣ стояли иконы, приготовленныя для русскихъ церквей внутри Россіи? Мы можемъ только сдѣлать предположеніе по аналогіи и по степени относительной важности иконъ, составляющихъ современные иконостасы, что нижній рядъ иконъ явился первый; въ числѣ иконъ этого ряда, едва ли не Спасителя и Богоматери были первыми, которыя заняли мѣсто въ промежуткѣ отъ столбовъ алтарныхъ до царскихъ дверей, къ нимъ, вѣроятно, при-

соединилась мѣстная или праздничная икона; легко можетъ быть, что когда число иконъ увеличилось до четырехъ, тогда ихъ поставили въ два яруса, верхній былъ деисусный, потомъ, когда увеличившееся болѣе число ихъ стало тѣнить алтарную преграду, вѣроятно, выдвинули всю преграду впередъ алтарныхъ столбовъ, съ тѣхъ поръ, что, по нашему разумѣнію, происходило не ранѣе XIV вѣка, стали сооружать многоярусные иконостасы. Съ появленіемъ новой формы преграды алтарной, заставленной сверху до низу иконами, надобно было позаботиться о красивомъ и удобномъ размѣщеніи иконъ. Тутъ стали строить рѣшетчатые кивоты съ позолоченными колонками и корнизамъ и устроить иконы въ извѣстномъ порядкѣ, въ нѣсколько ярусовъ.

До насъ не дошло ясныхъ указаній на то, какимъ образомъ совершался рядъ измѣненій въ составѣ иконостасовъ. Но есть любопытное извѣстіе въ отрывкѣ лѣтописи, которое указываетъ, какъ еще въ XVI вѣкѣ продолжалось введеніе новаго устройства, получившее свое окончательное развитіе едва ли не въ это время, при содѣйствіи того же іерарха Макарія. «Тогда же (въ 1528 году) боголюбивый архіепископъ Макарій иконы во святѣй Софѣи повелѣ по чину поставити: самую чудную икону святую Софію выше воздвигъ, и Цареградскіе иконы, Всемилостивой Спасъ нашъ Господь Іеусъ Христосъ стоящъ отъ злата и сребра велми чудно устроеніе, и святіи апостоли Петръ и Павелъ такоже стоящи, отъ злата и сребра чудно устроены; и си чудныя иконы противу своего светительскаго мѣста постави и пелены отъ наволокъ устрои, чудно и лѣпо видѣти, и прочая иконы по чину повелѣ поставити⁴⁴⁾». Мы не можемъ допустить, чтобы одно только передвиженіе иконъ въ церквѣ съ одного мѣста на другое могло вызвать упоминанія лѣтописца. Его вызвало на это желаніе выставить заслуги архипастыря, устроившаго нарядъ церковный. Мы должны также обратить вниманіе при этомъ извѣстіи на то, что оно слѣдуетъ непосредственно за другимъ извѣстіемъ, ставшимъ съ нимъ во внутренней связи, а именно, за распространеніемъ царскихъ дверей, о которомъ мы уже имѣли случай упоминать. Сличивъ оба эти извѣстія невольно приходишь къ заключенію о цѣломъ измѣненіи формы иконостаса, свершившемся подъ руководствомъ архіепископа Макарія, давшего окончательное устройство этой новой формѣ въ иконостасѣ новгородскаго Софійскаго собора.

Извѣстно, что еще въ XVII вѣкѣ, царь Михайль Θεодоровичъ хлопоталъ объ устройствѣ мѣстныхъ образовъ, по церквамъ⁽⁴⁵⁾.

Такъ какъ въ первоначальную эпоху церковно-христіанскаго зодчества, прегражденіе алтаря состояло въ легкихъ сквозныхъ рѣшеткахъ или открытой колоннады, и еще не было въ то время иконъ на деревѣ, ставшихъ въ нѣсколько ярусовъ, едва ли только не съ XIV вѣка; потому и названія, обозначающія эти

древнѣйшія преграды были, не иконостасъ — слово получившее это значеніе только въ послѣдствіи, а священныя, церковныя и алтарныя рѣшетки, канцеллы. Ἱεραὶ κυκλίδες, νεοκαγκέλλοι, κάγκελλος τοῦ ἱερατείου, τοῦ θυσιαστηρίου, τοῦ δικαστηρίου, καγκέλλωται, cancelli. Кромѣ господствовавшаго долгое время слова *канцеллы* для обозначенія преграды алтарной употреблялись въ древнюю пору и другія названія, соотвѣтствовавшія первоначальной идеи прегражденія, не закрывать, а только ограждать алтарь отъ входа непосвященныхъ, какъ то: сѣти, δίκτυα, рѣшетчатыя отверстія алтаря, θύραι τοῦ δικαστηρίου κυκλισταί, открытыя колоннады съ составными частями, колоннами и антаблементомъ περίστυλα, τὰ διάστυλα καὶ ὑπεράνω τῶν στηλῶν ὁ κοσμίτης, грудная клѣтка, перси и латы алтаря τὰ στήθεα, θώρακες, pectoralia. Къ этимъ мистическимъ обозначеніямъ нерѣдко присоединяется названіе матеріала, изъ котораго сооружены были первоначальныя преграды алтарей. У греческихъ писателей встрѣчаются сѣти деревянныя, δίκτυα ἀπὸ ξύλου, латы мраморныя и деревянныя, μαρμάρων θώραξ, ξύλινοι θώρακες, канцеллы мѣдныя и деревянныя κάγκελλα χαλκᾶ, κάγκελλοι ξύλινοι. Отъ латинскаго слова канцеллы cancellum, употреблявшагося въ новогреческомъ языкѣ для обозначенія вообще алтарной преграды, произошли, какъ извѣстно и французское chancel въ значеніи алтаря, огражденнаго рѣшеткой или канцеллой, и нѣмецкое cancel каедра, такъ какъ она помѣщалась вблизи той же алтарной рѣшетки. Извѣстно, что въ настоящую пору у западныхъ христіанъ не существуетъ ни иконостасовъ, ни древней алтарной преграды, потому для обозначенія ихъ они употребляютъ обыкновенно описательную форму, clôture du sanctuaire, altar-wandt, altar-sceen и проч. Слово же иконостасъ (Ἐἰκονοστάσις) имѣло въ первоначальномъ употребленіи на новогреческомъ языкѣ болѣе обширное и неопредѣленное значеніе и потому весьма различно толковалось лексикографами и антикваріями XVII вѣка. Многіе изъ западныхъ ученыхъ, не будучи наглядно знакомы съ устройствомъ и формами восточной церкви, весьма темно и сбивчиво представляли его значеніе. Иконостасъ представлялся имъ, то въ образъ какой то капеллы, то въ образъ алтаря или жертвенника. Въ старыхъ греческихъ энциклопедіяхъ подъ этимъ словомъ нерѣдко читаемъ: altare, θυσιαστήριον κυρίου и т. п. Даже великій Дюканжъ въ своемъ превосходномъ словарѣ новогреческаго языка видимо затрудняется опредѣлить съ точностью его значеніе. Приводя болѣею частію неосновательныя мнѣнія различныхъ ученыхъ, онъ, наконецъ, дѣлаетъ свое не менѣ ложное заключеніе, говоря, что это была какая то капелла, гдѣ складывались святыя иконы и которая находилась въ каждомъ домѣ, capella fuit seu ubi sacrae imagines geronebantur, et quod unusquisque domi habebat, in quo privatim orare et deo preces fundere liceret. Онъ приводитъ въ подтвержденіе этого объясненія извѣстный примѣръ изъ Кодина ⁴⁶), употребившаго едва ли не впервые слово иконостасъ,

прибавляя, что и у него это слово имѣеть тоже значеніе; но мы, въ этомъ случаѣ, остаемся на сторонѣ другаго славнаго ученаго Гретцера, объяснившаго его значеніе германскимъ словомъ Bilgerstelle. Трудно опредѣлить съ достовѣрностью, когда именно слово иконостасъ получило значеніе нашего современнаго иконостаса, понятно лишь то, что оно стало употребляться въ этомъ смыслѣ только въ эпоху образованія новой формы иконостасовъ Греко-Россійскихъ, т. е., когда иконы на деревѣ смѣнили собою иконы на стѣнѣ и вмѣсто открытыхъ алтарныхъ преградъ, явилась высокая деревянная стѣна, состоящая изъ иконъ, и закрывающая собою алтарь наглухо.

Но, если антикварная наука двухъ послѣднихъ столѣтій не всегда даетъ положительныя отвѣты на вопросы современной археологіи, зато завѣщала она ей въ колоссальныхъ трудахъ своихъ много готоваго матеріала, безъ изученія котораго рѣдко обойдется какое-либо новѣйшее изслѣдованіе въ области археологіи. Пользуясь, съ одной стороны, этими готовыми, преимущественно теоретическими матеріалами, съ другой же, знакомясь съ памятниками древности на мѣстѣ, и изучая ихъ практически, археологи въ настоящее время разъяснили много еще недавно поднятыхъ и темныхъ вопросовъ церковнаго зодчества. Ученыя путешествія способствовали и здѣсь всего болѣе распространенію правильныхъ понятій. Изъ числа сочиненій, изученію которыхъ подлежала археологія церковно-греческаго зодчества, мы съ полною признательностью уважемъ на труды Кушо и Ленуара. Описывая христіанскія базилики и церкви, они съ полнымъ безпристрастіемъ ученыхъ, указываютъ на Грецію, какъ на страну, въ памятникахъ которой до сихъ поръ еще сохранились слѣды первоначальнаго устройства, тогда какъ въ католическомъ мірѣ болѣею частію уже все замѣнено нововведеніемъ. То же встрѣчаемъ въ превосходномъ путешествіи Дюбуа по Кавказу, по поводу изслѣдованія древнихъ грузинскихъ церквей. Мысль, конечно, не новая, но много времени прошло до тѣхъ поръ, пока она не стала высказываться въ курсахъ священной археологіи, написанныхъ духовными лицами, чему примѣры теперь нѣрѣдки, благодаря успѣхамъ археологіи (⁴⁷).

Французскій архитекторъ Кушо, посѣтивъ Грецію, осмотрѣвъ замѣчательнѣйшія по древности и характеру рисунка церкви, изучилъ типическіе образцы различныхъ эпохъ и представивъ ихъ въ историческомъ развитіи, подкрѣпилъ свои выводы рисунками на тридцати таблицахъ. Описывая греческія церкви съ древнѣйшимъ устройствомъ алтарной преграды, онъ говоритъ (⁴⁸), что «большая часть древнихъ алтарей византійскихъ церквей, исчезла. Нѣсколько поколей изъ камня или мрамора, четырехугольной, осьмиугольной или круглой формы, еще встрѣчаются тамъ и сямъ, но они не возвышаются на ступеняхъ, подобно латинскому алтарю.

Предъ алтаремъ подымается священная преграда, отдѣляющая нефъ церкви отъ святилища. Въ ней три двери, которыя во время служенія, по мѣрѣ надобности, отворяютъ и закрываютъ алтарь. Двери эти часто замѣняются завѣсами, роскошью шитья и красокъ, вполне согласными съ богатствомъ украшеній и живописи этой священной преграды. Современные Греки, вѣрные преданіямъ, удержали этотъ древній обычай расположенія въ своихъ новыхъ церквахъ, и можно убѣдиться въ ихъ точномъ подражаніи по разсѣяннѣмъ остаткамъ, встрѣчающимся во многихъ византійскихъ церквахъ, особливо въ церкви Св. Марка, въ Венеціи, въ которой и теперь еще находится одна изъ этихъ прекрасныхъ преградъ». Извѣстно, что многія церкви Италіи построены прямо съ греческихъ образцовъ, даже греческими зодчими и потому несутъ слѣды чисто византійской архитектуры. Алтарная преграда составляетъ нерѣдко характеристическое отличіе этихъ памятниковъ. По недостатку въ древнѣйшихъ греческихъ церквахъ, въ которыхъ бы вполне сохранилась первоначальная форма алтарной преграды, мы принуждены будемъ обращаться къ изученію италіанскихъ церквей, построенныхъ съ греческихъ образцовъ. Всею любознательнѣе для нашего вопроса взглянуть на устройство алтарной преграды въ знаменитой Софіи Константинопольской; такъ какъ, церковь эта, какъ извѣстно, служила первообразомъ всѣхъ послѣдующихъ памятниковъ церковно-византійскаго зодчества и отчасти образцемъ для подражанія первыхъ русскихъ соборныхъ храмовъ; но Турки, обративъ ее въ мечеть, до того изгладили самый слѣдъ алтарной преграды, что даже мѣсто ей принадлежавшее, въ настоящее время, служить спорнымъ вопросомъ. Впрочемъ, еще до завоеванія Константинополя Турками, Софія была ограблена и опустошена крестоносцами. Новгородская лѣтопись пользуясь, безъ сомнѣнія, византійскими источниками, упоминаетъ съ весьма любопытною для насъ подробностію объ этомъ событіи ⁴⁹): «Заутра же, солнцю вѣсходящу, вѣидоша въ святую Софію, и одбраща двѣри и разсѣкоша онболъ, окованъ бѣше весь серебромъ, и столпы серебряныя 12, а 4 кивотныя и тябло изсѣкоша и 12 креста, иже надъ олтаремъ бяху, межи ими шишкы яко древа вышша мужь, и преграды олтарныя межи стѣлпы, а то все серебряно». Это драгоцѣнное описаніе преграды алтарной замѣчательно для насъ между прочимъ и тѣмъ, что сдѣлано русскимъ, съ сохраненіемъ терминовъ, весьма важныхъ для археологіи церковнаго зодчества. Но если затерявъ источникъ, изъ котораго выписано это извѣстіе, тогда это описаніе почти единственно можетъ служить для реставраціи древнѣйшей преграды алтарной, служившей образцомъ для послѣдующихъ; потому что реставрація врядъ ли можетъ быть сдѣлана на основаніи поверхностныхъ и риторическихъ указаній поэта Павла Силенціарія. Изъ стиховъ послѣдняго мы узнаемъ только, что пре-

града алтарная соотвѣтствовала въ Софійской церкви великолѣпію этого превосходнаго памятника, она блестяла серебромъ и состояла изъ стѣнки ⁵⁰⁾ (τείχος), въ которую были вставлены серебряныя дощечки (ἀργυρέες πλάκες), тутъ же стояли двѣнадцать колоннъ, также покрытыя серебромъ (ἐκάλυψε), на нихъ (οἷς ἐπι) были скульптурныя изображенія (κοιλήματα) Спасителя, ангеловъ, пророковъ, апостоловъ, Богородицы, креста и монограммъ Юстиніана и Теодоры. Поэтъ не указываетъ, какимъ образомъ были размѣщены колонки, стояли ли онѣ въ одинаковомъ разстояніи одна отъ другой, или были соединены по нѣскольку вмѣстѣ, что, какъ увидимъ далѣе, весьма важно для вопроса реставраціи этой преграды, не указываетъ онъ также прямо и на то, гдѣ стояли онѣ, между стѣнкой изъ дощечекъ или вверху ея, что не менѣе важно для нашего вопроса, кромѣ того онъ ни слова не говоритъ о корнизѣ на колонкахъ. Но, если мы присоединимъ къ этому недостаточному описанію Павла Силентіарія слова новгородской лѣтописи, то получимъ довольно правильную форму для реставраціи. *Преграды алтарныя межю столы* ясно указываютъ на то, что колонны помѣщались отдѣльно каждая между мраморными плитами, покрытыми серебромъ, *тѣло и 12 креста иже надъ алтаремъ* указываетъ на корнизъ, покоющійся на колоннахъ. Отсюда является форма алтарной преграды вполне соотвѣтствующая древнѣйшимъ алтарнымъ преградамъ церквей греческихъ и грузинскихъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Во время послѣдняго возобновленія Софійской мечети въ 1847 и 1848 годахъ, произведеннаго по порученію Султана Абдуль-Меджида, братьями Фоссати, нашлись двѣ порфировыя колонки, стоявшія у восточнаго входа и двѣ рѣзныя плиты. Возстановляя по нимъ утраченный рисунокъ преграды алтарной, Г. Муравьевъ, предполагаетъ ⁵¹⁾, что она состояла «изъ мраморнаго основанія или низкой стѣнки, съ прозрачною весьма искусною рѣзбою; на ней стояли тонкія порфировыя колонны съ корнизамъ, сплетенными изъ голубей и крестовъ». Что касается мѣста, на которомъ стояла преграда, то слѣдуетъ замѣтить, что архитекторъ Ефимовъ, изучавшій и рисовавшій Софію въ 1835 году, относитъ ее къ алтарному своду или горней арки, того же мнѣнія и архитекторъ Фоссати, тогда какъ Г. Муравьевъ назначаетъ ей линію у двухъ основныхъ восточныхъ или алтарныхъ столбовъ подъ главною восточною аркою. Последнее мнѣніе, по видимому, ближе къ истинѣ, потому что основано на болѣе здоровомъ пониманіи дѣла, согласно съ толкованіемъ Дюканжа, главное же, подтверждается словами Павла Силентіарія, относящаго ее прямо къ восточному своду (πρὸς ὄρθρον ἀντιῶν) подъ главную арку, поддерживающую куполь. Благодаря возобновленію Софійской мечети, появились въ свѣтъ два великолѣпныхъ изданія съ любопытнѣйшими рисунками подробностей Софіи. Одно принадлежитъ

Фоссати, другое Зальценбергу, отправленному прусскимъ правительствомъ собственно съ цѣлю изученія и изслѣдованія знаменитаго памятника, во время производившихся въ немъ работъ. Въ составъ послѣдняго изданія вошли и другія греческія церкви съ V по XII вѣкъ. Посмотримъ, что говоритъ Зальценбергъ объ утраченной формѣ алтарной преграды Софіи (⁵²). «Преграда алтаря состояла изъ 12 колоннъ, съ тремя между ними дверьми; большею среднею, и двумя меньшими по сторонамъ; колонны должны были стоять по три вмѣстѣ, какъ видно изъ самаго различія дверныхъ промежутковъ: ибо изъ тринадцати равныхъ промежутковъ изъ разстоянія 47 футовъ, между боковыми пиластрами посреди которыхъ помѣщалась преграда, не выходитъ даже и трехъ футовъ для междустолпій, за вычетомъ мѣста подъ колоннами. Можетъ быть стояли онѣ на стилобатѣ, какъ въ Св. Маркѣ, въ Венеціи, въ которомъ оставались промежутки для дверей; на колоннахъ покоился фризъ изъ серебряныхъ рельефныхъ дощечекъ. Общая высота преграды могла быть примѣрно 14 футовъ». Намъ уже извѣстно изъ приведеннаго мѣста повгородской лѣтописи, что колонки не стояли на стѣнѣ, а среди ея, извѣстно и то, что онѣ вовсе не должны были стоять по три вмѣстѣ. Судя по размѣрамъ, предложеннымъ Зальценбергомъ онъ одного мнѣнія съ архитекторами Ефимовымъ и Фоссати относительно мѣста, принадлежавшаго алтарной преградѣ въ Софіи: всѣ они относятъ ее къ алтарному своду или горнему мѣсту; но уже самъ Зальценбергъ видѣлъ, какъ трудно умѣстить 12 колоннъ на столь узкомъ пространствѣ и потому прибѣгнулъ къ произвольному толкованію, что колонки стояли по три вмѣстѣ, хотя объ этомъ, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не упоминаютъ древніе писатели; тогда какъ о мѣстѣ подъ главною восточною алтарною аркою, какъ мы видѣли, говоритъ прямо современникъ сооруженія Софіи. Кромѣ того, едва ли можно найти образцы подобнаго соединенія колонокъ въ рисункахъ древнѣйшихъ преградъ. По крайней мѣрѣ въ изданныхъ до сего времени памятникахъ греческихъ и грузинскихъ алтарныхъ преградъ, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго, да и едва ли возможно существованіе подобнаго рода соединеній колоннъ, потому что оно противрѣчитъ первоначальной основной идеи этихъ преградъ. Еще страннѣе мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которыя полагаютъ, что въ составъ преграды Софійской входило по 12 колоннъ на каждой сторонѣ царскихъ дверей и что они соединены были по двѣ вмѣстѣ. Мнѣніе это принадлежитъ, между прочимъ, извѣстному ученому богослову Нилу (Neale) (⁵³). Вопросъ этотъ разъясненъ, по видимому, достаточно, впрочемъ, для сомнѣвающихся можемъ указать еще на слова извѣстнаго древняго путешественника Клавижо, который, описывая алтарь Софійской церкви въ 1403 году, говоритъ прямо, что «отъ одного алтарнаго столба поддерживающаго куполь

до другаго, идутъ на 12 яшмовыхъ колоннахъ превысокія и пребольшія арки, поддерживающія алтарный сводъ». Эти нѣсколько преувеличенныя воображеніемъ Клавико колоннады съ арками, еще болѣе обрисовываютъ намъ форму преграды, еще болѣе сближаютъ съ нѣкоторыми преградами древнѣйшихъ грузинскихъ церквей, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Обратимся теперь къ тѣмъ памятникамъ церковно-христіанскаго зодчества, которые еще сохранили свои преграды алтарныя цѣлостно или въ частяхъ. Большая часть извѣстныхъ памятниковъ этого рода описаны Ленуаромъ, въ текстѣ къ великолѣпнымъ рисункамъ, изданнымъ Гальябо, и въ прекрасномъ систематическомъ трудѣ его по церковному зодчеству, *Architecture monastique*. Изъ перваго, воспользуемся преимущественно описаніями преграды алтарной въ базиликахъ Италіи и приведемъ до слова замѣчательныя мѣста объ этомъ предметѣ. Общая форма преградъ алтарныхъ въ италіянскихъ базиликахъ, есть невысокая мраморная стѣнка съ отверстіемъ для дверей, на которой еще стоятъ до сихъ поръ или стояли прежде небольшого діаметра колонки или пиластры съ архитравомъ, къ которому привѣшивались завѣсы. «Въ базиликѣ Св. Климента, въ Римѣ, алтарь отдѣляется отъ церкви преградой, состоящею изъ пиластровъ и мраморныхъ плитъ, съ мозаиками и богатыми скульптурными украшеніями; на многихъ плитахъ встрѣчается монограмма Іоанна VIII, доказательство, что преграда сдѣлана по приказанію этого папы (въ 872 году). Вдоль ея, на мѣдныхъ или деревянныхъ пиластрахъ были привѣшены завѣсы, которыя какъ и теперь въ греческихъ церквахъ, закрывали отъ предстоящихъ все пространство алтаря, въ подражаніе завѣсѣ святая святыхъ скинии Соломонова храма. Еще теперь въ преградѣ видны щели, въ которыя вставлялись пиластры. Предъ самымъ алтаремъ преграда открывается въ церковь, это такъ называемая святая дверь, предъ которой первоначально было царское мѣсто». Такимъ же образомъ въ римской базиликѣ Богоматери въ Космединѣ «алтарь былъ нѣкогда ограниченъ мраморными перегородками, украшенными мозаикою, въ послѣдствіи снятыми и исчезнувшими. Въ римской же базиликѣ Св. Саввы, по обѣ стороны главнаго алтаря находятся двери, возлѣ которыхъ возвышаются колонны драгоцѣннаго мрамора, образующія вмѣстѣ съ колонками главнаго алтаря декорацію задней стѣны средняго нефа. Мраморныя плиты наполняютъ междутолпія и пьедесталы этихъ колонъ. Вся эта декорація составляетъ родъ иконостаса, подобнаго тому, который закрываетъ алтарь греческихъ церквей отъ ихъ нефа и отдѣляетъ духовенство отъ мірянъ. Пресбитерій или мѣсто, назначенное для духовенства, становится видимымъ только тогда, когда отворяются двери у главнаго алтаря. Въ римской церкви Св. Георгія, въ Велабро, въ двухъ противоположныхъ предалтар-

ных колоннах теперь еще заметны щели, сделанные довольно высоко, и указывающія на укрѣпленія посредствомъ желѣзныхъ шестовъ; щели эти показываютъ границы и точки укрѣпленія святой преграды предъ алтаремъ, въ родѣ той, которая до сихъ поръ еще въ этихъ мѣстахъ, воздвигается Греками». Въ составъ этой алтарной преграды церкви Св. Георгія, входила, по словамъ Ленуара, большая плита бѣлаго мрамора, украшенная крестообразными орнаментами, вѣдланная нынѣ въ стѣну сѣвернаго нефа, первоначальное же мѣсто ей назначается подъ упомянутыми щелями колонъ. Въ Чивидальской капеллѣ, въ Фріулѣ, «преграда отдѣляющая алтарь отъ хора, стоитъ на ступени и образуется изъ большихъ мраморныхъ плитъ съ возвышающимися краями, оканчивающимися валиками. Два изображенія сосновыхъ шишекъ находятся по краямъ у стѣны, по сторонамъ же средняго отверстія, стоятъ на преградѣ два четырехугольных пиластра, утоняющіяся къ верху, съ коринтскими капителями. Вѣроятно, они носили прежде архитравъ, представлявшій собою святые двери и служившій къ укрѣпленію завѣсы, скрывавшей алтарь отъ зрѣнія, обычай доселѣ сохранившійся въ греческихъ церквяхъ и существовавшій, какъ достоверно извѣстно, долгое время въ христіанскихъ церквяхъ запада». Подобная же мраморная перегородка изъ плитъ большаго размѣра, украшенныхъ рѣзьбою и мозаикою, сохранилась и въ дворцовой церкви въ Палермо. До сихъ поръ еще во многихъ итальянскихъ церквяхъ можно указать ея мѣсто возлѣ алтаря, такъ напримѣръ, въ церкви Св. Маріи въ Тосканелли, она, по видимому, находилась на послѣдней ступени предалтарной лѣстницы, рядомъ съ высокими пиластрами, которые по обѣ стороны у стѣны служили ей какъ бы границею. Восточная базилика древнѣйшаго періода, представляетъ одинаковое устройство съ западною, что легко объясняется единеніемъ церкви въ то время и общими художниками, строившими ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Греціи, Италіи, Грузіи, Крыму и проч. Греки, какъ извѣстно, были тогда главными строителями. Въ крымскихъ базиликахъ древнѣйшаго періода встрѣчается тоже устройство преграды алтарной, та же невысокая, пологотная, каменная стѣнка съ отверстіемъ для дверей, иногда съ колонками или пиластрами. Описывая одну изъ нихъ на мѣстѣ древняго Херсонеса, Графъ Уваровъ замѣчаетъ: «предъ солею мраморный амвонъ, обнесенный шестью столбами съ мраморными между ними плитами. Посреди плиты византійскій крестъ. Совершенно подобныя плиты составляли иконостасъ, только колонны, находившіяся между ними большаго размѣра, чѣмъ колонны амвона. На срединѣ царскія двери; по бокамъ ихъ иконостасъ совершенно былъ закрытъ вышеописанными плитами до вышины двухъ аршинъ, а далѣе промежутки между колоннами закрывались завѣсками. Южныя и сѣвер-

ныя двери устроены по бокамъ алтаря ⁵⁴). Еще къ древнѣйшему періоду, къ IV вѣку христіанства, относятъ алтарную преграду подземной Тепекерманской церкви въ Крыму ⁵⁵). Она также состоитъ изъ низкой стѣнки съ колонками и съ отверстіемъ для царскихъ дверей. Плиты стѣнки украшены византійскими крестами. Приложенный рисунокъ (табл. VIII) плана и лицевой стороны преграды заимствованъ нами изъ англійскаго изданія Нила и судя по описаніямъ путешественниковъ требуетъ еще сличенія и повѣрки на мѣстѣ. По словамъ послѣднихъ, крипта эта высѣчена въ скалѣ; со стороны Чернаго моря въ одну линію въ крипту ведутъ два входа, одинъ для священнослужителей и теперь еще вполне сохранился, направо, другой для мирянъ разрушенный обвалами скалы налѣво; на той же сторонѣ въ скалѣ пробито три окна, среднее полукруглое въ горнемъ мѣстѣ и два боковыхъ не въ дальнемъ отъ перваго разстояніи. Планъ преграды составляетъ четырехугольникъ, у котораго одна сторона общая съ линією стѣны алтарной, двѣ другія составляютъ боковыя стѣны преграды, четвертая, образуетъ лицевую сторону преграды, посреди ея единственное во всей преградѣ отверстіе царскихъ дверей. Изъ четырехъ колонъ, стоявшихъ нѣкогда на лицевой стѣнѣ преграды только двѣ боковыя сохранились, двѣ же среднія разрушены напоромъ потолка; но въ доказательство ихъ существованія остались висяція въ потолкѣ ихъ капители. На боковыхъ стѣнахъ преграды, кромѣ упомянутыхъ боковыхъ колонъ отъ главнаго фаса преграды, уцѣлѣли только двѣ, по одной на каждой сторонѣ, возлѣ горняго мѣста; такъ что въ настоящее время со всѣхъ трехъ сторонъ преграды представляется на стѣнѣ по двѣ колонны. По сторонамъ узкаго отверстія изъ храма въ алтарь стѣна преграды къ концу поднята.

«Пространство предалтарной преграды граничитъ», по словамъ Ленуара, «въ базиликахъ боковыми частями алтаря, что видно и въ базиликѣ Св. Климента. Конечно, это возможно только въ зданіяхъ, неимѣвшихъ перекрестнаго нефа. Двери этой длинной преграды представляли удобнымъ сообщеніе съ малыми абсидами и безъ перехода чрезъ хоры. Въ базиликахъ же съ перекрестнымъ нефомъ главная арка, совершая вмѣстѣ съ преградой переднюю часть алтаря, украшалась всею роскошью архитектуры. Много ступеней вело къ алтарному помосту; онѣ помѣщались равнымъ образомъ и позади преграды, какъ въ церкви Св. Климента и передъ нею, какъ видно, на планѣ церкви Св. Галла. Въ послѣднемъ случаѣ преграда помѣщалась на самой верхней ступени».

Но форма базиликъ, служившая во многихъ подробностяхъ образцовой для рисунка послѣдующихъ памятниковъ церковнаго зодчества на востокѣ и западѣ,

не представляет для разъясненія вопроса первоначальной формы русских иконостасовъ столько матеріаловъ, какъ сравнительное изученіе церквей Греціи и Грузіи.

Въ *Architecture monastique* Ленуаръ приводитъ три различныхъ вида иконостасовъ греческихъ церквей. Древнѣйшій, съ колонками малаго діаметра, часто драгоценнаго мрамора, къ корнизу которыхъ привѣшены завѣсы. Въ подтвержденіе, онъ ссылается на мозаическія изображенія въ Виолеевской церкви, представляющія иконостасъ съ такимъ расположеніемъ, потомъ указываетъ на Аѳинскую церковь Никодима ⁵⁶). Иконостасъ ея состоитъ изъ двухъ колонъ бѣлаго мрамора съ зелеными жилками (*cipolin*), образующихъ собою три междустолпія; на колонкахъ покоится мраморный корнизъ; алтарь, какъ видно, былъ открытъ, во время же служенія и при надобности, закрывался завѣсою, которая привѣшивалась къ корнизу. Къ этому же разряду иконостасовъ относитъ онъ мраморную алтарную преграду церкви Св. Марка, въ Венеціи, въ которой, какъ извѣстно, на невысокой мраморной стѣнкѣ или стилобатѣ, стоятъ 12 колонъ драгоценнаго мрамора, а вверху ихъ, на корнизѣ, статуи двѣнадцати апостоловъ. Далѣе приводитъ Ленуаръ слова Клавижо, который, описывая константинопольскую церковь Св. Іоанна (*ἐν εὐδομίᾳ*) замѣчаетъ: и у тѣхъ дверей (преграды) стоятъ четыре яшмовыхъ колонны и т. д. Сюда же можно отнести алтарную преграду базилики въ Торчелло ⁵⁷), въ которой также мраморная стѣнка съ шестью, между плитами, колоннами, поддерживающими корнизъ. Большая часть церквей Грузіи представляетъ въ рисунокѣ своихъ алтарныхъ преградъ почти тоже, какъ увидимъ при описаніи ихъ, въ послѣдствіи. Второй, болѣе обыкновенный и ближе подходящій къ нашимъ современнымъ иконостасамъ, иконостасъ греческій, состоитъ, по мнѣнію Ленуара, изъ невысокой деревянной, или вообще легкой перегородки, съ одними или тремя дверями; вставленныя въ нее колонки, дѣлятъ ее на равныя части, занятыя священными изображеніями. Какъ видно изъ описанія и приложенныхъ рисунковъ, иконы помещались въ одинъ или два яруса. Главное мѣсто между ними, по обѣ стороны царскихъ дверей принадлежатъ большаго размѣра иконамъ Спасителя и Богоматери, украшеннымъ обыкновенно богатыми окладами, верхній ярусъ занятъ изображеніями двѣнадцати апостоловъ и главныхъ праздниковъ. Вверху иконостаса обыкновенно рѣзныя на деревѣ позолоченныя украшенія, посреди крестъ. Примѣры этого рода иконостасовъ довольно часты. Онъ приводитъ въ рисункахъ церкви въ Патрѣ и Ливорно, лучшими же образцами считаетъ иконостасы Св. Θεодора, въ Пергамѣ ⁵⁸), и соборныхъ церквей въ Смирнѣ и Магнезіи. Третій видъ иконостасовъ греческихъ церквей отличается преимущественно своею вышиною: ибо тогда какъ иконостасы первыхъ двухъ видовъ до того низки, что не препятствуютъ видѣть верхняго укра-

шенія боковыхъ сторонъ алтаря, его свода и свода горняго мѣста, иконостасы третьяго рода, достигая вершины главной алтарной арки, закрываютъ совершенно весь алтарь отъ глазъ предстоящихъ. Лучшимъ образцомъ послѣдняго устройства иконостасовъ Ленуаръ считаетъ церковь Св. Спиридона, на островѣ Корфу. Сюда, конечно, относятся всѣ многоярусные иконостасы.

Большая часть русскихъ церквей представляетъ въ настоящую пору примѣры иконостасовъ, устроенныхъ такимъ же образомъ. Деревянные корнизы дѣлятъ ихъ на нѣсколько ярусовъ, которыя, по господству изображеній въ нихъ помѣщеннымъ, обыкновенно на тѣхъ же мѣстахъ имѣють свое особое названіе. Порядокъ размѣщенія таковъ, что начиная снизу, отъ мѣстнаго или поклоннаго яруса идутъ вверхъ, праздничный, деисусный и апостольскій, пророческій, праотеческій, страстный и проч. Каждая икона въ ярусѣ, съ своей стороны, какъ извѣстно, отдѣляется отъ другихъ полуколонками, что въ общемъ видѣ представляетъ множество иконъ въ отдѣльныхъ кивотахъ, обыкновенно позолоченныхъ или покрытыхъ краскою.

Вообще, по видимому, можно допустить безошибочно, что страсть къ устройству многоярусныхъ иконостасовъ сдерживалась только недостатками мѣстныхъ средствъ. Тамъ же, гдѣ позволяли средства, спѣшили удовлетворить этой страсти, находя въ осуществленіи ея какое-то особое богоугодное дѣло. Благочестивые строители руководились подраженіемъ мнимой древности, забывая при томъ вовсе первобытную форму огражденія алтаря, основанную на первоначальной потребности. Устройство многоярусныхъ иконостасовъ въ русскихъ соборахъ и почти во всѣхъ болѣе или менѣе достаточныхъ церквахъ можетъ, кажется, служить вѣрнымъ ручательствомъ господства этихъ понятій.

Говоря о результатахъ, добытыхъ въ настоящее время наукою, въ области археологіи церковнаго зодчества, приводя мнѣнія различныхъ писателей, касавшихся вопроса объ иконостасахъ въ церквахъ Италіи и Греціи, мы, конечно, оставили бы большой пробѣлъ въ нашей монографіи, если бы упустили изъ виду труды ученыхъ, касавшихся того же вопроса при изслѣдованіи и изданіи кавказскихъ церквей. Обширная область русскихъ владѣній съ превосходнѣйшими, характеристическими образцами древне-христіанскаго зодчества издавна обращала на себя вниманіе всего ученаго міра. Привлекаемая богатою природою и обиліемъ сохранившихся памятниковъ древней жизни, иностранцы встрѣчали на Кавказѣ гостепріимство и нерѣдко пособіе со стороны русскаго правительства. Многіе русскіе были командированы для изученія Кавказа въ естественномъ, историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Благодаря въ этомъ случаѣ преимущественно благотворному содѣйствію со стороны правительства, путешественники въ специаль-

ныхъ и общихъ трудахъ своихъ уже успѣли открыть, описать и издать нѣкоторыя кавказскія церкви. Намъ остается желать продолженія съ такимъ успѣхомъ начатой разработки драгоценныхъ, дотолѣ почти неизвѣстныхъ, памятниковъ, и есть причины надѣяться, судя уже по началу, что специальное изданіе кавказскихъ церквей прольетъ новый свѣтъ на археологію русскихъ церквей, что многое еще необъясненное въ нашемъ зодчествѣ уяснится лишь съ помощью изученія древнихъ кавказскихъ памятниковъ. Опасаемся только, чтобы медленность въ снятіи и изданіи этихъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ не лишила насъ навсегда возможности пользоваться ихъ сравнительнымъ изученіемъ. Время не терпитъ. Много кавказскихъ церквей предано совершенному запустѣнію. Невѣжество разрушаетъ, по увѣреніямъ тамошнихъ жителей, превосходнѣйшіе архитектурные образцы и пользуется матеріаломъ ихъ для ничтожнѣйшихъ цѣлей. Между тѣмъ большая часть церквей кавказскихъ и самыхъ замѣчательныхъ еще не срисована и не описана. Конечно, много тому способствовали затрудненія, съ которыми сопряженъ доступъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, среди дикихъ племенъ, иногда въ непроходимыхъ лѣсахъ. Известно, что еще въ недавнее время, случайно нападали на слѣдъ какой-либо древней церкви, находили ее обросшею кругомъ непроходимую чащюю, съ вѣковыми деревьями на крышѣ. Въ кавказскихъ періодическихъ изданіяхъ встрѣчаются указанія подобнаго рода открытій. Въ Кавказскомъ календарѣ на 1852 годъ, описано случайное открытіе церкви неподалеку отъ мѣстечка Ацкуръ съ древнѣйшимъ устройствомъ каменной алтарной преграды. Честь открытія ⁵⁹⁾ и изданія Виѳанской церкви, въ 20 верстахъ отъ Тифлиса, принадлежитъ неутомимому изслѣдователю кавказскихъ древностей и талантливому художнику Кн. Г. Г. Гагарину. Изъ числа путешественниковъ, описавшихъ древнія кавказскія церкви и касавшихся вопроса о формѣ ихъ иконостасовъ, или алтарной преграды, мы остановимся на Дюбуа ⁶⁰⁾ и Муравьевѣ ⁶¹⁾, трудамъ которыхъ мы обязаны любопытнѣйшими указаніями. Мы бы могли причислить сюда и Броссе, посѣтившаго Грузію и Арменію въ 1847—48 годахъ. Но сочиненіе его ⁶²⁾, при всей добросовѣстности и глубокой учености, къ сожалѣнію, не можетъ служить пособіемъ для нашего вопроса. Подъ общимъ именемъ археологическаго путешествія, въ немъ находятся матеріалы только для эпиграфики. Списавъ надписи съ церквей Грузіи и Арменіи, авторъ почти вовсе безъ вниманія оставилъ археологію зодчества. Онъ рѣдко упоминаетъ о наружномъ видѣ церквей, еще рѣже говоритъ объ иконостасахъ и то только вскользь, замѣчая, что возлѣ иконостаса извѣстной церкви, направо или налѣво, а иногда и на самомъ иконостасѣ уцѣлѣла такая-то надпись. Во всѣхъ трехъ томахъ своего сочиненія, онъ едва три или четыре раза указываетъ на матеріалъ, изъ котораго

сооружены иконостасы, а какой они формы, это предоставляется рѣшить воображенію читателя. Приведемъ, однако, замѣчательнѣйшія мѣста для нашего вопроса: «На каменномъ иконостасѣ Вознесенской Шю-Мгвинской церкви видны скульптурныя украшенія, которыя бы я охотно срисовалъ, какъ памятники грузинскаго искусства весьма древней эпохи, какова бы она ни была». Исчисляя надписи, найденныя имъ въ Кардашо, онъ говоритъ о церкви въ слѣдующихъ словахъ: «Въ церкви, тамъ два окна; она была вся росписана, также какъ и каменный иконостасъ и паперть»; описывая Горійскую область, онъ упоминаетъ церковь въ Саба-Темидѣ и говоритъ о ней: «Внутри еще видны прекрасные остатки рѣзной работы на иконостасѣ». Описание иконостаса въ церкви Атеинской долины ограничивается слѣдующими словами: «Онъ украшенъ четырьмя колоннами хорошаго мрамора». Вотъ все, чѣмъ мы могли воспользоваться изъ археологическаго путешествія Броссе, для нашего вопроса о древней формѣ грузинскихъ иконостасовъ, хотя прочли его со вниманіемъ, будучи введены въ заблужденіе заглавіемъ книги; За то старое путешествіе Дюбуа, съ избыткомъ вознаграждаетъ свѣдѣніями каждаго, интересующагося изученіемъ Кавказа, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Много страницъ посвящено, въ его превосходномъ изданіи, исторіи искусства и описанію памятниковъ древности, а цѣлый отдѣлъ таблицъ въ обширномъ атласѣ, рисункамъ, до него неизданныхъ древнихъ церквей, между которыми встрѣчаются едва ли не единственные рисунки подробностей иконостасовъ. Но, къ сожалѣнію, это превосходное изданіе почти недоступно по своей дороговизнѣ и сдѣлалось въ настоящее время библиографическою рѣдкостью. Мѣста изъ описанія кавказскихъ церквей, гдѣ авторъ касается иконостасовъ, заслуживаютъ подробнаго изученія, потому что отличаются полнотою и мастерской обрисовкой памятниковъ. Такъ, говоря о церкви Сафарскаго монастыря ⁶²⁾ VII вѣка, онъ прибавляетъ: «Трудно встрѣтить что либо богаче и изящнѣе балюстрады изъ голубоватаго песчаника, замыкающей алтарь и носившей иконостасъ. Шесть столбовъ, поддерживающихъ ее, достойны удивленія оконченностью работы арабесковъ, которыми они украшены. Промежутки между столбами были заняты четырьмя барельефами, представляющими Успеніе Богоматери, и другія изображенія изъ Евангелія. Всѣ эти изображенія исполнены съ такимъ вкусомъ, который изумилъ меня среди сей непластичной страны, фигуры сдѣланы совершенно пропорціонально и исполнены выраженія; мягкость песчаника способствовала тонкости работы. Прочія скульптурныя изображенія, встрѣчающіяся въ различныхъ мѣстахъ главной церкви и въ боковыхъ, нисколько не приближаются къ этимъ, ни даже большое конное изваяніе Св. Георгія, украшающее входъ въ его боковую церковь. Подобнаго не встрѣчалъ я

нигдѣ изъ посѣщенныхъ мною мѣстъ на югѣ Кавказа, кромѣ камня, который равнымъ образомъ поддерживаетъ иконостасъ церкви въ Кацкѣ, на берегу Квирилы, онъ, по видимому, одной работы и, быть можетъ, даже одной руки». Описывая иконостасъ Дорандской или Кадорской церкви, онъ выражается такъ: «алтарь былъ нѣкогда отдѣленъ отъ храма колоннадой бѣлаго мрамора, подобной церкви въ Хони. Стержни колонъ, будучи соединены желѣзными, пропущенными въ нихъ связями, возбудили алчность въ какихъ то дикихъ горахъ, которые поломали ихъ, желая воспользоваться желѣзомъ, обломки ихъ валяются кучами по полу; капители же, не заключая въ себѣ желѣза, остались невредимы и сохранились превосходно». Вообще изъ описанія внутренностей церквей кавказскихъ, онъ рѣдко умалчиваетъ объ алтарной преградѣ, но нѣрѣдко дѣлаетъ замѣчанія, которыя слѣдуетъ повѣрить на мѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, въ рисункахъ, которые впрочемъ, не всегда приложены. Говоря объ иконостасѣ Пицундскаго собора онъ замѣчаетъ, что иконостасъ состоитъ изъ колоннады грубой работы, что она очевидно пристроена гораздо позже сооруженія самой церкви⁶⁴). Почти тоже приводитъ онъ, говоря о Сионской церкви въ Атенской долинѣ, «грубая преграда или иконостасъ, находящійся въ настоящее время въ церкви, по всемъ признакамъ, сооруженъ гораздо позже самой церкви и я не знаю, гдѣ грузины набрали обломки стержней и пьедесталы бѣлаго мрамора, которымъ его украсили: все это должно было принадлежать какому нибудь капищу. Какому же? Не зашло ли оно изъ развалинъ Армази? Я видѣлъ еще по обѣ стороны этого иконостаса двѣ большихъ розетты со крестами, весьма хорошей работы и съ отрывками грузинскихъ надписей, онѣ также занесены сюда откуда-то». Съ какою точностью исполнено это описаніе Сионскаго иконостаса, могутъ судить читатели по приложенному рисунку⁶⁵), снятому съ натуры Кн. Г. Г. Гагаринымъ. Сочиненіе Дюбуа до сихъ поръ не имѣетъ себѣ равнаго, по описанію Кавказа: трудно отыскать другаго путешественника, который бы, при обширной многосторонности былъ бы такимъ глубокимъ специалистомъ каждаго предмета, какъ Дюбуа. Тѣмъ не менѣе весьма важно по обилію матеріаловъ для нашего вопроса сочиненіе извѣстнаго русскаго путешественника по Грузіи и Арменіи, Муравьева, хотя оно написано не съ чисто научною цѣлью. Въ устройствѣ алтаря грузинскихъ церквей, Г. Муравьевъ находитъ три различныхъ формы: одну, подобную нашей, въ которой жертвенникъ, хотя и отдѣльный, сообщается съ алтаремъ, другую, въ которой нѣтъ внутренняго сообщенія жертвенника съ алтаремъ, наконецъ третью форму алтаря тѣсныхъ придѣловъ, гдѣ престоль и жертвенникъ, по словамъ автора, *слиялись* вмѣстѣ. Первая форма, какъ слѣдуетъ ожидать, распространена гораздо болѣе и встрѣ-

чается въ большей части древнихъ грузинскихъ церквей, въ примѣръ второй приводитъ авторъ три древнѣйшихъ церкви въ Шуамтѣ и церковь Самтаврскую, образцомъ же для третьей формы алтарей, онъ представляетъ церкви Св. Нины и въ Моцамети. Въ алтарь ведутъ въ однихъ церквахъ, подобно русскимъ, три двери, посреди царскія, по бокамъ сѣверная и южная, въ другихъ только двѣ, царскія и сѣверныя, въ третьихъ, наконецъ, однѣ царскія; и это подтверждается примѣрами. Въ древнѣйшихъ грузинскихъ церквахъ въ Шуамтѣ ⁶⁶⁾ и Зедазенѣ ⁶⁷⁾ сохранились иконостасы съ одними только царскими дверями безъ боковыхъ. «Алтарь поднять на двѣ ступени отъ помоста, четыре витыя колонки съ лѣпными украшениями на аркахъ, ихъ соединяющихъ, поставлены на низкой каменной стѣнкѣ вмѣсто иконостаса, такъ что насквозь можно бы видѣть всю службу. Мѣстныхъ иконъ не было, но на фронтонѣ арокъ сохранились лики Спасителя, Божіей Матери и ангеловъ». Такъ описаны Муравьевымъ иконостасы трехъ церквей Старой Шуамты. На приложенномъ рисункѣ ⁶⁸⁾, которымъ мы обязаны кн. Гагарину, иконостасъ церкви Старой Шуамты, VIII столѣтія, состоитъ изъ шести византийскихъ колонокъ, которыя стоятъ на каменной стѣнкѣ и поддерживаютъ арки съ корнизомъ; отдѣльныя изображенія помѣщаются на самыхъ капителяхъ колонокъ и выше ихъ, въ промежуткахъ арокъ, а цѣлыя группы на плитахъ каменной стѣнки; по рисунку мы могли разобрать надъ тремя капителями три окрыленныхъ женскихъ фигуры, между ними, можетъ быть, Богоматерь, надъ четвертой капителью окрыленная же фигура Снаса Эммануила; группы на каменной стѣнкѣ состоятъ изъ трехъ фигуръ Св. Троицы и трехъ какихъ-то святыхъ. Въ подобномъ иконостасѣ Зедазенскаго монастыря ⁶⁹⁾ сохранились, по словамъ Муравьева, надъ царскими дверями фрески съ изображеніями деисуса, т. е. Спасителя между Богоматерью и Предтечей, а по сторонамъ, въ отдѣльныхъ небольшихъ кругахъ лики апостоловъ. На мѣстѣ же мѣстныхъ иконъ стоитъ изваяніе Св. Симеона Столпника. Къ этимъ же иконостасамъ съ однѣми царскими дверями слѣдуетъ отнести каменный же иконостасъ Успенскаго собора Шю-Мгвинской пустыни ⁷⁰⁾, сходный по устройству и также вмѣсто иконъ съ фресками, которыя изображаютъ здѣсь деисусъ, апостоловъ, великомученика Георгія, Дмитрія, Св. Овслю и Нину. Иконостасъ Предтеченской церкви той же пустыни представляетъ собою то же устройство, тѣ же фрески вмѣсто иконъ, но кромѣ среднихъ царскихъ дверей въ немъ есть еще и боковая сѣверная; кромѣ того, въ каменной стѣнкѣ поддерживающей колонки, находятся еще рѣзныя на камнѣ изображенія Распятія Господня, Притчи о смоковницѣ, Симеона Столпника, благословляющаго съ вершины столпа спрекаго пустынноначальника Іоанна. Авторъ относитъ къ этимъ изображеніямъ еще икону Св. Троицы,

находящуюся на вратах колокольни. Во многих других церквях Грузии, сохранились иконостасы подобные этимъ. Мы имѣли уже случай говорить объ иконостасахъ Сіонскомъ и Пицундскомъ, описанныхъ Дюбуа, и не найдя ничего новаго о нихъ у Муравьева, обратимся къ другимъ, упоминаемымъ этимъ авторомъ, иконостасамъ. Въ Цилканскомъ соборѣ первыхъ вѣковъ христіанства Грузии, иконостасъ похожъ по описанію на упомянутые выше, съ фресками, вмѣсто иконъ мѣстныхъ. Но фрески такъ повреждены здѣсь, что съ трудомъ можно было разобрать деисеусъ и нѣкоторыхъ апостоловъ, они написаны на стѣнѣ, и окаймлены рамами; на самыхъ столбахъ по сторонамъ иконостаса Муравьевъ находитъ слѣды изображеній тринадцати сирскихъ отцевъ. Такой же иконостасъ низкій, каменный, сквозной, съ остатками фресокъ въ церквяхъ: Спасо-Антошѣва Марткобскаго монастыря, въ Наколакеви, въ славной Гелатской обители (⁷¹). Мы бы могли присоединить сюда нѣсколько другихъ названій грузинскихъ церквей, но такъ какъ общая форма ихъ довольно однообразна, для частныхъ же должны бы быть рисунки, то мы ограничились на первый разъ уже упомянутыми. Любопытно было бы, конечно, разобрать грузинскіе иконостасы по характеру ихъ рисунка сравнительно съ періодами, когда они воздвигнуты: мы бы получили чрезъ это опредѣленные понятія о ходѣ развитія рисунка алтарной преграды и придвинули бы такимъ образомъ рѣшеніе вопроса о формѣ древнѣйшихъ иконостасовъ русскихъ; но съ одной стороны иконостасовъ грузинскихъ срисовано такъ мало, что невозможно предпринять ничего подобнаго, съ другой же, исторія построения грузинскихъ церквей и ихъ иконостасовъ не приведена въ надлежащую ясность. Въ ожиданіи болѣе обширныхъ трудовъ по археологіи кавказскихъ церквей воспользуемся собранными нами доселѣ свѣдѣніями. Не смотря на то, что они далеко еще не полны, все таки въ нихъ представляются весьма важныя указанія для сравнительнаго изученія русскаго церковнаго зодчества. Для желающихъ ближе ознакомиться съ грузинскими иконостасами прилагаемъ эскизные рисунки, которые мы также получили изъ замѣчательнаго портфеля князя Г. Г. Гагарина. На XII таблицѣ изображенъ иконостасъ церкви женскаго монастыря въ Мцхетѣ. Онъ состоитъ изъ каменной стѣнки полокотной высоты, съ лицевой стороны украшенной топкою кресчатою рѣзьбою и другими византійскими украшеніями; судя по рисунку, можно предположить, что нѣкоторыя плиты этой стѣнки были перемѣщены, слѣдовательно, вся преграда могла получить видоизмѣненіе. Шесть стоящихъ на этой стѣнкѣ колонокъ дѣлятъ преграду на пять равныхъ частей шириною въ 1 аршинъ 6 вершковъ въ каждой, средняя, совершенно открытая для царскихъ дверей. Колонки соединяются между собою двойными арками и антаблементомъ, также украшенными

рѣзбою по камню. Фигура колонокъ, въ 4-хъ представляетъ простой стержень, на который посреди надѣтъ шаръ, вмѣсто капителей и базъ широкіе плитусы, въ двухъ остальныхъ вверху простаго стержня горшкообразные капители съ плитусомъ; надъ всеми колонками помѣщены розетки. Слѣды же фресковыхъ изображеній святыхъ видны только внизу стѣны третьяго промежутка, съ правой стороны отъ царскихъ дверей. Поле, по которому исполнена рѣзба, покрыто красноватымъ тономъ, а самая рѣзба цвѣта бѣлаго камня. Не менѣе любопытенъ иконостасъ церкви на вершинѣ Казбека. Онъ изображенъ на XIII таблицѣ нашего атласа и отличается равно изяществомъ древнихъ рѣзныхъ на камнѣ весьма мелкихъ украшеній по стѣнкѣ, пиластрамъ и аркамъ, и грубостью позднѣйшаго рисунка стѣнописи, помѣщенной на широкомъ архитравѣ его. Здѣсь слѣва отъ царскихъ дверей изображенъ стоящій въ кивотѣ и благословляющій Спаситель, выше въ особомъ отдѣленіи кивота небольшое изображение Богоматери, рядомъ же полустертая фигура поянаго ангела, между ними весьма грубымъ очеркомъ сдѣлана маленькая фигура стоящаго святаго, вѣроятно, самой позднѣйшей редакціи. Тутъ же по правую сторону царскихъ дверей находимъ другое изображение Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ на лонѣ. Лѣвою рукою она поддерживаетъ Младенца, правую знаменуетъ крестъ. Надъ самыми царскими дверями, равно какъ и надъ обѣими кивотами помѣщено по золоченому кресту. На XIV таблицѣ изображенъ каменный же иконостасъ небольшой церкви на горѣ Армази, въ окрестностяхъ Мцхета. Четырьмя пиластрами, стоящими на двухъ отдѣльныхъ плитахъ дѣлится онъ на три части, изъ которыхъ средняя самая широкая не болѣе аршина въ ширину. Онъ отличается простотою рисунка жгутобразныхъ украшеній и чистотою ихъ исполненія. Если были на немъ когда либо изображенія стѣнописи, то они должны были занимать мѣсто среди каменныхъ плитъ въ приготовленныхъ для того, по видимому, квадратахъ. Наконецъ, иконостасъ другой церкви на горѣ Армази, изображенный на XV таблицѣ, носитъ печать ближайшаго къ намъ времени. Онъ относится къ XVI вѣку, построенъ изъ кирпича, очевидно, подъ вліяніемъ персидскаго стиля, состоитъ изъ шести низкихъ, массивныхъ столбовъ съ грубыми капителями и базами, соединенныхъ тяжелымъ антаблементомъ съ стрѣльчатыми арками. Среднее отверстіе вдвое шире боковыхъ, стѣнопись помѣщена повсюду и на антаблементѣ, и въ промежуткахъ арокъ, и на стѣнкѣ, и на капителяхъ и на базахъ. Многія изъ упомянутыхъ выше грузинскихъ церквей дошли до насъ въ совершенной сохранности; нѣкоторыя же, хотя и пострадали отъ руки времени, но до сихъ поръ еще носятъ яркіе слѣды своего первоначальнаго устройства, тогда какъ русскія церкви, какъ извѣстно, почти все

измѣнены поздѣйшими передѣлками и пристройками внутри и снаружи. Почти тоже можно сказать о церквахъ греческихъ и памятникахъ запада. Грузинскія же церкви, сохранивъ характеристическія черты византійскаго зодчества различнаго времени, представляютъ въ своихъ памятникахъ извѣстнаго періода много общаго съ русскими древнѣйшаго періода, судя по уцѣлѣвшимъ кой-какимъ указаніямъ въ послѣднихъ, а потому этѣ грузинскія церкви служатъ почти исключительнымъ матеріаломъ для сравнительнаго изученія и возсозданія нѣкоторыхъ исчезнувшихъ формъ русскаго зодчества. Все это легко уяснится, если припомнимъ, что Грузія и Россія приняли христіанство и вмѣстѣ съ нимъ все его принадлежности въ области церковнаго искусства, изъ одного и того же источника, Греціи, разница была только во времени; но въ Грузіи сохранились памятники не однихъ первыхъ вѣковъ христіанства, и послѣдующее время дарило эту страну превосходными памятниками. Пользуясь сосѣдствомъ Греціи, властители Грузіи вызывали оттуда художниковъ, строившихъ и украшавшихъ постоянно грузинскія церкви. Они ничего не щадили на это, за то, когда уже минула слава страны, пережившіе ее памятники до сихъ поръ удивляютъ и приводятъ въ восторгъ образованныхъ путешественниковъ. Главнымъ матеріаломъ для сравнительнаго изученія должны, конечно, служить преимущественно тѣ памятники Грузіи, которые воздвигнуты въ эпоху принятія христіанства Россією. Они тѣмъ важнѣе для нашего вопроса, что въ Россіи, какъ извѣстно, сохранилось весьма мало церквей этого времени, и положительно ни одна не дошла въ первоначальной формѣ, не потерявъ измѣненій снаружи и особливо внутри. Нѣкоторыя изъ грузинскихъ церквей представляютъ и въ планѣ и въ фасадѣ и въ украшенія такъ много общаго съ русскими древнѣйшаго періода, что нельзя не сознаться въ необходимости сравнительнаго изученія. Упоминая объ устройствѣ иконостасовъ древнихъ грузинскихъ церквей путешественники представляютъ ихъ до того низкими, сквозными, что ими почти вовсе не закрывался алтарь, всегда украшенный фресками или мозаикою. Ширина ихъ также незначительна. Два алтарныхъ столба нерѣдко служатъ имъ границею. Обыкновенная форма древне-грузинскихъ иконостасовъ—невысокая каменная стѣнка, стоящая ступени на двѣ выше церковнаго помоста, съ отверстіемъ для дверей, украшенная рѣзными орнаментами, иногда изображеніями святыхъ, на ней стоятъ или витыя связанныя арками византійскія колонки, или рѣзбою украшенные пиластры съ корнизомъ. Пространство между колонками или пиластрами остается сквознымъ, совершенно открывающимъ алтарь. Два столба алтарныхъ, къ которымъ примыкаетъ эта сквозная преграда, обыкновенно украшены фресками, окаймленными красивыми рамами. Въ большей части древнихъ грузинскихъ иконоста-

совъ вовсе не встрѣчается иконъ на деревѣ; даже мѣстныхъ иконъ нѣтъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно мы привыкли видѣть ихъ у себя. Онѣ помѣщаются, какъ мы видѣли, надъ колоннами въ промежуткахъ арокъ, иногда надъ царскими дверями, на каменной стѣнѣ, поддерживающей колонки, и даже на алтарныхъ столбахъ, какъ въ древнѣйшихъ русскихъ церквахъ, сохранившихъ фрески за иконостасами. Во всѣхъ случаяхъ, какъ намъ извѣстно, онѣ писаны не на деревѣ, а прямо по стѣнѣ, фресками. Все это устройство грузинскихъ иконостасовъ вполне характеризуетъ и греческіе иконостасы, и безъ сомнѣнія имѣло вліяніе на образование древнѣйшей формы русскихъ.

Какъ ни замаскирована первоначальная форма иконостасовъ русскихъ церквей, черты древнѣйшаго ихъ устройства еще проглядываютъ въ современныхъ иконостасахъ. Чтобъ убѣдиться на дѣлѣ, стоитъ всмотрѣться въ ихъ рисунокъ. Такъ полуколонки, мѣстами даже цѣлыя колонки, отдѣляющія образа въ иконостасѣ, соединенныя иногда арками, корнизы, служащіе основаніемъ нижнему ряду образовъ и перекрышею верхнему, сквозныя, иногда рѣшетчатыя, царскія двери съ столбиками или пиластрами, къ которымъ они привѣшены въ старыхъ нашихъ иконостасахъ свидѣлствуютъ, конечно, не произвольную игру рисунка. Они остались безспорно вѣрными признаками первоначальной формы огражденія алтаря посредствомъ пролетныхъ колоннадъ и рѣшетчатыхъ преградъ. Если иконостасъ съ колоннами въ одинъ ярусъ освободимъ отъ иконъ, то намъ представится готовый образецъ древней алтарной преграды съ колоннами и корнизомъ. Когда древняя форма въ церковномъ искусствѣ уступаетъ свое мѣсто новой, обыкновенно случается, что отличительные признаки первой, даже по видимому, утрачившіе съ появленіемъ новой формы свое значеніе, переходятъ и живутъ въ невольныхъ, иногда бессознательныхъ подражаніяхъ. Церковное искусство не терпитъ явленій случайныхъ и произвольныхъ; покоряясь строгимъ законамъ первоначальной потребности, они развиваются послѣдовательно. У насъ мало еще обращено было вниманія на изученіе формъ церковнаго зодчества въ ихъ историческомъ развитіи. Для окончательнаго разъясненія первоначальной формы русскихъ иконостасовъ, ея преемственнаго видоизмѣненія и образованія настоящей формы, необходимо сравнительное изученіе современныхъ иконостасовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что еще много не открытыхъ матеріаловъ для рѣшенія этихъ вопросовъ бродитъ и ждетъ дѣлателей въ разсыпанныхъ остаткахъ церквей нашего отечества. Что же касается до рѣшенія вопроса о формахъ иконостасовъ этихъ церквей въ настоящее время; то мы, пока, впрямь до окончательнаго разъясненія этого вопроса, можемъ принять, на основаніи собранныхъ доселѣ нами данныхъ три формы иконоста-

совъ. Одну, въ составъ которой входили столбы алтарные, другую съ каменною стѣною вмѣсто столбовъ, въ которой три отверстія для дверей, наконецъ третью форму современныхъ иконостасовъ съ деревянною стѣною изъ святыхъ иконъ. Первоначальная форма, заимствованная прямо изъ греческихъ образцовъ и будучи затеряна въ послѣдствіи съ появленіемъ иной формы, можетъ быть, отыскана въ памятникахъ Греціи. Двѣ другихъ получили свое начало уже въ періодъ утвержденія и развитія церковно-русскаго зодчества и потому легко могутъ встрѣтиться въ отечественныхъ памятникахъ. Пересматривая изданныя до сихъ поръ церкви Греціи того періода, когда Россія приняла христіанство, мы не можемъ не остановить вниманія на иконостасѣ Аѳинской церкви Никодима. Построеніе ея относится къ IX вѣку; во время осады 1827 г. она потерпѣла отъ огня, находилась долгое время въ запустѣніи и недавно приобрѣтена русскимъ правительствомъ для посольства. Въ приложенномъ рисункѣ (табл. VIII) иконостасъ ея представляетъ двѣ мраморныхъ колонки, стоящихъ между алтарными столбами, колонки эти поддерживаютъ корнизъ и представляютъ собою три открытыхъ пространства или междуустолнія; изъ нихъ только среднее междуустолніе царскихъ дверей открыто совершенно, два же боковыхъ заложены внизу невысокою стѣнкою. Такова была первоначальная форма иконостаса этой церкви, которая въ послѣдствіи потерпѣла измѣненія, а именно оба боковыхъ междуустолнія были заложены каменною стѣною до самаго корниза. Оставался одинъ средній промежутокъ для царскихъ дверей. Не менѣе важное для вопроса первоначальной формы русскихъ иконостасовъ открытіе въ этомъ же иконостасѣ было сдѣлано въ 1852 году (⁷²). Когда церковь возобновлялась русскимъ правительствомъ, съ двухъ алтарныхъ основныхъ столбовъ были сняты позднѣйшія изображенія, подъ ними оказались фрески, превосходной, современной построенію церкви работы. Фрески этѣ окончательно сближаютъ иконостасы греческіе съ иконостасами русскими древнѣйшей эпохи. Изображенія ихъ тождественны. Икона Благовѣщенія, представленная стѣнописью, на противоположныхъ столбахъ, находящихся по обѣ стороны мраморныхъ колонокъ вполне соответствуетъ той же иконѣ, постоянно встрѣчаемой на тѣхъ же алтарныхъ столбахъ въ древнѣйшихъ русскихъ церквахъ. На правомъ столбѣ изображена Богоматерь, вмещающая божественному гласу, на лѣвомъ Архангелъ Гавріилъ, являющій вину посланія. Ясно, что эти алтарные столбы церкви Никодимовой съ своими святыми изображеніями входили въ составъ иконостаса, точно также, какъ и въ русскихъ церквахъ. Если къ этимъ основнымъ столбамъ мы присоединимъ въ рисунокъ древнѣйшихъ русскихъ иконостасовъ колонки изъ Никодимовскаго иконостаса, которыхъ среднее междуустолніе служить вмѣсто царскихъ дверей, то получимъ форму

вполнѣ соответствующую первоначальному огражденію алтаря въ русскихъ церквахъ. Уже впродъ до окончательнаго разъясненія этого вопроса, мы считаемъ себя въ правѣ допустить эту реставрацію на основаніи нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію еще не-обнародованныхъ данныхъ. Двѣ упомянутыя нами колонки, найденныя архитекторомъ Солнцевымъ при возобновленіи Кіево-Собійскаго собора, далѣе, встрѣчающіяся кое-гдѣ по церквамъ остатки базъ и капителей отъ колонокъ небольшого діаметра остались, безъ сомнѣнія, признаками существованія древнихъ русскихъ иконостасовъ, подобныхъ греческому въ церкви Никодима. Кромѣ того, древнѣйшіе изъ сохранившихся царскихъ дверей русскаго иконостаса, представляютъ какъ необходимую принадлежность своего рисунка два столбика съ корнизомъ, къ которымъ онѣ привѣшены. Ширина отверстія для царскихъ дверей до того незначительно, что не превосходитъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ одного аршина. Легко можетъ быть, что въ этотъ періодъ иконостасовъ, не было вовсе даже мѣстныхъ иконъ на деревѣ, пустое же пространство между столбами и колонками завѣшивалось, когда того требовало служеніе, завѣсами, въ послѣдствіи только необходимыя иконы заняли промежутки отъ алтарныхъ столбовъ до колонокъ царскихъ дверей. Мы видѣли прежде, что изображенія мѣстныхъ или храмовыхъ праздниковъ въ церквахъ русскихъ, въ которыхъ можетъ быть допущено существованіе первоначальной формы иконостасовъ, имѣли свое особое мѣсто внѣ иконостасовъ. Въ системѣ стѣнописей такихъ церквей они помѣщались на сѣверной стѣнѣ церкви, возлѣ иконостасовъ. Какъ на образецъ, сохранившій указаніе готовой формы древнерусскаго иконостаса, мы можемъ указать на рисунокъ, снятый нами въ Троицко-Сергіевой лаврѣ съ рукописнаго сборника (7³). Древность его, соответствующая, по крайней мѣрѣ, принятому нами періоду древнѣйшихъ иконостасовъ не подлежитъ сомнѣнію. Этотъ замѣчательный рисунокъ изображаетъ внутренность пятиглавой церкви. Мы не можемъ искать здѣсь копии какой нибудь определенной церкви; самая надпись указываетъ здѣсь на общую форму внутренности православнаго храма; чисто архитектурнаго характера, также нельзя ожидать заранѣе отъ рисунка церкви того времени, въ которое онъ исполненъ. Къ зодчеству здѣсь примѣшивается элементъ иконописной символики. Иначе и быть не можетъ. Не смотря, однакожь, на все это, въ рисунокѣ мы встрѣчаемъ прямые намеки на первоначальное устройство православныхъ иконостасовъ. Двѣ витыхъ византійскихъ колонны съ приличными базами и капителями и двѣ анты по сторонамъ ихъ, образуютъ съ покоящимися на нихъ арками три отверстія, соответствующія тремъ частямъ древняго алтаря, среднее отверстіе царскихъ дверей, съ тройною аркою, втрое шире боковыхъ отверстій сѣверной и южной двери. Посреди средняго отверстія стоитъ

престоль съ его принадлежностями. Къ престолу ведутъ три ступени. Кромѣ обыкновеннаго въ древности запрестольнаго креста символизмъ иконописи помѣстилъ здѣсь еще и другія орудія страстей Господнихъ, налѣво копье, направо, на древкѣ губку, кромѣ того, обычныя изображенію креста надписи: ІС. ХС. ΝΙΚΑ; къ своду привѣшено древнѣйшей формы паникадило; въ сѣверной части алтаря или жертвенника, равно и въ южной или діаконикѣ также висятъ свѣтильники. Какъ принадлежность древней книжной живописи здѣсь употреблены еще около архитектурнаго памятника нѣкоторыя византійскія травныя украшенія, конечно, не встрѣчающіяся въ натурѣ.

Къ разряду церквей съ первоначальною формою иконостасовъ относятся по очевиднымъ признакамъ церкви: Св. Николая на Липиѣ, Звенигородскій соборъ, Рождественскій соборъ Саввина монастыря и большая часть древнѣйшихъ соборовъ русскихъ, въ которыхъ, подобно Кіево-Софійскому, сохранились на алтарныхъ, заиконостасныхъ столбахъ упомянутыя изображенія Благовѣщенія. Изъ числа греческихъ церквей построенныхъ въ Крыму, упомянемъ здѣсь церковь Благовѣщенія въ Θεοδοσίϊскомъ карантинѣ, церковь Св. Параскевіи близъ деревни Толпу. Въ обѣихъ на алтарныхъ столбахъ подъ слоями новой штукатурки найдены изображенія Благовѣщенія, расположенныя также ⁷⁴⁾.

Остатки цѣлой каменной стѣны вмѣсто однихъ алтарныхъ столбовъ указываютъ на другой видъ русскихъ иконостасовъ. Стѣна эта скрывается также иногда за позднѣйшими деревянными иконостасами, образуетъ тремя сквозными арками три отверстія для среднихъ и боковыхъ дверей и равно покрыта стѣнописью. Любопытные образцы въ этомъ родѣ представляютъ стѣны, отдѣляющія алтарь отъ церкви въ Кремлевскихъ церквахъ Ростова Великаго ⁷⁵⁾. Здѣсь, въ надвратной церкви Воскресенія Христова, вмѣсто деревяннаго иконостаса, пріятно поражаетъ цѣлая каменная стѣна съ углубленіями по обѣ стороны царскихъ дверей, для двухъ мѣстныхъ иконъ. Тоже встрѣчаемъ въ другой церкви, Св. Іоанна Богослова; амвонъ возвышается надъ помостомъ церковнымъ на 5 ступеней. Въ здѣшней же Спасской, крестовой церкви преграду алтаря составляетъ тяжелая каменная стѣна, доходящая до самаго потолка, въ ней три отверстія, соотвѣтствующія тремъ частямъ древняго алтаря, по обѣ стороны царскихъ вратъ сдѣланы въ стѣнѣ углубленія съ кивотами, для мѣстныхъ иконъ. По стѣнѣ сохранились весьма замѣчательные остатки стѣнописи, византійскаго стиля. Амвонъ возвышается на 8 ступеней. Кромѣ алтарной преграды въ этой церкви обращаетъ на себя вниманіе весьма рѣдко встрѣчающаяся каменная же преграда хора. Она состоитъ изъ украшенной стѣнописью стѣнки, на которой возвышается шесть колонъ, соединенныхъ двойными арками, надъ ними помѣщены изображенія небес-

ныхъ силъ съ ихъ вождемъ, на колоннахъ покоится архитравъ; средняя арка, подъ которою идутъ ступени къ хору и алтарю шире четырехъ боковыхъ. Архитектурныя подробности этого памятника, заслуживающія внимательнаго изученія, къ сожалѣнію, нуждаются еще въ изданіи; потому что рисунокъ этой преграды, приложенный къ Древнимъ Святынямъ Ростова Великаго далеко неудовлетворителенъ. Вѣроятно остатки такого же рода иконостасной стѣны открыты и въ церкви Архангела Михаила въ московскомъ Чудовѣ монастырѣ; сѣверная и южная двери находятся здѣсь въ низкихъ кирпичныхъ стѣнахъ, простирающихся между столбами алтаря и его боковыми стѣнами. При послѣднемъ возобновленіи иконостаса, на стѣнѣ у сѣверной двери были видны остатки стѣнописи—изображеніе какого-то святаго, но столь поврежденное временемъ, что невозможно было разобрать его въ подробностяхъ.

Описаніе третьяго рода современныхъ деревянныхъ иконостасовъ выходитъ изъ предѣловъ нашей статьи. Указаніе лучшихъ образцовъ въ этомъ родѣ, по разнообразію и нерѣдко удачному рисунку, заслуживаетъ особой монографіи.

Отличительный признакъ первоначальной формы русскихъ иконостасовъ составляетъ не только открытый видъ на алтарь, но кромѣ того господство стѣнописи предъ иконописью на деревѣ. Фрески, какъ видно изъ образцовъ древне-христіанскаго зодчества, замѣняли и на всемъ христіанскомъ востокѣ въ древнее время иконы на деревѣ. Последнія, до введенія деревянныхъ иконостасовъ, были вообще рѣже, и составляя собою скорѣе исключеніе, помѣщались въ отдѣльныхъ кивотахъ, на боковыхъ стѣнахъ церкви, постояннаго мѣста въ иконостасахъ онѣ не имѣли; распространеніе ихъ усиливается, какъ мы видѣли, едва ли не съ XIV вѣка; въ это время стѣнопись начинаетъ мало по малу уступать имъ свое мѣсто. Но еще долгое время послѣ введенія деревянныхъ иконостасовъ, стѣнопись не теряла еще окончательно своего значенія въ церковныхъ украшеніяхъ, что доказываютъ даже церкви XVII вѣка, сверху до низу росписанныя по стѣнамъ. Еще въ то время, когда въ церковномъ искусствѣ явилось опасеніе утратить древнія формы, благочестивые художники, желая предохранить ихъ отъ произвола, составили въ руководство иконникамъ правила, излагавшія технику и весь порядокъ производства стѣнописи. Одно изъ подобныхъ руководствъ греческой редакціи было напечатано съ перевода, въ 1845 году въ Парижѣ, археологомъ Дидрономъ ⁷⁶⁾ и потомъ издано съ греческаго текста, съ дополненіями, на нѣмецкомъ языкѣ, Шеферомъ. Этотъ любопытный канонъ, въ родѣ русскихъ подлинниковъ, представляетъ для нашего вопроса весьма много важныхъ указаній. Мы находимъ здѣсь цѣлую систему стѣнной росписи; и здѣсь встрѣчаемъ, въ иконостасѣ, вмѣсто иконъ на

деревъ, фрески на алтарныхъ столбахъ. Изображенію Благовѣщенія принадлежитъ по указанію руководства то же мѣсто, на которомъ мы видѣли его въ русскихъ иконостасахъ древнѣйшаго періода; и здѣсь на украшеніе середины алтаря обращено главное вниманіе, такъ какъ онъ предполагается совершенно открытымъ.

Значеніе стѣнописи на алтарныхъ столбахъ, совершенно закрытой въ настоящее время высокими иконостасами, перестаетъ быть загадкою, самыя украшенія алтарей фресками и мозаикой, стоившія большихъ трудовъ и издержекъ, получаютъ въ глазахъ нашихъ свою первоначальную цѣну; мало по малу воображенію представляется древняя форма алтарной преграды, открывающей алтарь во всемъ его величій. Форма эта, какъ извѣстно, была общаю на всемъ православномъ востокѣ. Существенная разница ея въ устройствѣ иконостасовъ Греціи, Грузіи и Россіи состояла, по видимому, въ степени изящества рисунка. У болѣе художественныхъ народовъ преграда представляла болѣе изящную форму. Но форму эту одушевляла одна и та же идея. Доказательствомъ тому, между прочимъ, можетъ служить общая идея стѣнописи православныхъ церквей. Иконопись и зодчество, подчиненныя одной идеи идутъ рука объ руку. Въ чемъ же состоитъ эта идея, какимъ образомъ проявляется она въ устройствѣ иконостасовъ? — Это открывается разсмотрѣніемъ стѣнописи православныхъ церквей, изученіе которой доказываетъ, что алтарь съ церковью составляетъ въ архитектурномъ отношеніи одно нераздѣльное цѣлое. Обратимся снова къ древнѣйшимъ новгородскимъ памятникамъ, которые, сохранивъ почти исключительно предъ всѣми другими церквами на своихъ стѣнахъ остатки фресковой стѣнописи, могутъ служить намъ матеріаломъ для рѣшенія этихъ вопросовъ. Съ этой стороны особаго изученія заслуживаетъ прекрасная церковь Успенія Богоматери въ селѣ Волотовѣ, возлѣ Новгорода. Она сохранила стѣнопись лучшаго времени и въ болѣе полной, нежели прочія новгородскія и вообще русскія церкви.

Уже прямо на паперти богомольца приготавливали къ вступленію въ домъ Богоматери ея ветхозавѣтныя прообразованія въ символическихъ образахъ: руна Іисуса Наввина, Неопалимой купины Моисея, лѣствицы Іакова и проч. Въ самой же церкви, на внутреннихъ стѣнахъ иконопись представляла въ возможныхъ формахъ величіе Господа и Его Матери. Занятая прославленіемъ Богородицы. Здѣсь въ огромномъ кругѣ представлена она знаменующею съ предвѣчнымъ Младенцемъ на лонѣ. Возлѣ иконостаса, на сѣверной стѣнѣ изображенія помѣщены въ пять рядовъ, ограниченныхъ чертами. Внизу, въ небольшихъ кругахъ поясные святые, выше ихъ, во второмъ ряду, подробная икона Успенія Богородицы, съ облачными апостолами; еще выше, въ третьемъ ряду, раздѣленномъ чертою на

двѣ части, налѣво распятіе Господа, со многими предстоящими, направо положеніе во гробъ. Выше Воскресеніе Христово, еще выше Вознесеніе на небо. Съ другой стороны на южной стѣнѣ, возлѣ иконостаса, внизу изображены точно также въ кругахъ святыя, выше Богородица съ двумя святыми, вѣроятно, икона Срѣтенія Господня, выше Богоявленіе Господне съ тремя ангелами и другіе праздники, отдѣляемые также какъ и изображеніе на сѣверной стѣнѣ. Алтарь составляетъ центръ иконостаса, мѣсто, въ которомъ сосредоточивается главная идея церкви христіанской. Онъ составляетъ существенную часть церкви не только въ отношеніи зодчества, но и въ отношеніи самой иконостаса. Въ этомъ единеніи церковнаго искусства прекрасно выражается идея единства самой церкви. На горнемъ мѣстѣ, надъ каменнымъ епископскимъ сѣдалищемъ, изображены, въ три ряда, соответствующія высокому значенію мѣста, иконы. Внизу представлено таинство божественной литургіи въ дѣйствіи; на престолѣ, въ дискосѣ покоится Агнецъ Божій, возлѣ него потиръ, два ангела осѣняютъ Агнецъ рипидами съ изображеніями серафимовъ; по обѣ стороны престола святому таинству сопредсутствуютъ по четыре святителя. Выше совершается приобщеніе подъ обоими видами. Спаситель подаетъ ученикамъ своимъ съ одной стороны чашу, съ другой хлѣбъ. Еще выше слѣдуетъ изображеніе Богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ, на престолѣ, между двумя архангелами. Предъ Богоматерью два молящихся святыхъ: царь и пророкъ, первый съ сосудомъ въ рукѣ, второй со свиткомъ надписаннымъ, оба помѣщены между столбами въ аркахъ. Ниже ихъ два припадающихъ святыхъ съ надписями «ниво ново» и «страстей». Еще ниже двѣ превосходныхъ фигуры ангеловъ, съ кадильницею и ладоницею. На вершинѣ горней арки, въ отдѣльныхъ кругахъ, архангелы, каждый съ жезломъ и кругомъ въ рукахъ. На вершинѣ большой алтарной арки, какъ разъ надъ престоломъ, изображено Сшествіе Св. Духа, на поясѣ арки Спаситель со святыми, стоящими ниже его; надъ главною восточною аркою посреди крестъ въ кругѣ, ниже его, спускаясь къ импостамъ по аркѣ, въ кругахъ же, пророки. Не было мѣста внутри этой церкви, которое бы лишено было украшеній стѣнописи и все это расположено съ глубокою обдуманностью, въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Столбы, поддерживающіе своды, украшены изображеніями святыхъ мучениковъ, простѣнки, въ приличныхъ мѣстахъ, заняты изображеніями извѣстныхъ святыхъ, тамъ же, гдѣ не было возможности, по ограниченности мѣста или неудобству другаго рода, помѣстить изображеніе ихъ, росписаны затѣйливыя византійскія украшения. На парусахъ четыре евангелиста, въ трибунѣ ангелы и пророки, наконецъ, во главѣ церкви изображенъ Господь Вседержитель. Куда ни взглянешь, вездѣ та же обдуманность художниковъ, вездѣ ико-

нопись помѣщена на мѣстахъ, соотвѣтствующихъ ихъ архитектурному значенію. Начиная съ паперти, украшенной лишь символическими изображеніями, потомъ внутри церкви, отъ нижняго ряда святыхъ, помѣщенныхъ въ кругахъ, мученики на столбахъ и святые войны — какъ вѣчныя опоры и стражи церкви, далѣе на главныхъ мѣстахъ корабля церкви, праздники Господни и Богоматери, надъ главною аркой, въ вершинѣ ея, крестъ Господень и проч. Если припомнимъ наконецъ то время, когда алтарь съ своею многозначительною стѣнописью еще не былъ закрытъ сплошнымъ высокимъ иконостасомъ, на каменныхъ столбахъ его взорамъ молящихся предковъ предстала икона Благовѣщенія съ другими приличными святоesti мѣста изображеніями; помѣщенные на небольшихъ царскихъ дверяхъ миниатюры указывали своимъ содержаніемъ, какъ нельзя лучше на святое мѣсто, въ которое вели: потому что вкратцѣ изображали содержаніе алтарной росписи; далѣе за ними являлась самая стѣнопись алтаря, во всемъ своемъ неприступномъ величій и совершенно сообразная съ высокимъ значеніемъ мѣста.... Нельзя не убѣдиться, что все это, кромѣ тѣсной связи содержанія стѣнописи съ архитектурнымъ смысломъ церкви, выражало еще и высокое единство церкви, сосредоточенное въ алтарѣ и увѣнчанное главою или куполомъ.

Но напрасно будутъ искать въ современныхъ сооруженіяхъ церковнаго зодчества этого строгаго единства частей, подчиненныхъ нѣкогда одной идеи: огромные иконостасы отрѣшили алтари даже во всѣхъ древнихъ церквахъ, сдѣлавъ изъ алтаря особую часть, почти отдѣльное архитектурное цѣлое, не связанное видимо съ прочими частями церкви. Мало того, иконостасы эти лишили значенія самую стѣнопись алтарную, на которую въ древности обращали главное вниманіе.

Многіе изъ сохранившихся памятниковъ византійскаго зодчества въ Греціи, Грузіи и Россіи представляютъ одно и то же содержаніе стѣнописи, одну и ту же идею цѣлаго, вполне выраженную въ этой росписи. Разница встрѣчается въ подробностяхъ, въ изображеніи мѣстныхъ святыхъ, извѣстныхъ праздниковъ, чудесъ, и проч. Алтарь же, почти вездѣ украшенъ одинаково, фрески его или мозаики почти во всѣхъ церквахъ древности, и особливо въ лучшихъ ея памятникахъ, изображаютъ одни и тѣ же святые сюжеты, какъ слѣдуетъ ожидать отъ важности мѣста и отъ архаистическихъ условій древняго періода. Даже въ послѣдствіи, въ XV и XVI вѣкѣ, когда уже получили право гражданства высокіе сплошные иконостасы, долго еще стѣны алтаря украшались, по древнему обычаю, сверху до низу святыми изображеніями и только въ церквахъ новѣйшаго періода онѣ стали ограничиваться одной запрестольной иконой, занимающей единственно видное мѣсто современнаго алтаря, открывающееся во время служенія, когда отво-

ряются царскія двери. Измѣнившееся устройство иконостасовъ подвергло въ свою очередь измѣненію самый видъ алтаря и всей внутренности церкви.

Представляя вниманію читателей вопросъ о первоначальной формѣ русскихъ иконостасовъ, мы утѣшаемъ себя надеждой, что изслѣдованіе наше не лишено будетъ интереса для архитекторовъ и археологовъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ еще ничего не было писано по этому предмету; въ сочиненіяхъ же, въ которыхъ затрогивается этотъ вопросъ, авторы, нерѣдко знатоки дѣла, обнаруживаютъ свои убѣжденія въ пользу древности сплошныхъ высокихъ иконостасовъ. Полагая обыкновенно IX вѣкъ границу древнѣйшаго устройства иконостасовъ, они не допускаютъ открытаго алтаря въ русской церкви, между тѣмъ, мы видѣли, и письменные источники и остатки памятниковъ обличаютъ несправедливость такого приговора. Свидѣтельства церковныхъ писателей, сохранившіяся фрески за иконостасами, наконецъ слѣды каменной преграды въ остаткахъ стѣны за иконостасами и въ небольшого діаметра колоннахъ доказываютъ ясно, что въ русскую церковь, вмѣстѣ съ другими принадлежностями, перешло отъ первыхъ вѣковъ христіанства и первоначальное устройство открытыхъ алтарей, что подъ влияніемъ архаистическихъ условій, оно имѣло мѣсто и значеніе даже до XIV вѣка. Муравьевъ, имѣвшій случай видѣть древнѣйшія византійскія церкви, говоритъ ⁷⁷⁾: «что сплошные многоярусные иконостасы вошли въ употребленіе гораздо позже эпохи иконоборства, когда хотѣли представить чествованію православныхъ всѣ драгоценныя залого древности, уцѣлѣвшіе отъ сей вѣковой бури. Прежде поставлялись только однѣ мѣстныя иконы между мраморныхъ колонъ, позади коихъ задергивалась завѣса. Левъ—Исавръ иконоборецъ поднялъ ихъ на высоту колонъ, для того, чтобы не могъ лобызать ихъ народъ, вѣроятно, это поддало мысль поставить второй ярусъ иконъ, поверхъ корнiza, когда спустились опять мѣстныя иконы. Въ послѣдствіи число ярусовъ умножилось до пяти и семи по мѣрѣ усердія ктиторовъ, ихъ наполнили дванадцатые праздники и историческія изображенія церкви новаго и ветхаго завѣтовъ и время патріархальныхъ, т. е. трехъ ея главныхъ періодовъ». Не вдаваясь въ подробности предположеній ученаго изслѣдователя церковныхъ древностей, обратимъ вниманіе читателей на время, къ которому онъ относитъ сплошные иконостасы. Положительно опредѣлить его авторъ не желалъ, но изъ словъ его все таки видно, что онъ въ пользу времени, по крайней мѣрѣ, до русскаго періода. «Когда хотѣли представить чествованію православныхъ всѣ драгоценныя залого древности, уцѣлѣвшіе отъ сей вѣковой бури», т. е. векорѣ послѣ иконоборства, что подтверждается и слѣдующими словами автора, относительно прибавленія втораго яруса и умноженія числа этихъ ярусовъ

до пяти и семи. Конечно, иконостасовъ русскихъ первоначальной формы авторъ не могъ имѣть въ виду: потому что путешествуя по Россіи, едва ли встрѣчалъ ихъ; по крайней мѣрѣ мы не находимъ указаній на то въ его путешествіяхъ; съ другой стороны онъ не имѣлъ чисто археологической цѣли въ своихъ путешествіяхъ и потому едва ли гдѣ могъ ознакомиться въ русскихъ церквахъ съ этимъ вопросомъ. Съ болѣею самоувѣренностью выражается другой авторъ ⁷⁸⁾, уже въ сочиненіи, имѣющемъ цѣлю археологію русскаго зодчества. «Съ IX вѣка стали устроить иконостасы или стѣны, благолѣпно украшенныя ярусами (таблами), въ которыхъ размѣщались иконы св. праотцевъ, пророковъ, апостоловъ, дванадцатыхъ праздниковъ и мѣстныя иконы. Съ этихъ временъ иконостасъ составляетъ ограду святилища, недоступнаго непосвященнымъ и въ особенности некрещенымъ». Намъ извѣстно, что преграда ограждала алтарь съ IV вѣка, а иконостасовъ украшенныхъ ярусами не существовало еще въ IX. Впрочемъ недоразумѣнія подобнаго рода происходятъ отъ неразработанности русской археологической науки. Трудно писать исторію зодчества, когда не только нѣтъ подъ рукою описаній памятниковъ, способствующихъ сравнительному изученію, самыхъ русскихъ церквей издано еще такъ мало и притомъ изданы далеко незамѣчательнѣйшія между ними. Археологія русскихъ церквей нуждается въ наше время преимущественно въ трудахъ монографическихъ, въ которыхъ бы добросовѣтно были описаны типическіе памятники русскіе, грузинскіе, греческіе и вообще всѣ болѣе или менѣе состоящіе въ родствѣ съ русскими. Это сравнительное изученіе тѣмъ важнѣе, что нерѣдко извѣстная архитектурная часть, переживъ свое существованіе, оставляетъ только слѣды своего первобытнаго пребыванія въ церкви, узнать же ея значеніе и исторію рѣшительно невозможно, безъ сравнительнаго изученія памятниковъ, какъ мы имѣли случай удостовѣриться на опытѣ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) См. Табл. I, рис. 1.
- 2) Историческое описаніе церквей, стр. 43.
- 3) Фрески эти были открыты нами въ одно изъ путешествій по окрестностямъ Москвы, вмѣстѣ съ архитекторомъ А. А. Авдѣевымъ. Открытіе это послужило поводомъ къ написанію подлежащаго изслѣдованія. Первоначальное извѣстіе объ открытіи было напечатано въ Московскомъ Городскомъ Листкѣ Авдѣевымъ.
- 4) Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества изд. Мартынова, текстъ Снегирева, Стр. 4.
- 5) Тамъ же стр. 38.
- 6) Историч. разгов. о Древн. Вел. Новагор. Москва, 1808. стр. 84.
- 7) Исторія Россійск. Іерархіи. Москва. 1807 г. Подъ словомъ Липенскій монастырь.
- 8) И. Г. Р. Т. II, пр. 214.
- 9) И. С. Р. Л. Т. III, стр. 214.
- 10) Тамъ же, стр. 221.
- 11) Тамъ же; кромѣ того см. ниже, 23 стр. изслѣдованія.
- 12) Исторія Россійской Іерархіи подъ словомъ Липенскій монастырь.
- 13) См. 23 стр. изслѣдованія.
- 14) На 77 и слѣдующ. стр. синодика.
- 15) Мы пользовались имъ въ 1848 году.
- 16) См. Истор. разгов. о Древност. Велик. Новагор. стр. 84.
- 17) Истор. Рос. Іерарх.
- 18) См. Табл. I.
- 19) См. Табл. IV.
- 20) См. Табл. III.
- 21) См. Табл. II.
- 22) См. ту же табл.
- 23) См. Табл. VI, гдѣ изображены: вверху остатки фресковъ на западной стѣнѣ, внизу, слѣды стѣнописи около двери, которая вела нѣкогда въ большую вую и находится направо, войдя въ нижнюю церковь съ западной стороны.
- 24) См. Табл. VI.
- 25) См. Табл. IV.
- 26) См. Табл. V.
- 27) См. ту же табл.
- 28) Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. IV, стр. 104, и Т. V, стр. 17. Ист. Гос. Рос. Т. V. примѣч. 234.
- 29) См. ниже 38 стр. изслѣдованія.
- 30) Новикова Древн. Росс. Вивліюэ. Москва, 1788 г. Ч. V. стр. 176.
- 31) Тамъ же стр. 194.
- 32) Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. III, стр. 23 и слѣд. 38 стр. изслѣдованія.
- 33) Тамъ же стр. 221.
- 34) Подробнѣе объ этомъ см. у Карла Бѣттихера въ превосходномъ трудѣ его, Tektonik der Hellenen стр. XVII и XVIII. Potsdam. 1832.
- 35) Бесѣда 3.
- 36) Такъ называются онѣ у Иоанна Златоустаго и у Евагрія.
- 37) У Анастасія, въ жизнеописаніи Папы Григорія IV.
- 38) VI. 2.
- 39) Vanduri Imperium orientale.
- 40) Истор. Гос. Рос. Т. V. прим. 33.
- 41) Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. III, стр. 28.
- 42) См. Табл. VIII, и 43 стр. изслѣд.
- 43) По описанію этой церкви у Дюбуа, см. 48 стр. изслѣд.
- 44) Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. III, стр. 28.
- 45) Объ этомъ упоминается, между прочимъ, въ Описаніи Соловецкаго монастыря. Т. III. стр. 47.
- 46) De offic. Aulae Constantinop. cap. 6 mem. 3.
- 47) Укажемъ, для примѣра, на сочиненіе Аббата Годара Cours d'Archéologie sacrée.
- 48) Couchaud. Choix d'églises byzantines en Grèce. Paris. 1842.
- 49) Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. III, стр. 28.
- 50) См. описаніе Софійской церкви стихи 263 — 300 у Дюканжа и въ нѣмецкомъ переводѣ Клапрота при Зальценберговомъ изданіи Софій.
- 51) Письма съ Востока. Сиб. 1831. Ч. I. стр. 16.

⁵²⁾ Salzenberg. Alt-Christl. Baudenk. Constantino-
pels v. 5—12 Jahrh. in fol. Новое издание Фоссати
носитъ названіе: The mosque of Santa Sofia, as
recently restored. London.

⁵³⁾ Neale. History of the Holy Eastern Church
(Intro.) 2 vol. in 8° 1851.

⁵⁴⁾ Прописи. Кн. IV, стр. 534.

⁵⁵⁾ См. Табл. VIII. Рисунокъ алтарной преграды
и плана базилики Св. Климента заимствованъ нами
изъ сочиненія Кавини: Ricerche sull'architettura piu
propria dei tempi christiani. Roma. 1846, in fol.
Желающіе специально заняться базиликами не обой-
дутся безъ specialнаго же по этому предмету
труда Буизена, Гутензона и Кнаппа: Die Basili-
ken des christlichen Roms. München. 1843—44.

⁵⁶⁾ См. Табл. VIII.

⁵⁷⁾ См. Табл. IX. Здѣсь же, для поясненія, при-
ложенось планъ базилики. Оба рисунка заимствова-
ны изъ сочиненія *Ленуара*: Architecture monastique.
Paris. 1852. Оно составляетъ особую книгу архео-
логическаго отдѣленія въ собраніи документовъ,
издаваемыхъ французскимъ правительствомъ, Collec-
tion de documents inédits sur l'histoire de France
publiés par les soins etc. Упомянутое же выше из-
даніе Гальябо (Gailhabaud), въ которомъ описаны
базилики и церкви, носитъ слѣдующее заглавіе:
Monumens anciens et modernes. Paris. 1853. 4 vol.
in 4°, тоже на нѣмецкомъ Denkmäler der Baukunst
Hamb. 1854.

⁵⁸⁾ Желающіе видѣть рисунокъ этого иконостаса
найдутъ его въ Смирдинскомъ изданіи, Турки и
Константинополь.

⁵⁹⁾ Свѣдѣніе объ этомъ открытіи сообщено было
въ газетѣ Кавказъ и перепечатано въ великолѣп-
номъ изданіи, Caucase pittoresque, выпускъ XI.

⁶⁰⁾ Dubois de Montpéreux. Voyage autour du
Caucase.

⁶¹⁾ Грузія и Арменія. Спб. 1848.

⁶²⁾ Rapport sur un voyage archéologique dans la
Georgie et dans l'Armenie. 3 vol. in 8° съ атласомъ.

⁶³⁾ Замѣчательный храмъ этотъ описанъ въ Кав-
казскомъ Календарѣ, Переваденко и Юсселианомъ,
первымъ на 1832 г. стр. 287, вторымъ на 1833 стр.
402. Онъ находится въ 7 верстахъ отъ Ахалциха.

⁶⁴⁾ Рисунокъ Пицундскаго иконостаса приложенъ
въ Фабровомъ переводѣ Арріанова перипла Понта
Евксинскаго. Одесса. 1836. Оттуда перепечатанъ
въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. за 1837 г. Ч. XIII;
онъ былъ снятъ съ натуры извѣстнымъ художни-
комъ Чернецовымъ.

⁶⁵⁾ См. Табл. X.

⁶⁶⁾ Телавскаго уѣзда Тифлисской губерніи.

⁶⁷⁾ Тифлискаго уѣзда.

⁶⁸⁾ Основаніе его относится къ V и VI в.

⁶⁹⁾ См. Табл. XI.

⁷⁰⁾ Тифлискаго уѣзда, около Мцхета, основанъ
въ одно время съ Зедазенскимъ.

⁷¹⁾ Описаніе Гелатскаго монастыря съ наруж-
нымъ видомъ церкви, находится въ Кавказскомъ
Календарѣ на 1833 г. стр. 401—403.

⁷²⁾ Журналъ Мин. Народн. Просв. на 1835.

⁷³⁾ Мы пользовались этимъ сборникомъ въ 1848
году и тогда же сняли рисунокъ съ перваго ли-
ста. Четырехугольное отверстіе внизу престола съ
стоящимъ свѣтильникомъ напоминаетъ подобнаго
рода отверстія въ каменныхъ престолахъ древнѣй-
шихъ базиликъ.

⁷⁴⁾ Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. I.
320—128.

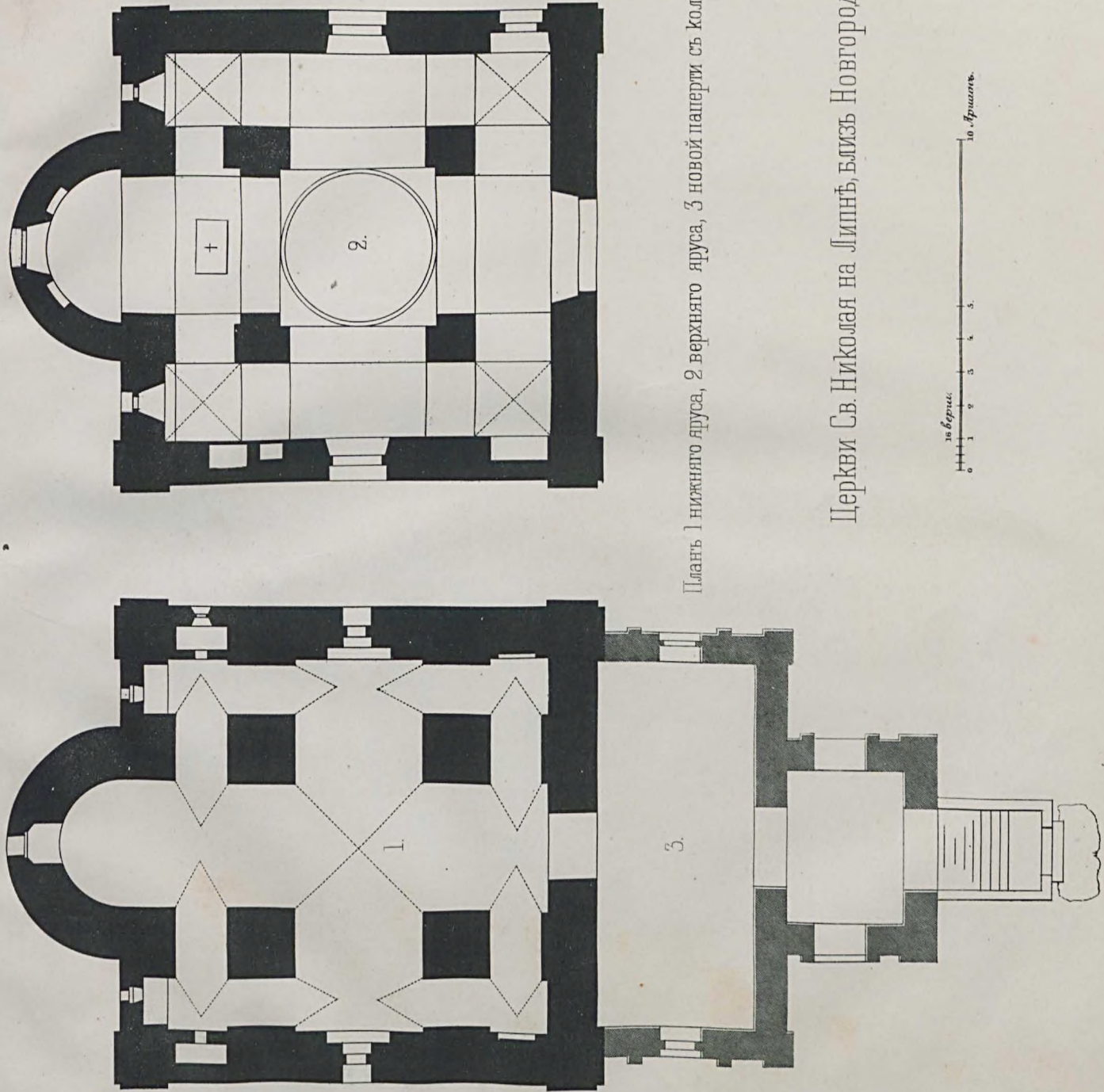
⁷⁵⁾ Гр. Толстой. Древнія Святѣни Ростова Ве-
ликаго. Москва. 1847.

⁷⁶⁾ Manuel d'iconographie chrétienne grecque et
atine, traduit du manuscrit bysantin. Paris. 1845.
Εριμνεία τῆς ζωγραφικῆς Trier. 1835.

⁷⁷⁾ Письма съ Востока, въ двухъ частяхъ. Спб.
1851. Часть I. стр. 312.

⁷⁸⁾ Максютинъ. Очеркъ Исторіи зодчества въ
Россіи, стр. IX, при Русской Старинѣ въ памятни-
кахъ церковнаго и граждаискаго зодчества, Мар-
тынова.

При печатаніи вкралось нѣсколько ошибокъ, которыя легко могутъ быть исправлены, обратимъ
вниманіе читателей на важнѣйшія: стр. 48, строка 10, сказано: изъ описанія внутренности церкви,
слѣдуетъ читать: *при описаніи* и т. д.; на стр. 47, стр. 10, Атеинской слѣдуетъ читать: *Атеинской*;
на стр. 5, стр. 21, ee, слѣд. читать: *a*; на стр. 20, стр. 14, по видимому слѣд. чит. *и по видимому*.

Планъ 1 нижняго яруса, 2 верхняго яруса, 3 новой паперти съ колокольной.

Церкви Св. Николая на Липнѣ, близъ Новгорода.

Церковь Св. Николая на Липнѣ влизь Новгорода.

Восточная сторона.

Церковь Св. Николая на Липнѣ.
Южная сторона.

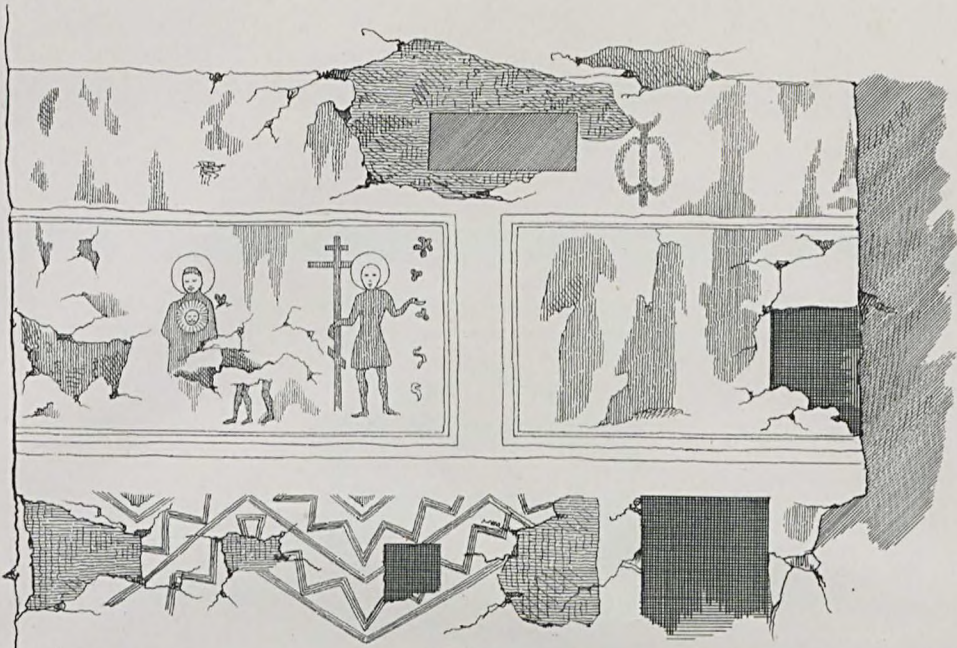

Продольный разръвъъ.
Церкви Св. Николая на Липнѣ.
Сѣверная часть.

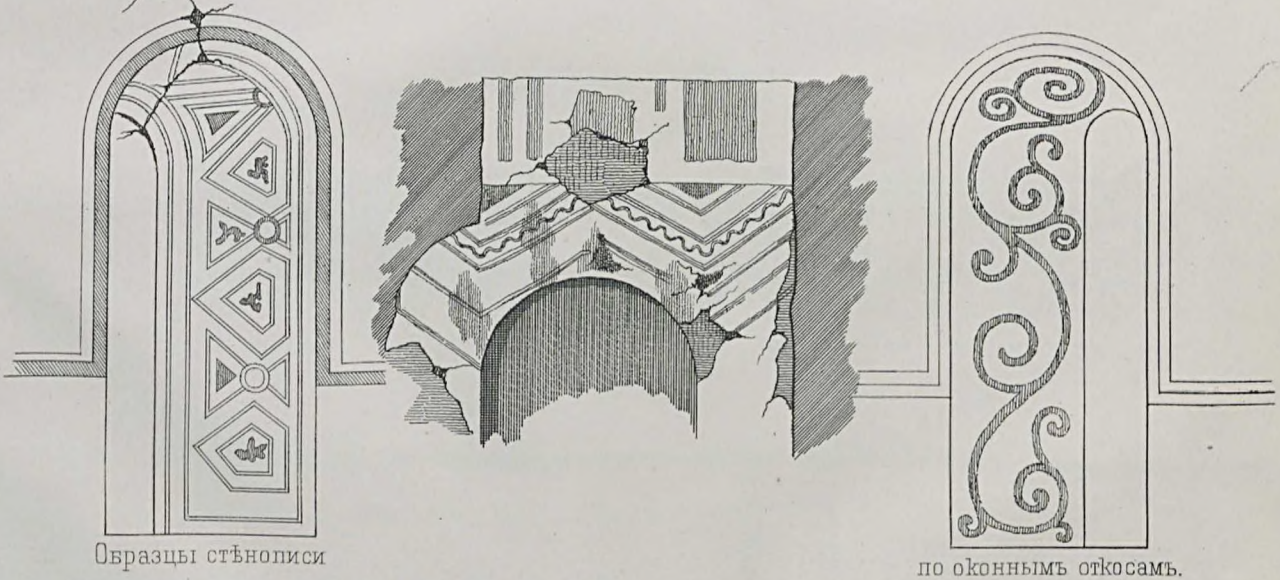

Поперечный разръзь
Церкви Св. Николая на Липнѣ.
Восточная часть.

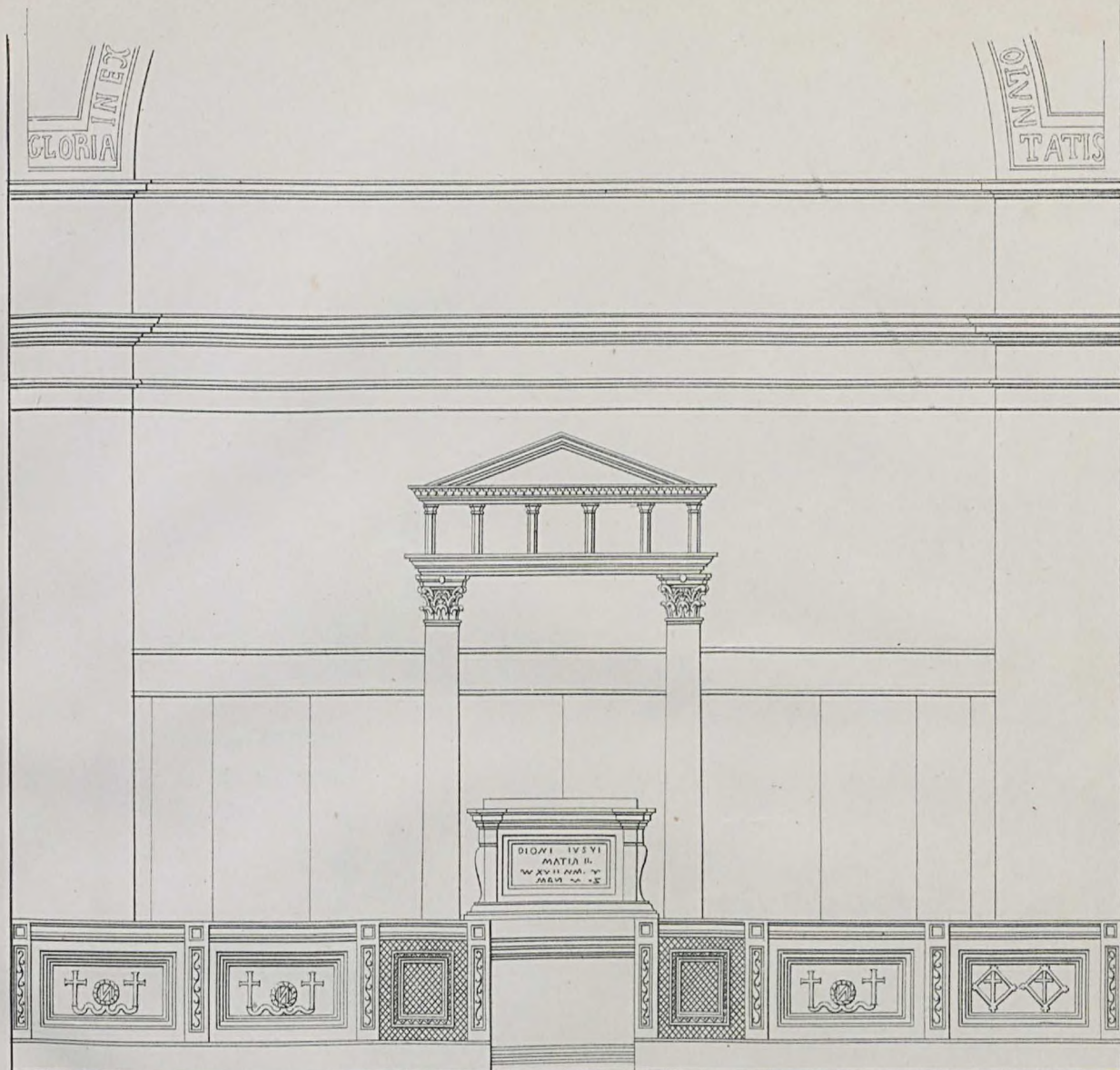
Остатки стѣнописи въ ю.з. углу нижняго яруса.

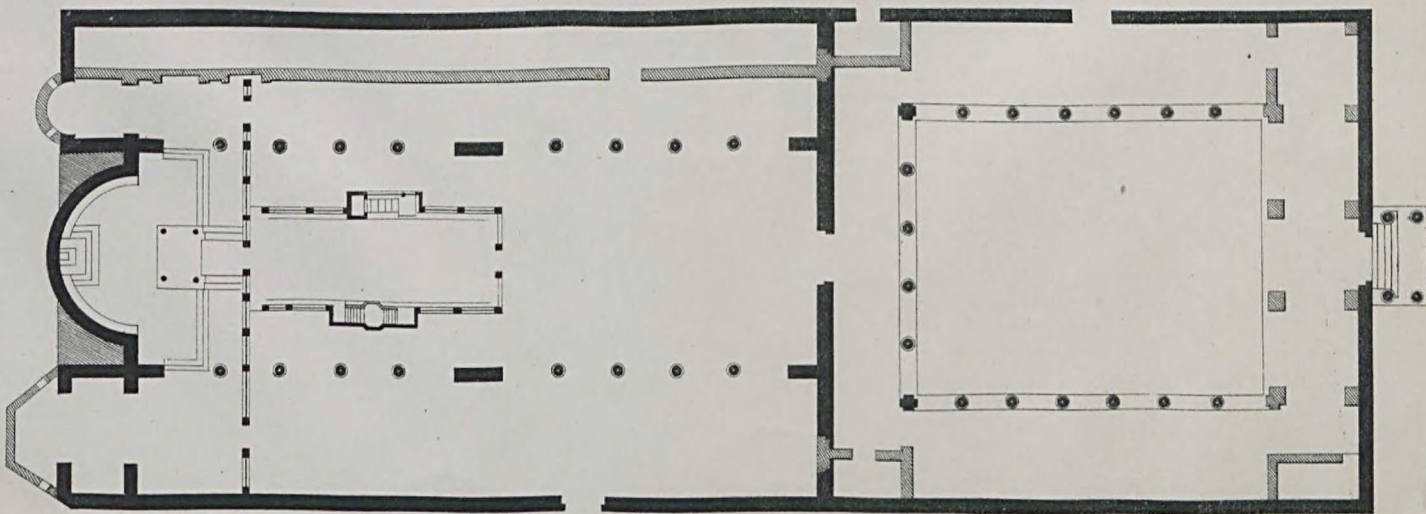
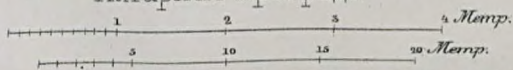
Образцы стѣнописи

по оконнымъ откосамъ.

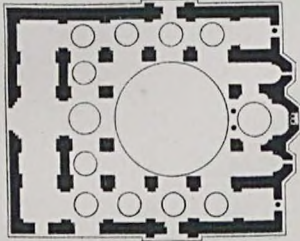
Церкви Св. Николая на Липнѣ.

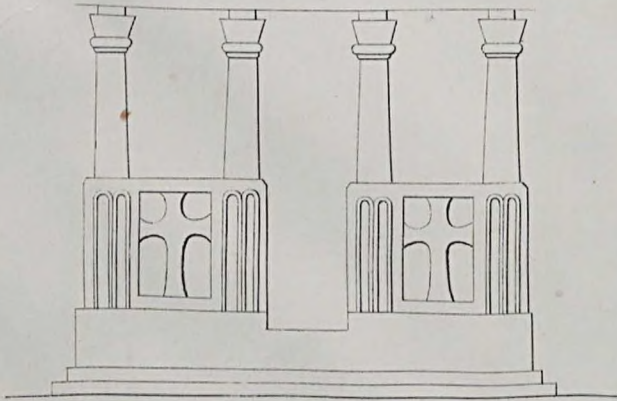
Алтарная преграда

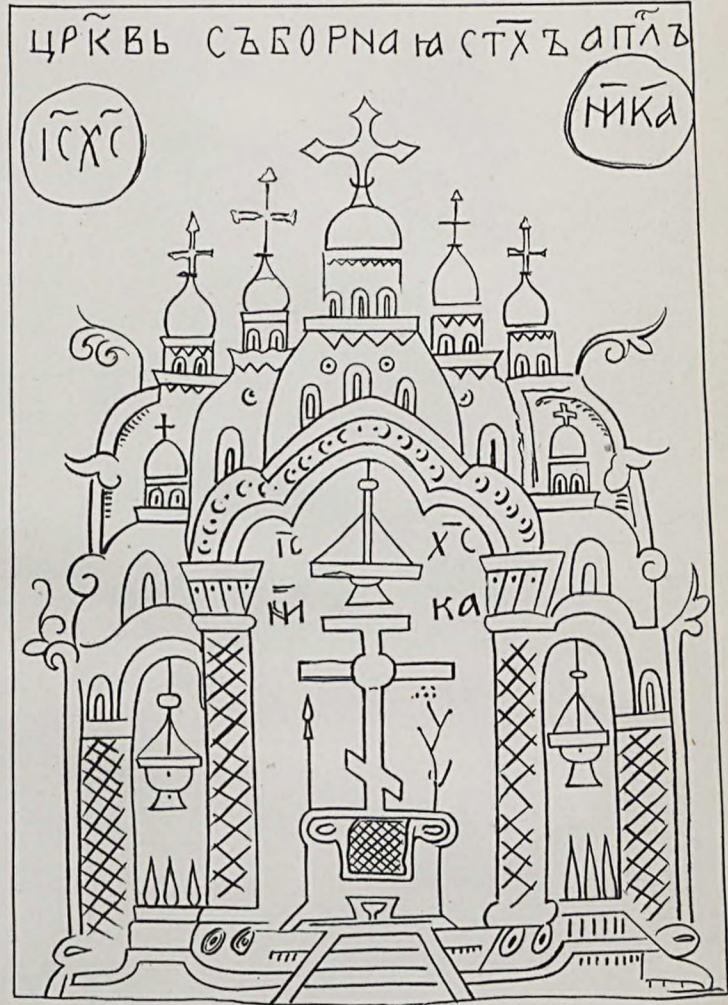
Планъ базилики Св. Климента въ Римѣ.

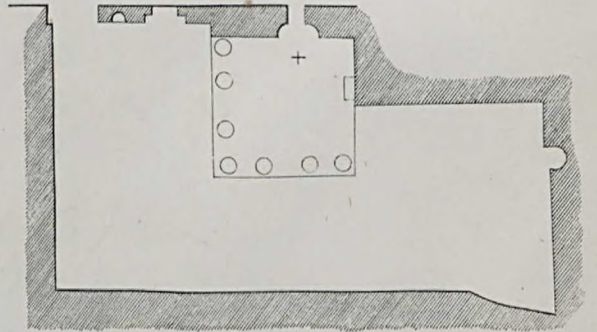
Иконостасъ и планъ Никодимовой церкви въ Авинахъ.

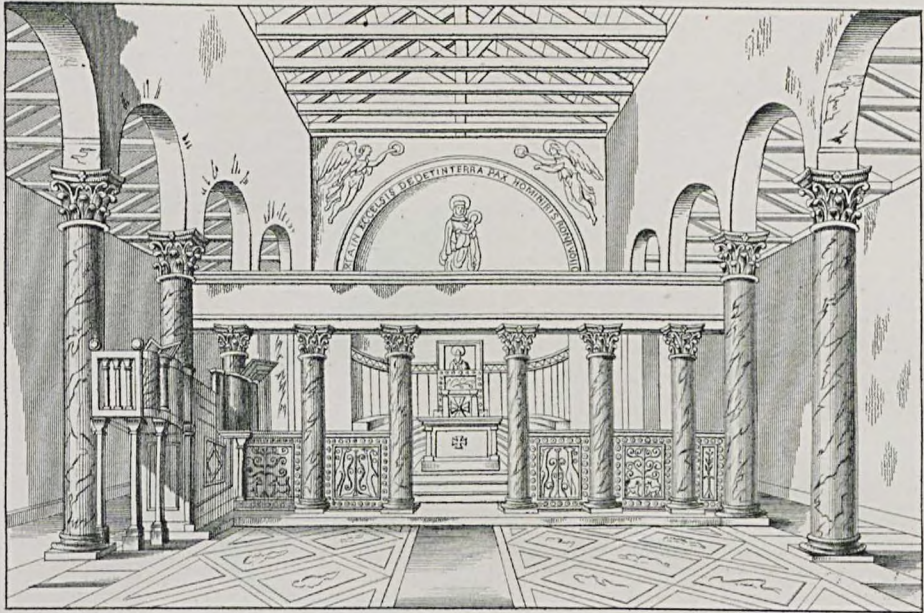

Иконостасъ и планъ подземной церкви въ Тепекерманѣ.

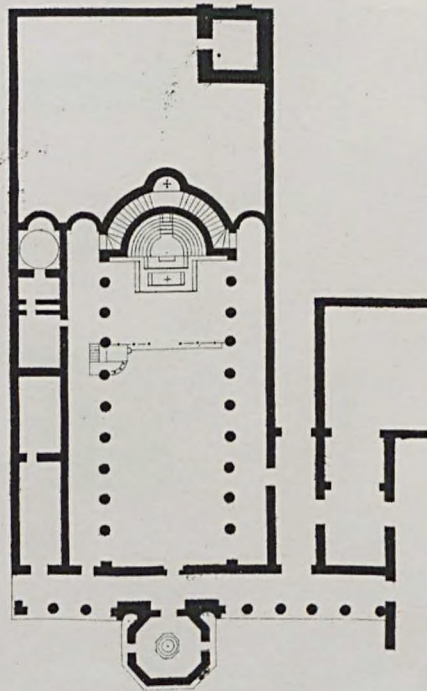

Снимокъ съ Троицкой рукописи.

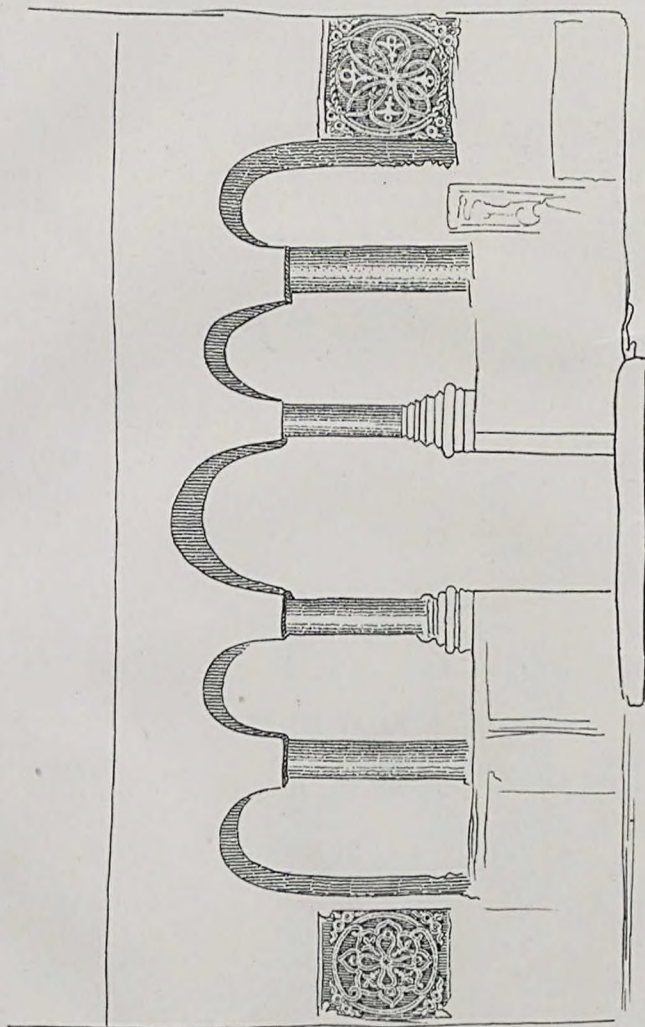

Алтарная Преграда.

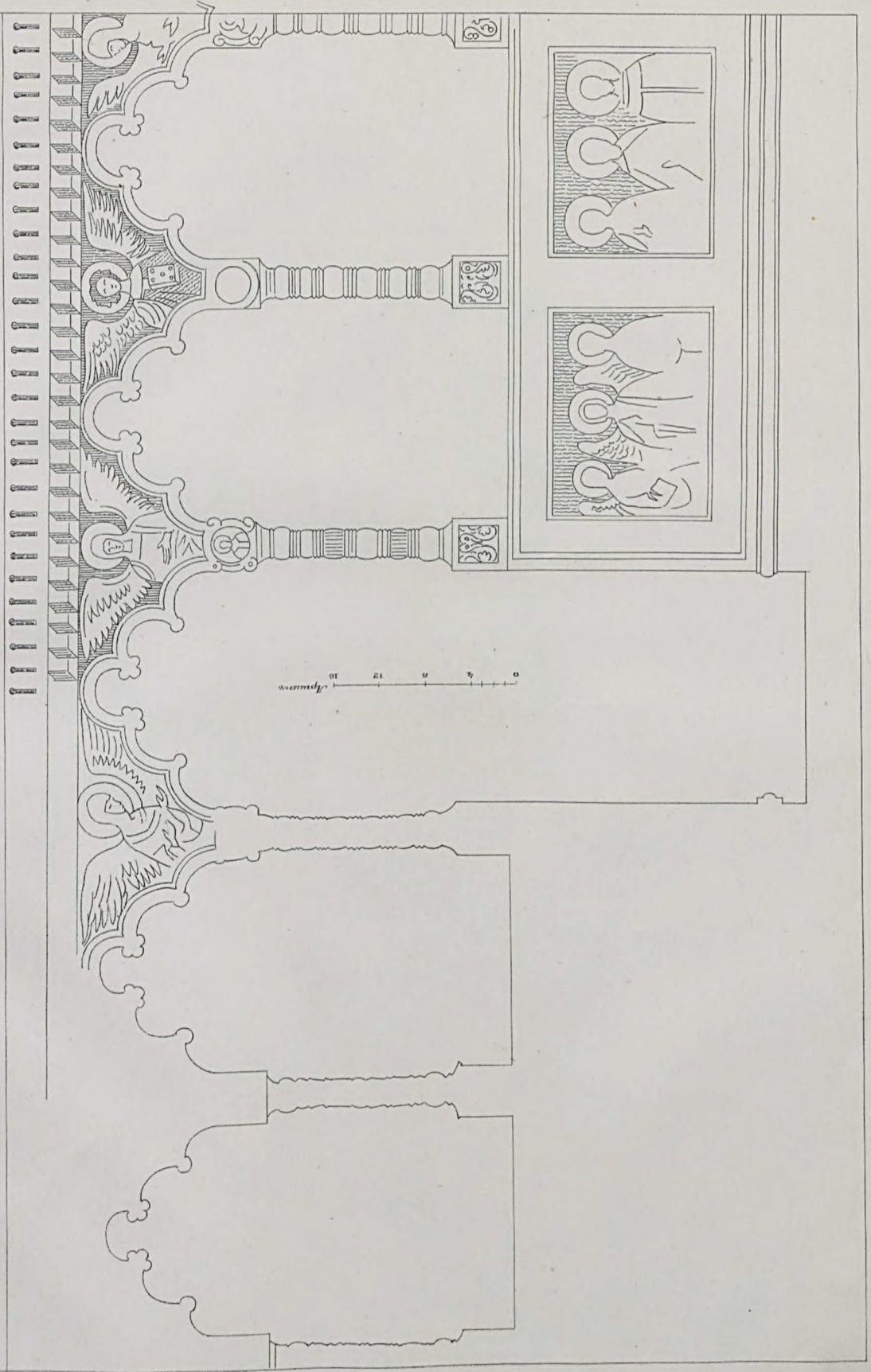

Планъ.

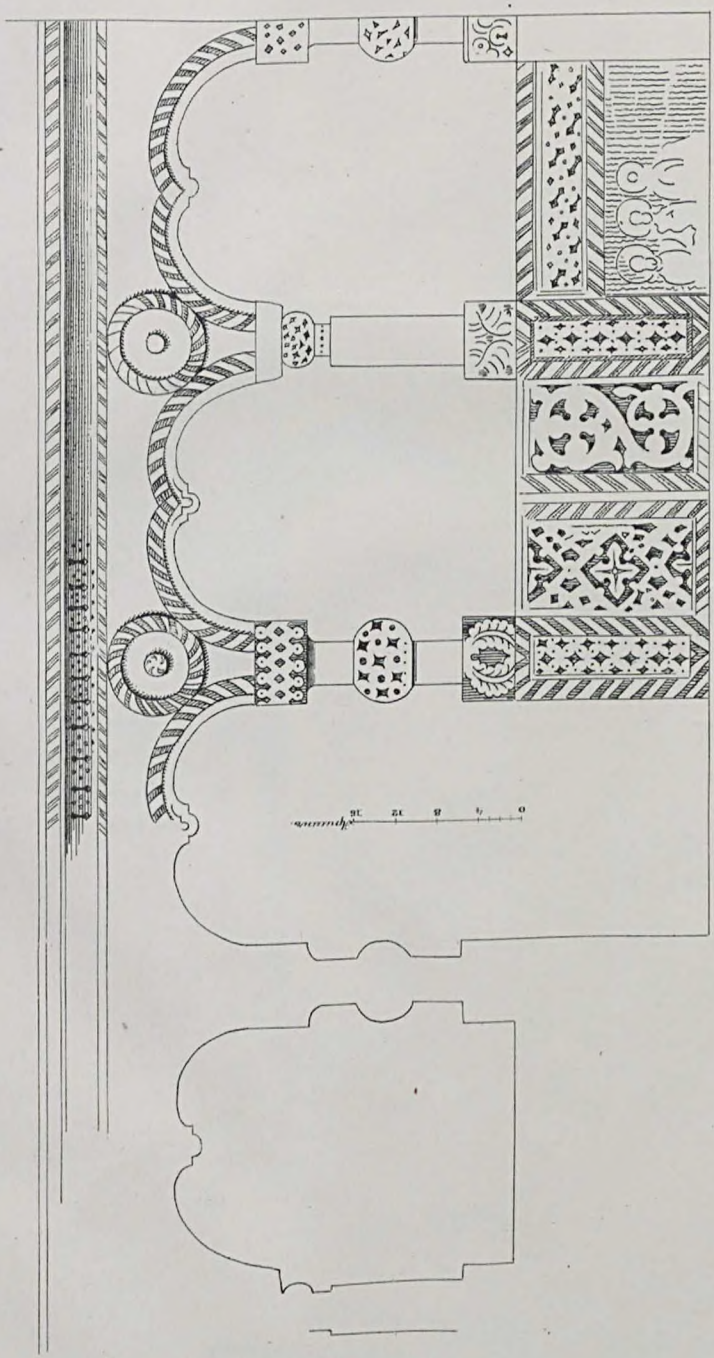
Базилики на островъ Торчелло.

Иконостасъ Сіонской церкви въ Атенской долині.

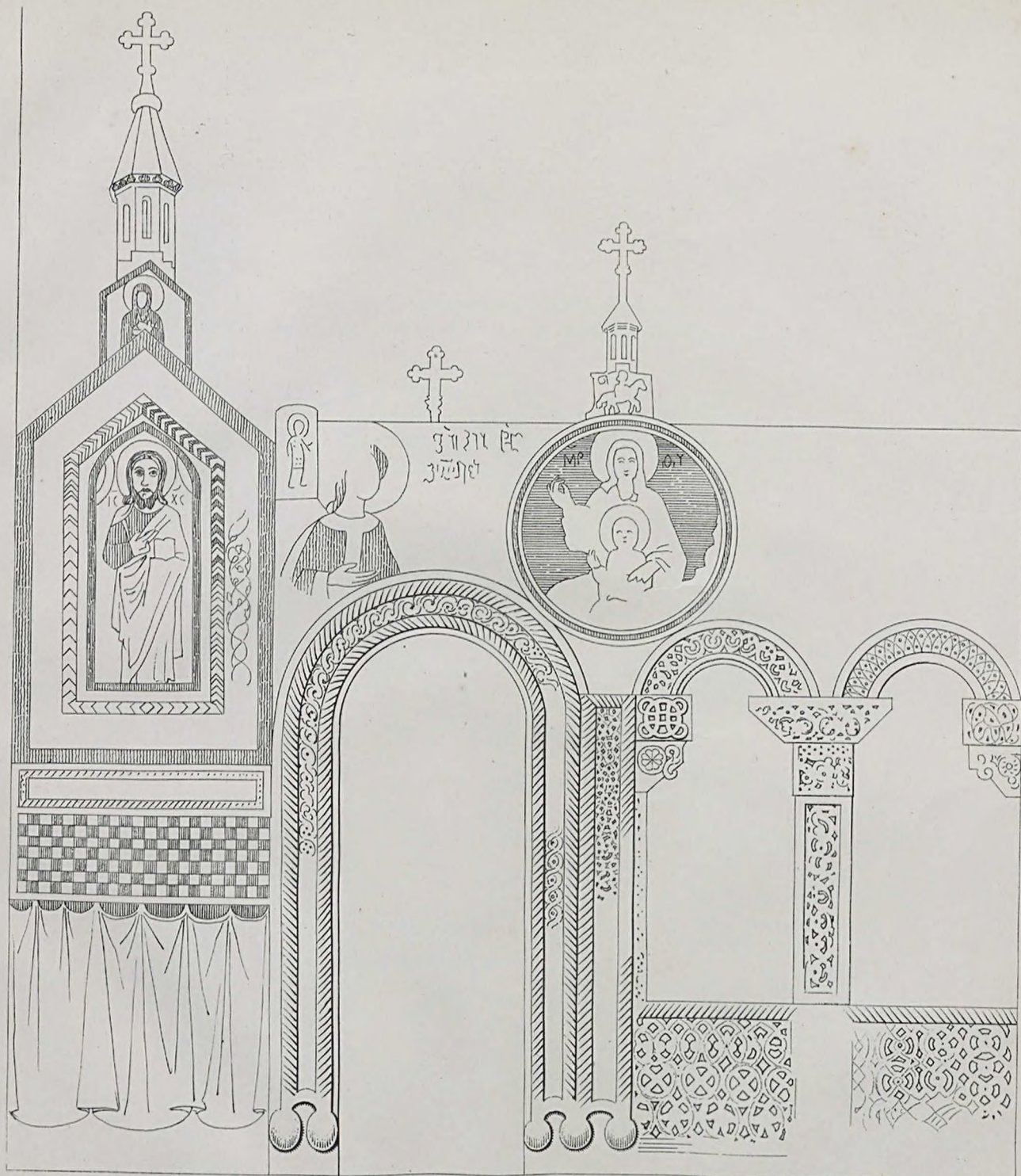

Иконостасъ церкви въ Старой Шуамтѣ.

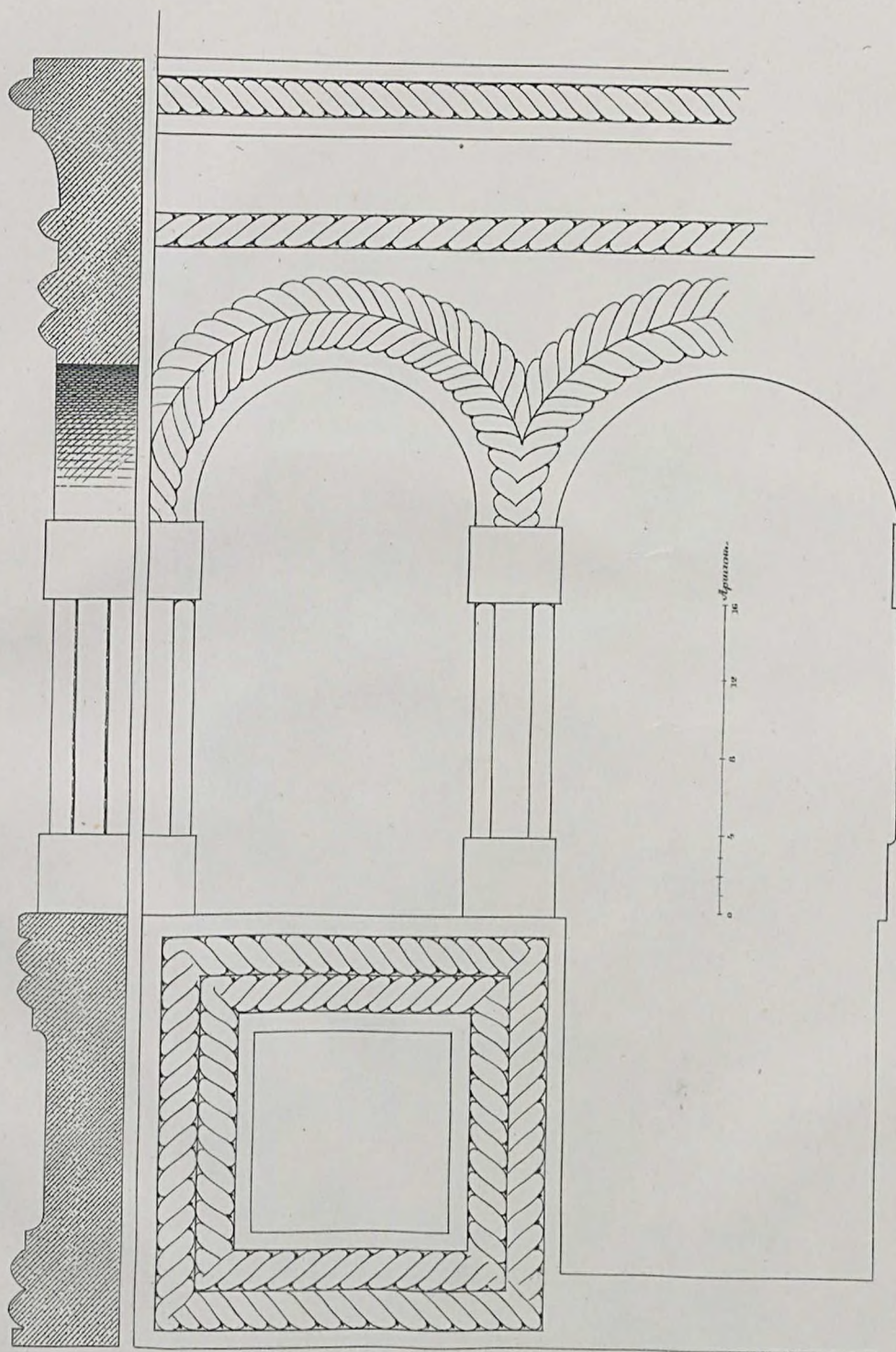

Иконогасъ церкви женскаго монастыря въ Мцхетѣ.

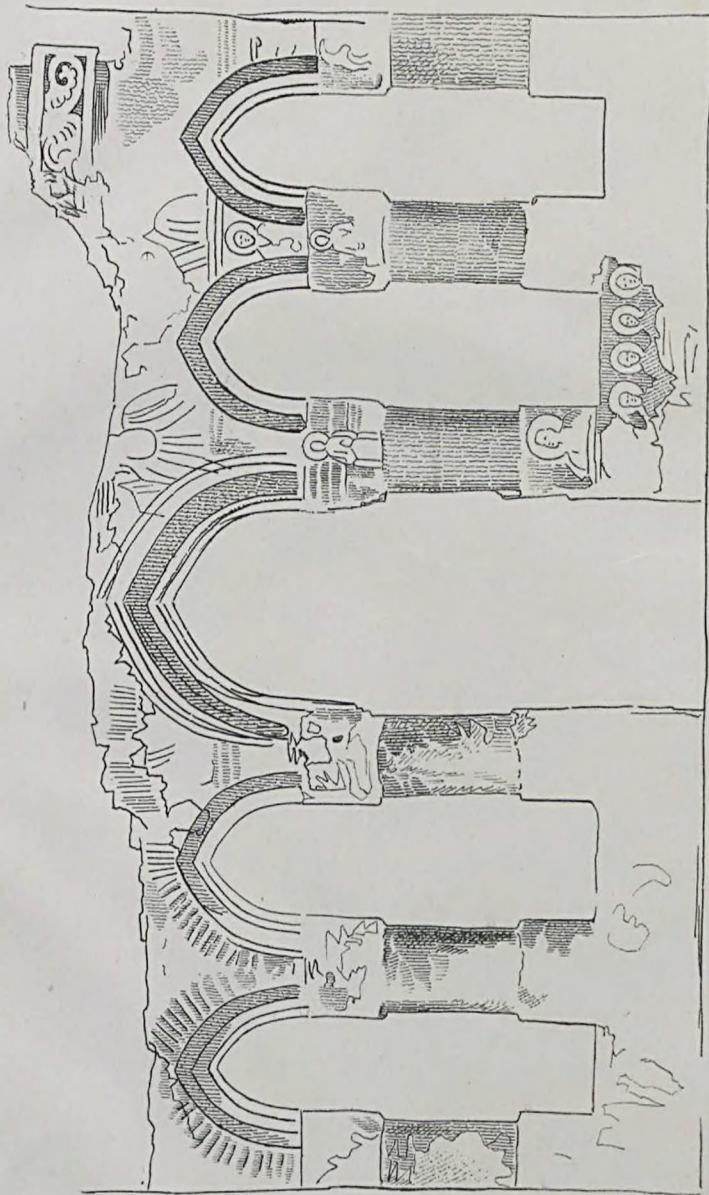

Иконостасъ церкви на вершинѣ Казвека.

Иконостасъ небольшой церкви на горѣ Армази.

Иконостасъ церкви на горѣ Армази.